

КАЗАНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№7 2018

Казань - 2018

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №7 2018г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – 104.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-59615.

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; *В.В. Кондратьев* – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; *А.М. Саяпова* – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Казанский Издательский Дом, 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р.Р. Хуснулина, Лю Шижао</i> СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ РУССКО-КИТАЙСКОГО ВЫСШЕГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	7
10.01.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
<i>Л.Г. Егорова</i> СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ИРОНИЧЕСКОГО И САТИРИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В РЕГИОНАЛЬНЫХ МАССМЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ	12
<i>А.У. Киньябулатов, Р.В. Исхаков, Р.Н. Зигитбаев, Р.З. Нуриманов, А.Д. Лифанова, Р.Р. Ибрагимова, К.Р. Салыхова, Б. Батсайхан, Д.А. Рахматуллина</i> ВОЕННЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ: ОТРАЖЕНИЕ ПОДВИГА СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ МЕДИКОВ	16
<i>И.С. Леонов, Д.Н. Фатеев</i> РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ В СУБКУЛЬТУРЕ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ РОССИИ: ТЕКСТЫ УСТНОГО БЫТОВАНИЯ	19
<i>О.В. Лескова</i> ТОПОС ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ П. В. ЗАСОДИМСКОГО	23
<i>С.В. Минасян</i> ДВЕ ЛИНИИ ОТРАЖЕНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	26
<i>Е.Т. Чамзырын</i> РОЛЬ ЭТНОПОЭТИКИ В ДЕТСКОЙ ПРОЗЕ Ш. СУВАН	29
<i>Чун Чжиин</i> ГИПЕРБОЛА ТЕЛА КАК ФИЛОСОФЕМА (РАННИЕ ПОЭМЫ В. МАЯКОВСКОГО)	32
<i>Ши Шаньшань</i> «ЧАЙКА» А. ЧЕХОВА И «ЦАПЛЯ» В. АКСЕНОВА	38
10.02.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
<i>Л.К. Байрамова</i> РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ О РОДИНЕ	43
<i>Я.Л. Березовская, О.И. Шарафутдинова</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧАЮЩЕГО КУРСА ПО РУССКОЙ ФОНЕТИКЕ	48
<i>И.М. Габдулхакова, Н.Х. Шарыпова, Л.И. Фидаева</i> ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)	51
<i>Т.И. Гасанова</i> МЕСТО И РОЛЬ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРКОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ	55
<i>Ф.Ф. Гилемшин</i> АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ТАТАРСКОГО ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»	58
<i>Ф.Ф. Гилемшин</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ТАТАРСКОМ ПЕРЕВОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»	62
<i>Н.В. Гревцева, О.А. Донскова</i> ПРАГМАТИКА СТИЛИСТИКИ РУССКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ ЕЖЕГОДНОГО ПОСЛАНИЯ В.В. ПУТИНА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ И Д. ТРАМПА "STATE OF THE UNION SPEECH")	65
<i>Т.А. Замиралова, Н.В. Соломина</i> ЖАРГОНИЗАЦИЯ РЕЧИ КАК ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	68
<i>Е.В. Комиссарова</i> ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО СОБЕСЕДНИКА КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ	71
<i>Р.М. Миндияхметова</i> СУГГЕСТИВНО-МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ПРОФИЛЕ КОМПАНИИ	74
<i>Н.М. Мокрецова</i> ИДИОМАТИКА В РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ МЕМУАРИСТА (НА ПРИМЕРЕ МЕМУАРОВ АНГЛИЙСКОГО РЕЖИССЕРА П. УСТИНОВА)	77

<i>Р.А. Полончук</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК	80
<i>А.Е. Фалилеев</i> ПРИМЕНЕНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ В РАМКАХ ФАКУЛЬТАТИВНОГО КУРСА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ	83
<i>А.Р. Фаттахова</i> АРАБСКИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ЯЗЫКЕ СУАХИЛИ	86
<i>А.В. Федорюк</i> ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	89
<i>А.А. Фомин, М.Ш. Базарова, А.Е. Соколова, Н.А. Баева</i> МОДЕЛИ СИНЕСТЕТИЧЕСКИХ МЕТАФОР В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОБЪЕМА ФРЕЙМОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Н. ГЕЙМАНА)	92
АННОТАЦИИ	95

THE RELEASE MAINTENANCE

<i>R.R. Khusnulina, Shirao Liu</i> THE COMPARATIVE STUDY OF RUSSIAN - CHINESE PROBLEMS IN HIGH HUMANITARIAN EDUCATION	7
---	---

10.01.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LITERARY CRITICISM

<i>L.G. Yegorova</i> THE MEANS OF IRONIC AND SATIRICAL EFFECT CREATING IN THE REGIONAL MEDIA TEXTS	12
<i>A.U. Kinyabulatov, R.V. Iskhakov, R.N. Zigitbaev, R.Z. Nurimanov, A.D. Lifanova, R.R. Ibragimova, K.R. Salyahova, B. Batsaikhan, D.A. Rakhmatullina</i> MILITARY ENCYCLOPEDIA: REFLECTION OF THE MOBILITY OF SOVIET AND RUSSIAN MEDICINES	16
<i>I.S. Leonov, D.N. Fateev</i> RELIGIOUS ASPECTS IN THE SUBCULTURE OF FOOTBALL FANS IN RUSSIA: ORAL EXISTENCE	19
<i>O.V. Leskova</i> TOPOS OF THE VOLOGDA REGION IN REMINISCENCES OF P.V. ZASODIMSKY	23
<i>S.V. Minasyan</i> TWO LINES OF FIRST WORLD WAR PROJECTION IN THE FOREIGN LITERATURE	26
<i>E.T. Chamzyryn</i> THE ROLE OF ETHNOPOETICS IN CHILDREN'S PROSE SH.SUVAN <i>Chun Jiin</i> THE HYPERBOLE OF BODY AS A PHILOSOPHEME IN MAYAKOVSKY'S EARLY POEMS	29
<i>Shi Shanshan</i> CHEKHOV'S "THE SEAGULL" AND AKSYONOV'S "THE HERON"	32
	38

10.02.00 - PHILOLOGICAL SCIENCES –LINGUISTICS

<i>L.K. Bayramova</i> RUSSIAN AND ENGLISH IDIOMS ABOUT HOMELAND	43
<i>Y.L. Berezovskaya, O.I. Sharafutdinova</i> LINGUISTIC FOUNDATIONS OF ELECTRONIC TRAINING COURSE IN RUSSIAN PHONETICS	48
<i>I.M. Gabdulkhakova, N.H. Sharypova, L.I. Fidaeva</i> PROBLEMS OF THE CONTRASTIVE RESEARCH OF THE COMPARATIVE CONSTRUCTIONS IN DIFFERENT-STRUCTURED LANGUAGES (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES)	51
<i>T.I. Hasanova</i> THE PLACE AND ROLE OF PROVERBS AND SAYINGS IN PHRASEOLOGY	55
<i>F.F. Gilemshin</i> ANTROPONYMIC LEXICON OF THE TATAR TRANSLATION OF THE WORKS "THOUSAND AND ONE NIGHTS"	58
<i>F.F. Gilemshin</i> FEATURES OF CONSUMPTION OF SOMATIC TERMS IN THE TATAR TRANSLATION "THOUSAND AND ONE NIGHTS"	62
<i>N.V. Grevtseva, O.A. Donskova</i> PRAGMATICS OF RUSSIAN AND AMERICAN POLITICAL DISCOURSE STYLISTICS (CONTRASTIVE ANALYSIS BASED ON ANNUAL V.V.PUTIN'S PRESIDENTIAL ADDRESS TO THE FEDERAL ASSEMBLY AND D.TRUMP'S "STATE OF THE UNION SPEECH")	65
<i>T.A. Zamiralova, N.V. Solomina</i> JARGONIZATION OF SPEECH AS A NATURAL LINGUISTIC PROCESS	68
<i>E.V. Komissarova</i> THE IMAGE OF THE IDEAL INTERLOCUTOR AS A SUBJECT OF LINGUISTIC STUDY	71
<i>R.M. Mindiakhmetova</i> SUGGESTIVE-MANIPULATIVE POTENTIAL OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE ADVERTISING PROFILE OF A COMPANY	74
<i>N.M. Mokretsova</i> THE IDIOM IN THE MEMOIRIST'S SPEECH STRATEGY (ON THE EXAMPLE OF ENGLISH PRODUCER P. USTINOV'S MEMOIRS)	77
<i>R.A. Polonchuk</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF WAYS TO TRANSLATE MILITARY PHRASEOLOGICAL UNITS FROM CHINESE INTO RUSSIAN	80

<i>A.E. Falileev</i> USE OF AUTHENTIC MATERIALS WITHIN THE FACULTATIVE COURSE ON LANGUAGE FORMATION CULTURE OF STUDENTS-BACHELORS	83
<i>A.R. Fattakhova</i> THE ARABIC NUMERALS IN SWAHILI	86
<i>A.V. Fedoryuk</i> THE DISCOURSE ASPECT OF PHRASEOLOGICAL UNITS	89
<i>A.A. Fomin, M.Sh. Bazarova, A.E. Sokolova, N.A. Baeva</i> MODELS OF SYNAESTYTIC METAPHORS ON THE PRINCIPLE OF THE AMOUNT OF FRAME INFORMATION (BASED ON NOVELS BY N. GAIMAN)	92
ABSTRACTS	95

10.01.00

Р.Р. Хуснулина¹ д-р филол. наук, Лю Шижао²

¹Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации
Казань, razilya-kh@yandex.ru

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Высшая школа перевода (факультет),
Москва, shiraoliu@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ РУССКО-КИТАЙСКОГО ВЫСШЕГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье исследуются современные подходы и перспективы к сравнительному изучению проблем русско-китайского гуманитарного образования. Отмечается, что в Китае до «культурной революции» образование, начиная со среднего школьного и кончая высшим гуманитарным, было организовано по советскому варианту. Однако неверно думать, что китайское образование застряло в прошлом, лишь немного изменив стандарты обучения под современность. На самом деле здесь наблюдается качественный синтез традиционного подхода в методике преподавания с инновационными технологиями и решениями. В отличие от большинства европейских университетов, а также российских, где в одном учебном заведении могут преподавать сотни различных специальностей, китайские вузы имеют специализацию. Есть технические, педагогические, лингвистические и другие институты. Таким образом, гуманитарии – относительно малая часть студенчества в Китае. Поэтому многие гуманитарии приезжают в Россию, чтобы получить здесь степень магистра.

Ключевые слова: подходы, перспективы, гуманитарный вуз, образование.

Было бы не совсем правильно считать, что феноменальные успехи Китая в экономике вызваны лишь стимулированием экспорта и формированием благоприятного инвестиционного климата. Позитивную роль в развитие страны главным образом сыграла реформа высшего образования. Обучение в Китае становится всё более востребованным и среди иностранцев.

В последнее десятилетия Россию воистину охватил "китайский" бум - молодежь учит китайский язык, изучает культуру и традиции Китая. И это не случайно - крупная азиатская страна Китай – ближайший сосед, и его влияние в мире с каждым годом растет. Изучение китайского языка становится все более актуальным, и это не только дань моде, но и шанс получить хорошую работу. Крупные зарубежные компании, работающие в сфере международной торговли или только планирующие выход на рынок КНР, нуждаются в специалистах, которые владеют китайским языком или хорошо знакомы с особенностями местного законодательства.

В Китае насчитывается более 2 тыс. университетов, колледжей и профессиональных высших школ, в которых обучается около 9 млн. человек. На бакалаврских программах в них обучается более 5,5 млн. студентов, на магистерских и докторских - около 300 тыс. студентов. Более 450 вузов страны имеют право принимать на обучение иностранных студентов. С Китаем на данный момент подписали соглашение о взаимном признании дипломов об образовании, а также ученых степеней, более 30 стран мира, среди которых Великобритания, Германия, Франция и, конечно, Россия. Количество студентов, которые обучаются в Поднебесной, очень велико. Китай – шестая страна в мире по количеству студентов. Это четко говорит о том, что китайское образование отличается высоким качеством и объективно признано во многих странах мира.

Вместе с тем, немало китайцев обучается в России, преимущественно на гуманитарных факультетах, в том числе в Московском государственном университете, в Высшей школе перевода (факультет). И студенты, а также мы, преподаватели, с интересом сравниваем две в прошлом столь похожие, но теперь разнящиеся, и, по признанию китайских студентов, не в российскую пользу, системы высшего гуманитарного образования в России и Китае.

Совершенно естественно, что в условиях дальнейшего прогресса науки, техники и культуры каждое государство повышает требования к своей системе образования, содержанию, формам и методам обучения в вузе, являющейся сферой воспроизводства и передачи социального опыта. И в этом плане сравнительное исследование системы высшего гуманитарного образования в Китае и России представляет особый интерес.

В Китае до «культурной революции» образование было организовано по советскому варианту и ориентировалось на удовлетворение кадровых потребностей государственной экономики. Сегодня китайское правительство, исходя из принципа «подъем страны за счет науки и образования» и стратегии продолжительного развития, придает модернизации образования и повышению культурного уровня граждан приоритетное значение. Признав образование стратегически важным для социально-экономического развития страны, китайское правительство выработало в области образования курс к модернизации. Здесь не встретить присущего Европе излишнего демократизма в подходе к обучению, так как курсы должны строго посещаться, полной свободы действий студентам не предоставляется, задания должны выполняться в установленный срок и т. д. Дисциплина должна соблюдаться полностью.

Однако неверно думать, что Китай застрял в прошлом, лишь немного изменив стандарты обучения под современность. На самом деле здесь наблюдается качественный синтез традиционного подхода в методике преподавания с инновационными технологиями и решениями. Еще одна особенность КНР – значительное преобладание в программах вузовского образования естественно-технических и прикладных дисциплин (порядка 60 % студенческих мест). Особое внимание все же уделяется техническим наукам. Министерство образования с начала политики реформ и открытости начало реализовывать долгосрочные проекты по развитию системы образования в КНР. Китайское правительство разработало национальные проекты, посвященные развитию высшего образования в стране. Один из таких проектов под номером 211 был разработан еще в 1995 году. Он заключался в том, что было отобрано сто наиболее востребованных учебных заведений. В них должны были обучать только будущих еще специалистов высокого уровня. Если данный университет включен в список, это значит, что он соответствует высоким международным стандартам. Для реализации проекта обучения за пять лет Китай выделил 2,2 миллиарда долларов.

Для улучшения качества высшего образования, научной составляющей деятельности академических учреждений, а также материально-технической базы, была разработана еще одна программа «Проект 985», принятая в 1998 году [4]. Она ставила перед собой задачи сделать несколько китайских вузов заведениями уровня мировых стандартов. Первая фаза этого процесса заключалась в выборе лучших университетов, которым будут выданы средства для дальнейшего развития. Таких вузов выбрали девять, потом их количество увеличилось до тридцати. Поступление в такие вузы стало возможным, после того как весной 1978 года был восстановлен единый государственный экзамен для поступления в высшие учебные заведения [2,19].

Лучшие университеты проводят обучение на английском языке, параллельно с китайским, приглашают западных профессоров, применяют современные методики. Одновременно с перестройкой высшего образования были разрешены частные высшие школы, которых за короткое время открылось более полутора тысяч (более 50% образовательного сектора).

К лучшим вузам страны относится Пекинский Университет, крупнейший в Китае. Разветвленная структура университета включает 12 факультетов, 31 колледж, общее число студентов превышает 46000. В различных рейтингах Пекинский университет ставится на первое место в Азии (делит его с Токийским университетом), входит в мировую двадцатку.

Шанхайский университет немногим уступает Пекинскому по количеству студентов (43000), превосходит его по количеству факультетов (23 факультета), предлагает 59 докторских программ, 148 магистерских специальностей. Считается, что в Шанхае лучший в стране уровень преподавания права, экономики, управления и менеджмента.

Но таких разветвленных университетов в Китае немного. Напротив, особенность китайского образования состоит как раз в том, что, в отличие от большинства европейских, американских университетов, а также российских, где в одном учебном заведении могут преподавать сотни различных специальностей, китайские вузы имеют специализацию.

Есть технические, педагогические, лингвистические и другие институты. Немало вузов, готовящих специалистов по сельскому хозяйству (около 10% студентов).

В итоге гуманитарии – относительно малая часть студенчества, если сравнивать Китай с двумя другими исследуемыми странами.

При получении высшего гуманитарного образования в Китае больше обращается внимание на практические, а не теоретические знания. Современное образование в Китае сохраняет древние традиции. В древности роль университета заключалась в том, чтобы воспитать специалистов, способных работать для развития страны, поэтому идея и способ образования всегда развивались вокруг реальной деятельности, а не теоретической дискуссии [3, с.23]. Целями государственной политики в этой сфере является создание условий для реализации гражданами своих прав на образование, по своей структуре и качеству соответствующее потребностям развития экономики и гражданского общества [1]. Так, на факультете русского языка в китайских вузах больше внимание уделяется практическому переводу, деловым переговорам как форме организации работы. Также студентов готовят владеть лексикой русского языка по узким специальностям, как, например, торговый обмен. При этом, в отличие от российского аналогичного факультета, сравнительно мало учебных часов отводится на предметы, традиционные для российских филологов: русскую литературу, зарубежную литературу историю философии, историю религии и других абстрактных, с точки зрения китайских студентов, дисциплин, которые всегда были базовыми на подобных факультетах.

Вместе с тем, в отличие от Франции, США и России, на занятии в большинстве китайских университетов обмен мнений между педагогами и студентами недостаточен. Например, на занятии «русского языка и литературы» китайские преподаватели часто просят студентов прочитать текст, ответить на вопросы, предложенные в учебнике, и выполнить упражнения. Принято рассказывать о грамматических правилах с помощью слайдов. Умозрительные вопросы редко задают и обсуждают на занятии. Темп занятий быстрый. На факультете русского языка чтению текста с 1000-1500 словами потребуются два академических часа; за это время студенты не только прочитают незнакомый текст, но также преподаватели объяснят всю лексику и грамматические правила. В итоге эффективность образования в Китае действительно высокая.

В большинстве университетов Китая принята вполне уже знакомая русским студентам система «кредитов». На каждый предмет в учебном плане отведено определенное количество часов. Это означает, что университеты имеют довольно гибкие учебные планы, предусматривающие перечень изучаемых предметов, точную сумму «кредитов» или «баллов» по каждому предмету, а также общую сумму баллов, необходимую для аттестации по окончании курса. Чтобы перейти на следующий курс, студент должен набрать определенную сумму кредитов по каждой из изучаемых дисциплин и сдать устный или письменный экзамен. Если за семестр набрано достаточное количество баллов, то студента переводят на следующий курс.

При этом изучаемые предметы делятся на обязательные и факультативные, собственно, как и в ряде российских вузов, к примеру, в МГУ им. М.В. Ломоносова, к которому обе исследовательницы статьи причастны. Ключевые профессиональные дисциплины изучают все студенты факультета, а факультативные выбирают по интересам. Гибкая система позволяет каждому студенту зарекомендовать себя на рынке труда как уникального специалиста, прослушавшего особый образовательный курс.

Таким образом, студенты имеют возможность выбирать изучаемые предметы самостоятельно, с соблюдением условия о наборе определенного количества баллов, требуемого согласно учебному плану для аттестации по данной специальности

При этом в сфере научного исследования китайские университеты напоминают российские. В обоих больше внимания уделяют личному, а не групповому качеству. Оценку ставят, как правило, индивиду, а не группе. В Китае, как и в России, в колледжах и университетах, высоко ценят способности индивида, поэтому в большинстве случаев, будь это контрольная работа, презентация или переходный экзамен, строго требуют выполнить задание самостоятельно. В итоге оценка визуально отражает способность студента, и такая система оценок в обеих странах принимается как справедливая.

Контроль знаний в вузах Китая осуществляется в экзаменационной форме, зачетов нет. Экзамены проводят письменно (в форме тестов) по каждому предмету, на ответы отводят примерно 2:00 часа. Вопросы для подготовки заранее не предоставляют.

Среди ключевых методов обучения: лекции преподавателей, самоподготовка и домашние письменные работы. В вузах Китая нет такой формы обучения как семинары, практические курсы, за исключением таких предметов, как, например, английский язык. Учитывая такие частности, китайские студенты убеждены, что, сегодня, исходя из положительного китайского опыта системы высшего образования, в России необходима новая модель данной системы. Такая модель предусматривает формирование новой концепции государственного управления в системе социального партнерства в сфере высшего образования. Она ориентированна на новую философию образования и управления, инновационное развитие общества, которое сосредоточивает государственную политику на таких направлениях: формирование нормативных принципов для инновационного образования и интеграции образования, науки и производства; финансирование приоритетных направлений инновационного развития и соответствующее формирование государственного заказа на выпускников высшей школы; оптимизацию сети учебных заведений; создание инновационной инфраструктуры и инновационного менеджмента высшего образования; стимулирование инновационной научной деятельности в высших учебных заведениях.

Как прежде российская система гуманитарного высшего образования, так и нынешняя гуманитарная подготовка в вузах Китая, пользуется международным авторитетом. Китайские выпускники работают в ведущих научных учреждениях в Северной Америке, Европе, Японии, Австралии и других странах. Ежегодно около 20 тысяч выпускников вузов Китая продолжают свое обучение в аспирантуре и докторантуре за рубежом. Немало китайских студентов работает в Силиконовой долине, Уолл-стрит, преподает в университетах мирового класса. Китайское правительство подписало соглашения о взаимном признании дипломов с 64 странами и регионами, в том числе с Россией, Англией, Германией, Италией и другими.

Высокий уровень образования в ведущих вузах КНР признает и международное сообщество. За последнее время качество высшего образования в КНР заметно улучшилось. Об этом свидетельствует тот факт, что по итогам прошедшего года 23 китайских университета были включены в число 500 лучших вузов мира. По этому показателю КНР уступает только США, Великобритании и Германии.

Так, исследовательская структура международного высшего образования QS 8 сентября 2010 г. опубликовала новый рейтинг ведущих вузов мира, куда в первую 50-ку попали Сянганский университет, Сянганский университет науки и технологий, Сянганский университет китайского языка и Пекинский университет. Университет Цинхуа разместился на 54-й строчке, Тайваньский университет занял 94-е место. Сянганский университет впервые опередил Токийский и занял первое место среди высших учебных заведений Азии [学术论文的名称].

Хотя Московский государственный университет, в котором мы обе функционируем, занимает куда более высокие позиции. Так, 14 июня 2017 года британская компания Times Higher Education опубликовала репутационный рейтинг World Reputation Rankings 2017. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова — единственный

российский вуз, вошедший в топ-100 лучших университетов мира и занявший 30 позицию второй год подряд. Как отметили составители рейтинга, МГУ в этом году обошёл такие престижные западные вузы, как Эдинбургский университет (University of Edinburgh), Вашингтонский университет (University of Washington) и Мюнхенский университет (LMU Munich), в том числе азиатские.

Наиболее востребованными у китайских абитуриентов считаются университеты в Пекине и Шанхае. Однако это не означает, что все отличники стремятся поступить только в эти два учебных заведения. Не стоит забывать, что конкурс на престижные специальности в китайские вузы огромный. Поэтому большинство выпускников, реально оценивая свои шансы на поступление, выбирают учебу в крупнейшем городе своей или соседней провинции. Тем не менее, лучшие университеты Китая, помимо Пекина и Шанхая, сконцентрированы в нескольких мегаполисах, являющихся региональными центрами. Если брать во внимание формальный рейтинг китайских вузов, то он выглядит следующим образом:

1. Университет Цинхуа (г. Пекин);
2. Пекинский университет;
3. Университет Фудань (г. Шанхай);
4. Университет Сунь Ятсена (г. Чжуншань);
5. Шанхайский Университет Цзяотун;
6. Чунцинский университет;
7. Нанкинский университет;

Указанные вузы предоставляют полный спектр образовательных услуг, начиная от получения диплома бакалавра и заканчивая докторантурой.

Современное образование – это одно из средств решения важнейших проблем не только общества, но и отдельных индивидов. В любом государстве характер системы образования определяется социально-экономическим и политическим строем, а также культурно-историческими и национальными особенностями страны. Требования общества к образованию выражаются в системе принципов государственной образовательной политики. Целями государственной политики в этой сфере является создание условий для реализации гражданами своих прав на образование, по своей структуре и качеству соответствующее потребностям развития экономики и гражданского общества.

В целом, системы образования в Китае и России сохраняют свои собственные характеристики на основе национальных обстоятельств. Система образования развивается со временем, с развитием общества, и закон об образовании также поступательно совершенствуется.

Список литературы

1. Давыдов, В.В. Теория развивающего обучения. М.: БЕК. 1996. - 358с.
2. Жуй Сюэ. Восстановление единого государственного экзамена в вузы. // Китай. 2018. № 3. С. 18-19.
3. Лю Вэньцюань. Педагогические подходы к организации образования в России и Китае (сравнительный анализ): автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Иркутск. 2012.- 25 с.
4. Шаренкова, Т.А. Современное образование в КНР. - Чита: ЧитГТУ. 2006. - 136 с.

10.01.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ - ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ*10.01.10***Л.Г. Егорова, канд. филол. наук**

Крымский федеральный университет,
Таврическая академия (структурное подразделение),
факультет славянской филологии и журналистики,
кафедра межкультурных коммуникаций и журналистики,
Симферополь, legora@list.ru

**СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ИРОНИЧЕСКОГО И САТИРИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА
В РЕГИОНАЛЬНЫХ МАССМЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ**

В работе рассматриваются средства создания иронического и сатирического эффекта в массмедийных текстах Крыма. Объектом исследования являются политические публикации в популярной газете региона «Крымская правда». Автор отмечает, что широкое разнообразие используемых средств иронии и сатиры свидетельствует, в том числе, о требовательности читательской аудитории, на запросы которой должны отвечать журналисты и редакция крымского печатного издания.

Ключевые слова: *масс-медиа, региональный массмедийный текст, Республика Крым, ирония, сатира, политические тексты.*

Современные масс-медиа освещают общественную и политическую жизнь, презентуют разные сферы человеческой деятельности, подавая информацию ярко, для того чтобы привлечь внимание читателя. Недостаточная изученность средств создания иронического и сатирического эффекта в региональных массмедийных текстах обуславливает **актуальность** данного исследования. Современные массовые издания нацелены на реализацию информационной и воздействующей функций, которые по-разному представлены в издании, что обусловлено типологической направленностью последнего. Массовую прессу характеризует превалирование воздействующей функции над информационной, следовательно, её основной функционально-стилистической характеристикой будет являться ярко выраженная экспрессивность. Журналист прибегает к использованию различных приемов и средств выразительности, используя, в том числе, иронию и сатиру. **Цель статьи** – изучить средства создания иронического и сатирического эффекта в региональных массмедийных текстах.

Несмотря на широкий спектр функций иронии, ученые (например, [4; 8; 9]) считают, что ирония в русскоязычном дискурсе зачастую не содержит комизма, она выражает язвительную острую критику. Чувства говорящего при этом далеки от желания шутить: это раздражение, возмущение, неприязнь и т.д. Что касается сатиры, то и в этом случае нет единства исследовательских точек зрения, ученые расходятся во мнении, что это – жанр, род или особый подход к изображению действительности [2; 5; 7]. Но интегративной характеристикой сатиры несомненно выступают обличение и высмеивание пороков общества. Важно отметить и факт двухсюжетности сатиры: комическое развитие событий на первом плане предопределяется некими драматическими или трагическими коллизиями в подтексте. Таким образом, для создания сатиры важны не только так называемые внешние средства, но и внутренние – сюжет, подтекст.

Для выявления средств создания иронического и сатирического эффекта в региональных массмедийных текстах нами были изучены материалы популярной ежедневной крымской газеты «Крымская правда» [6] за период 2013–2015 гг., в общей сложности подвергнуто анализу около 600 текстов. Выбор газеты обусловлен тем, что это издание – одно из старейших СМИ Республики («Крымская правда» выходит с 1918 г.), соответственно, влияет, на наш взгляд, на ситуацию в регионе и отражает существующее положение дел.

Отметим, что иронический эффект необходим тогда, когда автор желает высмеять пороки общества, как правило используя при этом возможности сочетания прямого и переносного значений слова. Представим наиболее востребованные региональными журналистами средства создания **иронического эффекта** в исследуемых массмедийных текстах.

Вкрапления украинских слов в русскоязычный текст: *Идея глобального объединения всех «оппов» против «злочинной влады» и выдвижение на президентские выборы единого кандидата-«мессии» тоже никого особенно не греет* (Н. Филиппов. Украина без Тимошенко. 05.02.2013). Украинские слова в тексте транслитерируются, заключаются в кавычки. Такой способ их представления усиливает иронический эффект.

Контраст: *В этом в очередной раз проявляется трогательная забота «оранжевых» политиков о гражданах, чьи права они требуют свести к нулю* (Н. Филиппов. Украинский тупик - 2013. 15.01.2013). Трогательная забота – это свести к нулю права граждан.

Оценочные слова с безусловно негативной характеристикой описываемого явления: *Государственный интерес, он известно каков - стоило нацистке Фарион заклатить истерику, как спикер, премьер-министр и глава фракции ПР заговорили в стенах парламента преимущественно по-украински.* (Н. Филиппов. Украинский тупик - 2013. 15.01.2013). В словаре: нацист – «Приверженец нацизма, член германской фашистской партии» [1].

Устойчивые словосочетания, выражения: *Понятное дело, что за всеми этими невероятно серьёзными проблемами судьба страны, уже, очевидно, оказавшейся не в состоянии платить по счетам, накопившимся за двадцатилетие незалежности, отходит куда-то на второй план* (Н. Филиппов. «Цивилизационный» выбор, которого нет. 05.02.2013). Платить по счетам – выполнить обязательства [1].

Развернутая метафора: *В Украине – война: Поскольку украинские наци пока что не обзавелись «шмайссерами», подпольщики тоже не пользуются взрывчаткой, ведя борьбу в информационном поле. Но, как и в оккупированной гитлеровцами Европе, под прицел антифашистов попадают высшие чины* (Н. Филиппов. Коричневые. 80 лет спустя. 09.01.2013).

Отметим, что в газете «Крымская правда» за исследуемый период был выявлен 1051 случай употребления иронии: в 2013 году – 526 единиц, в 2014 году – 312 единиц, в 2015 году – 213 единиц.

Сатирический эффект в издании «Крымская правда» чаще всего достигался благодаря введению в текст **устойчивых словосочетаний, выражений, прецедентных высказываний**, характеризующихся негативной оценкой: *В самой этой формуле есть слабые места. Во-первых, если принять версию, столь милую незалежному сердцу, что Украину все вокруг обязаны «угуваривать», то ведь делать это можно разными способами. Помните, «если к сердцу дверь закрыта, можно в печень постучать»? А во-вторых, если уж «поезд ушёл», то кого жалеть? Вступает в действие простой капиталистический принцип «ничего личного, только бизнес»* (Н. Филиппов. Украинские конфеты и американские испражнения. 06.08.2013). «Если к сердцу дверь закрыта, можно в печень постучать» – цитата из «Песня разбойников» группы «Дискотека «Авария». Фраза «ничего личного, только бизнес» – дословный перевод выражения "Nothingpersonal. Onlybysiness", прозвучавшего в фильме Ф. Ф. Коппопы «Крестный Отец». Поезд ушел, и рельсы остыли — поговорка: Уже поздно делать что-либо, время ушло [10].

Представим другие востребованные средства создания сатирического эффекта на страницах анализируемого издания. **Развернутая метафора**, которая влечет за собой появление новых смыслов: *Заседание Верховной Рады – война: «При неясной обстановке ложись спать», – гласит солдатская мудрость. Вопреки ожиданиям оппозиции эпической битвы за трибуну не произошло. Состоится ли запланированный на сегодня штурм, тоже пока неясно. До сих пор по очкам в войне нервов лидировали регионалы, с олимпийским спокойствием воспринявшие демарш «борцов за сенсорную кнопку» (Н. Филиппов. Трагифарс в провинциальном стиле. 18.02.2013).*

В «Крымской правде» успешно используется такой прием, как **намеренное преуменьшение значимости описываемого явления**: Да, кстати. У нас в стране сейчас народное восстание идёт, если кто не знал. Ещё 9 марта объявили. Так что все те, кто причисляет себя к украинскому народу, автоматически считаются восставшими - до тех пор, пока не будет объявлена очередная «перемога». По согласованию сторон, как обычно (Н. Филиппов. Где не ступала нога Гулливера. 19.03.2013). Важную роль в создании намеренного преуменьшения значимости описываемого явления играют синтаксические конструкции – простые парцелированные предложения, простые предложения, осложненные однородными членами с обобщающим словом, вводные конструкции и пр.

Парафраз: В общем, бизнес экс-героя майдана, экс-министра экономики, винницкого олигарха, «сахарного короля» всеукраинского масштаба и предполагаемого кандидата в мэры Киева получил толстую торпеду ниже ватерлинии (Н. Филиппов. Украинские конфеты и американские испражнения. 06.08.2013). Экс-герой майдана, экс-министр экономики, винницкий олигарх, «сахарный король» всеукраинского масштаба и предполагаемый кандидат в мэры Киева = П. Порошенко.

Окказионализмы с отрицательной коннотацией: В пятницу «еврокиевляне» отметили свой профессиональный праздник - годовщину «евромайдана» (Н. Филиппов. Без сожаления о прошлом. 25.11.2014).

Интересным является использование в целях создания сатирического эффекта **гиперболизации**: «На 15 января назначена очередная репетиция московского «майдана», будущие участники которого уже показали свою суть, искренне радуясь неудобствам крымчан и даже требуя «переголосовать референдум обратно», чтобы не доставлять неудобств московской богеме, нечеловечески страдающей без пармезана и хамона» (Н. Филиппов. Без сантиментов. 30.12.2014); **парадокса**: «Список «опасных» областей, где «вышеуказанная напряжённость может подвергнуть опасности американских граждан», открывает Брянская область, с которой в одном ужасающем ряду оказались Курская, Белгородская, Воронежская и Ростовская, а также Краснодарский край. Каким образом в перечисленных областях возможны «столкновения между пророссийскими группировками и украинскими войсками», знают только в Госдепартаменте США. Так или иначе, эта вероятность не выше, чем вероятность появления американского флота «у берегов Белоруссии», о которой ещё раньше говорила Псаки» (Н. Филиппов. Не сердите медведя. 28.10.2015).

В общей сложности в газете «Крымская правда» было выявлено 1896 случаев употребления сатиры: в 2013 году – 915 единиц, в 2014 году – 526 единиц, в 2015 году – 455 единиц. Отметим, что в 2013 году выявлено наибольшее количество публикаций с ироническим и сатирическим эффектом, в 2015 году – наименьшее.

Выводы.

Особые исторические и политические условия, сложившиеся на полуострове в 2013–2015 годах, обусловили специфику создания иронического и сатирического эффекта на страницах «Крымской правды».

Средства создания иронического и сатирического эффекта в исследуемом издании во многом совпадают, поскольку в основном задействуются ресурсы лексики. Так, наиболее востребованные средства создания иронии – перифраз (20%), украинские вкрапления (17%), контраст (14%), оценочные слова (14%); сатиры – устойчивые словосочетания, выражения, прецедентные высказывания (20%); развернутые метафоры (17%), украинские вкрапления (9%), намеренное преуменьшение (9%). Данные средства пользуются популярностью у авторов, поскольку активизируют образный и эмоциональный потенциал языка, с целью вызвать живой отклик у читателей. Отметим также, что в 2013 году активное использование иронии и сатиры связано с политическими событиями в Украине и Крыму, в связи с чем журналисты стремились подавать информацию броско, привлекая тем самым внимание читателя. В 2014 и 2015 годах использование иронии и сатиры идёт на спад, поскольку градус политического напряжения в регионе понижается.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. *Гладченко, Е. А.* Язык СМИ [Электронный ресурс] / Е. А. Гладченко, И. И. Гаршина. – Режим доступа: <https://e-koncept.ru/2016/46137.htm> (дата обращения: 01.05.2018).
3. *Горностаева, А. А.* Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? [Электронный ресурс] / А. А. Горностаева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-v-politicheskom-diskurse-agressiya-ili-razvlechenie> (дата обращения 21.05.2018).
4. *Ермакова, О. П.* Ирония и ее роль в жизни языка : учебное пособие [Текст] / О. П. Ермакова. – Москва : Флинта, 2011. – 88 с.
5. *Желтухина, М. Р.* Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики : монография [Текст] / М. Р. Желтухина. – Волгоград : ВФ МУПК, 2000. – 264 с.
6. Крымская правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://c-pravda.ru>.
7. *Липатова, Е. Г.* Лингвоэстетические особенности российской публицистики 1990-х гг. : дисс... канд. филол. наук : 10.02.02 – русский язык [Текст] / Е. Г. Липатова. – Орск, 2002. – 192 с.
8. *Охримович, К. В.* Ирония и принцип вежливости в английском диалоге : дисс... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / К. В. Охримович. – Уфа, 2004. – 230 с.
9. *Пивоев, В. М.* Ирония как феномен культуры [Текст] / В. М. Пивоев. – Петрозаводск : Изд-во Петрозаводск. ун-та, 2000. – 104 с.
10. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс]. – М. : Локид-Пресс, 2003. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 13.06.2018).

10.01.00

**А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, Р.В. Исхаков, Р.Н. Зигитбаев, Р.З. Нуриманов,
А.Д. Лифанова, Р.Р. Ибрагимова, К.Р. Саляхова, Б. Батсайхан, Д.А. Рахматуллина**

Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru

ВОЕННЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ: ОТРАЖЕНИЕ ПОДВИГА СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ МЕДИКОВ

Военная энциклопедия является сводом (военных, политических, исторических) знаний, в котором все статьи связаны, в большой или меньшей мере дополняя, развивая одна другую, но тема освещения подвига советских и российских медиков в войнах и вооруженных конфликтов раскрыта крайне недостаточно.

Ключевые слова: военные энциклопедии, военные справочники, энциклопедия, военная медицина, медицинские работники.

В 2015 году в свет вышла «Энциклопедия Великой Отечественной войны 1941-1945 годов», созданная коллективом авторов и изданная в г. Москва в Издательском доме «Звонница-МГ» объемом 726 страниц [1]. В данном издании не указано, что эвакуогоспитали имели разную подчиненность: НКО СССР, ВЦСПС, Народным комиссариатам автономных республик и др. В издании нет ни одной фамилии врачей-академиков (гл. хирурга Н.Н. Бурденко; гл. терапевта, гл. инфекциониста и др.).

Не отражён вклад организаторов здравоохранения в дело Великой Победы (хотя бы по-фамильно без раскрытия конкретных дел), не указана дата создания АН СССР – 1944 г., нет ни одной цифры сколько раненых и больных возвращено в строй? Какой героизм проявляли врачи в годы войны ни слова. Нет сведений о методах лечения, научных и учебных заведениях, проявивших себя в годы Великой Отечественной войны. Нет данных сколько медиков получили звание Героев Советского Союза? Сколько Героев Социалистического Труда среди медиков в годы Великой Отечественной войны? Сколько было военных госпиталей в годы Великой Отечественной войны, а среди них эвакуационных госпиталей? Не приведена классификация эвакуогоспиталей? Анализ военных энциклопедий показывает, что в России всегда придавали большое значение военному делу, и это нашло отражение не только в численности армии и ее финансировании, но и в посвященной ей литературе. И до революции, и в советское время было издано несколько специальных военных энциклопедий.

Единственная дореволюционная "Военная энциклопедия" была издана в 1911-1915 гг. по инициативе издателя И.Д. Сытина и на его средства, как писал издатель в своих воспоминаниях вопреки желанию военного министра В.А. Сухомлинова. В её состав редколлегии входили генерал К.И. Величко, В.Ф. Новицкий, полковники и капитаны Русской армии. Вышло в свет 18 томов, но издание не было завершено в связи с началом Первой мировой войны. Оно оборвалось на слове "Порт-Артур", что было весьма символично, некоторые тома остались в корректуре. В энциклопедии содержалось очень много интересных статей, посвященных истории войн, характеристике военных заводов России, истории вооружения, международным договорам и другим мероприятиям, связанным с военной и морской историей, в том числе малоизвестным. Например, статья «Американская экспедиция русского флота в 1863-1864 гг.» рассказывает о том, что когда подавление польского восстания Россией встретило крайне отрицательное отношение со стороны Англии и других стран, русский флот провел две экспедиции - одну тихоокеанскую,

другую - атлантическую, к берегам Америки, где в это время шла гражданская война в США. Демонстрация силы русского флота (одна эскадра встала на рейде Нью-Йорка, другая - на рейде Сан-Франциско) переломила общественное сознание в мире, никаких выступлений против санкций России по подавлению польского восстания более не было [1].

Этот сюжет можно найти только в "Военной энциклопедии". В современной России, начиная с 1998 г., эта энциклопедия переиздается репринтом.

В советское время было четыре опыта издания военной энциклопедии. Первая, под редакцией К.Е. Ворошилова, готовилась в конце 1920-х - начале 1930-х годов и должна была показать успехи в военном строительстве первого в мире государства рабочих и крестьян в капиталистическом окружении. Однако было выпущено только два тома, до буквы "В" - репрессиям военачальников предшествовали репрессии в военной науке.

Значительно более повезло "Советской военной энциклопедии" 1970-х годов. Ее первое издание осуществлено под редакцией министра обороны маршала А.А. Гречко и маршала Н.В. Огаркова в восьми томах (1976-1980 гг.). Энциклопедия представляет несомненную ценность, поскольку содержит сведения по истории войн с точки зрения современной науки, уделяет особое внимание войнам XX в., армиям стран - участниц Варшавского договора. Вероятно, этим можно объяснить специальный интерес к этой энциклопедии в США, где она была переиздана в переводе на английский язык в четырех томах.

Поскольку со временем эта энциклопедия несколько устарела, в 1990 г. было предпринято второе издание "Советской военной энциклопедии" под редакцией М.А. Моисеева, С.Ф. Ахромеева, Д.А. Волкогонова, которое, так же как и первое, предполагалось издать в восьми томах, но вышел только один том, второй и следующие тома стали называться просто "Военная энциклопедия", причем первый ее том, еще раз переработанный, вышел позднее второго.

Великой Отечественной войне посвящено специальное энциклопедическое издание - "Великая Отечественная война", вышедшая к 40-летию Победы.

К числу военно-исторических справочников может быть отнесен и уникальный, изданный в США потомками русских казаков "Казачий словарь-справочник". Казачество, верно служившее российскому государству и императорской династии, в ходе революции и гражданской войны оказалось уничтожено как сословие, но казачьи организации в эмиграции пытались сохранить свои традиции, хотя бы внешне. Так появился этот словарь, в котором говорится об истории казачества в XVII-XIX вв., о центрах казачества в России (станции, города), о казачьих деятелях эмиграции, о связанных с казачеством документах, в том числе о Декларации В. Кейтеля и А. Розенберга от 10 декабря 1943 г. о возрождении казачества на оккупированных территориях СССР.

Полезным для историка справочником является издание, порожденное изменениями в политической, государственной и общественной жизни России на рубеже XX и XXI вв. Это «Политическая энциклопедия», дающая современное толкование основным понятиям жизни общества и государства. Здесь приводится широкий аспект понятий политической жизни. Так, например, объясняется содержание различных сфер власти - абсолютная, государственная, законодательная, исполнительная, местная, наследственная, представительная, судебная, федеральная, центральная; понятий - гражданственности, гражданского общества и пр. Статьи снабжены библиографией.

В Научно-издательском комплексе «Башкирская энциклопедия» в 2013 году вышла «Военная история башкир: энциклопедия» объемом 432 страницы. Главный редактор А.З. Асфандияров. Данная энциклопедия посвящена многовековой военной истории башкирского народа. В книге показано участие башкир в войнах и походах России, которое нашло отражение не только в исторической науке, но и произведениях фольклора, литературы, изобразительного и театрального искусств, музыки, кинематографии. Издание содержит более 800 статей, около 400 иллюстраций, в т.ч. картосхемы боевых действий. В данной энциклопедии информация о медицинской помощи башкирам во время боевых действий практически не уделено должного внимания.

В марте 2011 года состоялась I Международная научно-практической конференция по истории медицины, физической культуры и спорта, посвященной 120-летию со дня рождения заслуженного врача РСФСР Н. Г.Н.Байтерякова и 80-летию со дня рождения профессора М.Б.Мирского на которой было сообщено о том, что в XXI веке требуется создание военной медицинской энциклопедии, особенно в регионах России [3].

Выводы:

1) В военных энциклопедиях, вышедших в СССР и Российской Федерации, отражение подвига военных медиков представлено исключительно в незначительной пропорции понятийных и персональных статей.

2) В XXI веке требуется создание военной медицинской энциклопедии.

Список литературы

1. Энциклопедия Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. / Коллектив авторов. М., Издательский дом «Звонница-МГ», 2015. – 726 с.
2. *Щапов Я.Н.* Справочный инструментарий историка России / Я.Н. Щапов; Ин-т рос. истории РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. - М.: Наука, 2007. 187 с.
3. Материалы I Международной научно-практической конференции по истории медицины, физической культуры и спорта, посвященной 120-летию со дня рождения заслуженного врача РСФСР Н.-Г.Н.Байтерякова и 80-летию со дня рождения профессора М.Б.Мирского. Уфа, БГМУ-УГАТУ-Академия ВЭГУ, 2011 — 214 с.

10.01.01

И.С. Леонов канд. филол. наук, Д.Н. Фатеев канд. филол. наук

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
филологический факультет, кафедра мировой литературы,
Москва, mamif.lis@rambler.ru, d_fat@bk.ru

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ В СУБКУЛЬТУРЕ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ РОССИИ: ТЕКСТЫ УСТНОГО БЫТОВАНИЯ

В работе рассмотрены тенденции, связанные с возникновением и функционированием в субкультуре футбольных болельщиков религиозно-христианских мотивов. Отмечаются два противоположных течения: с одной стороны, религиозные аспекты проявляются в гимнах, песнях и кричалках футбольных фанатов, с другой, – происходит формирование специфического футбольного культа, предполагающего сакрализацию либо самого процесса игры, либо образов наиболее успешных спортсменов.

Ключевые слова: *современный городской фольклор, христианские мотивы, субкультура футбольных фанатов, кричалки, Чемпионат мира по футболу – 2018.*

Фольклор футбольных фанатов продолжает оставаться приоритетным направлением изучения современного устного народного творчества. Благодаря чемпионату мира, проходившему в России в 2018 году, появилось множество новых фанатских песен и кричалок, которые являются образцами городского фольклора сегодняшнего дня. Настоящая работа посвящена рассмотрению достаточно интересного, но малоизученного социального и культурного явления – сближению религиозной ментальности и футбольного фанатизма – нашедшего отражение в текстах, создаваемых болельщиками.

Религиозно-христианская парадигма и субкультура футбольных фанатов, на первый взгляд, представляют собой разноплановые и практически не пересекающиеся явления. Однако, можно отметить, что в современном обществе наблюдается тенденция сближения христианства и «игры № 1». Знаковым событием последних лет стало формирование Патриаршей комиссии по вопросам физической культуры и спорта, в состав которой вошли как представители церкви, так и известные спортсмены. Кроме того, в епархиях РПЦ происходит формирование спортивных команд (наиболее известен ФК «Митрополия» из Санкт-Петербурга), проводятся межепархиальные и межприходские состязания. Получает развитие и традиция духовничества в спорте; ряд команд имеют своих религиозных наставников из числа священнослужителей.

О собственной причастности к православию заявляют многие современные спортсмены. В интервью или публикациях в социальных сетях они благодарят Бога за успешную игру, умаляют собственные заслуги по сравнению с могуществом и промыслом Творца. Так, заслуживает внимания реплика игрока сборной России по футболу Дениса Черышева, процитировавшего слова апостола Павла после победы над сборной Испании в 1/8 чемпионата мира по футболу-2018: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп 4:13) [6].

Для людей, относящихся к субкультуре футбольных фанатов («субкультура – коммуникативная система, самовоспроизводящаяся во времени» [8, с. 29]), «футбол – это не только самая популярная игра на планете, но и некий смысл жизни. Часто даже в ожидании будущего матча, выезда в другой город у них возникает состояние, описываемое как «сердце колотится, такой адреналин!». На вопрос интервьюера, а что бы они делали, если бы футбола не было в нашей жизни, большинство ответили, что и «жить тогда не было бы смысла». Как выразился один из респондентов, «футбол – это наше все, это не просто игра, это религия» [9, с. 106]. Некоторые представители сообщества могут носить футболки с надписью: «Футбол – моя религия», также сами фанаты отмечают, что среди них «встречаются верующие люди, поскольку большинство русских у нас по крайней мере крещены и считают себя православными» [2].

Очевидно, что картина мира футбольных фанатов обладает многогранным характером; каждый человек, входящий в данную группу, привносит в нее новые и уникальные черты. Среди болельщиков есть люди, хорошо знакомые с христианством, что способствует включению религиозных мотивов в тексты, создаваемые фанатскими движениями и озвучиваемые с трибун стадионов во время матчей. Как отмечает Ф. Пономарев, также «*на трибунах стадиона иногда появляются различные христианские символы: полотнища с изображением Спасителя или креста, Александра Невского, византийская символика*» [4, с. 47].

Следует отметить, что религиозные мотивы можно найти как в устных текстах, озвучиваемых с трибун, так и представленных в печатном виде (баннеры, растяжки, флаги, стикеры, трафареты, татуировки, названия фанзинов и фанатских группировок). Основное внимание авторов настоящей работы будет уделено текстам, имеющим устное бытование: гимнам, песням, кричалкам футбольных болельщиков, в которых обнаруживаются религиозно-христианские мотивы.

Определим две противоположные тенденции, проявляющиеся в исследуемых произведениях. Первая представлена прямым обращением к христианским образам, установкой на национальную самобытность. Вторая связана с кардинальной подменой понятий: место Бога занимает либо сам футбол (возникает образ «футбольного бога»), либо один из игроков, который становится адресатом практически религиозного поклонения.

В русле первого направления отметим формирование образа любимой команды как находящейся под особым покровительством Творца. Данная идея может быть высказана в качестве своеобразного благопожелания:

Пересекая города, Вы шли уверенно к победам.

Пусть Бог хранит везде всегда

Наш клуб московское Торпедо!!! [1].

Наряду с этим в текстах футбольных фанатов возникает обращение к Богу с просьбой оказать покровительство спортсменам. В этом случае можно говорить о включении элементов жанра молитвы в произведения футбольных фанатов. При этом становится очевидной связь указанных текстов с отечественной гимнографической традицией. В качестве примера можно привести следующий текст фанатов ФК «Спартак» (Москва):

Боже, Спартак храни! Дай ему силы,

Чтоб победил он все клубы страны!

Боже, Спартак храни! Дай ему силы,

Чтоб победил он во имя Москвы!

Царствуй на славу нам клуб златоглавый

Боже, Спартак храни!

Царствуй на страх врагам клуб православный

Боже, Спартак храни! [5, с. 38].

Следует отметить, что, как и в гимне В.А. Жуковского, фраза «Боже, Спартак храни» (изначально – «Боже, Царя храни») выступает в качестве рефрена, заключающего в себе главную мысль. Наряду с этим в песне футбольных болельщиков проявляются мотивы, связанные с образом Москвы, в народной этимологии названной златоглавой, что вызывает в сознании слушающих ряд ассоциаций, указывающих на сакральное восприятие столицы, проявившееся ранее в традиционных формулах, например, «Москва – третий Рим». Очевидно, что данное высказывание свидетельствует о восприятии столицы России как хранительницы мирового православия. В приведенной выше фанатской песне православным именуется сам столичный футбольный клуб. Можно предположить, что в данном тексте возникает любопытный ассоциативный ряд: *Москва православная / Спартак православный*. Таким образом, футбольный клуб в сознании авторов и исполнителей подобного гимна разделяет ответственность столицы за сохранение и развитие религиозно-христианских ценностей, связывающих современное поколение с предками.

Интересной особенностью текстов, созданных футбольными болельщиками, становится включение названия любимого клуба в один ценностный ряд с такими понятиями, как Родина, вера и т.д. В качестве иллюстрации можно привести следующий фрагмент, представляющий собой переделку народного строевого припева, перемежающего слова «Песни о Вещем Олеге» А.С. Пушкина:

*Так громче музыка играй победу,
Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит.
Так за «Спартак», за Родину, за веру
Мы грянем громкое «Спартак», «Спартак», «Спартак»!* [5, с. 9; с.16].

Обращает на себя внимание еще одна тенденция, связанная с включением определенных религиозных маркеров в тексты кричалок. Основная особенность данных произведений связана с мотивом признания верности православию, религиозными и патриотическими ценностями. Речь идет о таких репликах, как «Мы русские, с нами Бог» [1], «Одни цвета – одна вера!» [1], «Православные» [1]. «Обращение к религии, предназначенное для болельщиков, в данном случае выполняет функцию национальной идентификации, так же, как и популярные футболки с надписью: «Я русский». Есть версия, что первое массовое скандирование фанатами речевки «Православные!» произошло в мае 2004 года, когда грозненский «Терек» вырвал победу в Кубке России у самарских «Крыльев Советов» прямо на их родном стадионе, после чего северокавказские болельщики разразились с трибун криками «Нохчи!» (эндоэтноним, указывающий на национальное название народа – примечание наше – И.Л., Д.Ф.). Со временем «заряд» о православии «прописался» в арсенале болельщиков практически всех российских футбольных клубов» [3]. Кроме того, кричалки «Одни цвета – одна вера!» [1] и «Мы русские, с нами Бог» [1] скандируют во время матчей между командами из стран, традиционно исповедующих православие, например, Сербии и России. Данные реплики свидетельствуют о смещении акцентов: традиционная для спортивного контекста идея соперничества замещается мыслью о товариществе и соработничестве. Это стало возможным, во-первых, благодаря единой вере, во-вторых, одинаковой расцветке формы футбольных команд. В данном случае религиозный фактор, являясь главенствующим признаком становится примиряющим и объединяющим, стирающим границу между представителями фанатских движений различных стран.

Следует отметить, что в отдельных случаях кричалки футбольных болельщиков полностью замещаются текстами религиозных приветствий. Так, во время матча между командами «Локомотив» и «Динамо», проходившем в период празднования Пасхи в 2010 году, болельщики устроили переключку между секторами, возвещая о Воскресении Христа: «Христос Воскресе! Воистину Воскресе!» [1].

Наряду с тенденциями, свидетельствующими о сближении христианских факторов и субкультуры футбольных болельщиков, наблюдаются явления, демонстрирующие восприятие футбола как своеобразного религиозного культа, в котором особым сакралитетом наделяется как сам процесс игры, так и отдельные спортсмены, успешно проявившие себя во время того или иного матча. Так, в ряде фанатских текстов возникает образ «футбольного бога», призванного оказать покровительство любимой команде:

*Волей **футбольного бога** (курсив наш – И.Л., Д.Ф.)
Всегда и везде победим.
Клубов футбольных есть много,
Спартак у России – один! [1].*

Далее следует обратиться к примерам, свидетельствующим о восприятии болельщиками наиболее успешных футболистов в качестве обладателей божественных функций.

*Наш бог Илья Кутепов... Он в мире всех сильней...
Лоренцо Мельгарехо... и Ещенко Андрей!!! [1].*

В отдельных случаях образ того или иного спортсмена не столько замещает собой Бога, сколько воспринимается в непосредственной связи с Ним. Так, возникает ряд метафорических высказываний, в которых футболист ассоциируется с частью тела Творца. Например, в стихотворении С. Шнурова, написанного во время проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 году, присутствуют следующие строки:

*Посмотрел немного строго, и сомнения развеяв,
Мяч отбил ногою бога. Триумфатор Акинфеев! [7].*

Словосочетание «нога бога» восходит к номинации «рука бога», данной аргентинскому футболисту Д. Марадоне. Но если российский голкипер стал «отбивакой», отразив два послематчевых пенальти, то знаменитый аргентинец вошел в историю футбола благодаря голу рукой в четвертьфинальном матче ЧМ-1986 против сборной Англии.

Таким образом, исследованный материал свидетельствует о включении религиозно-христианских аспектов в общий контекст фанатской субкультуры. Данная тенденция обладает определенной противоречивостью: с одной стороны, речь идет о четком позиционировании болельщиков как верующих православных людей, что связано с явным патриотическим подъемом во время проведения матчей, с другой, – в ряде случаев отмечается тенденция к формированию своеобразного футбольно-религиозного культа, что не может остаться незамеченным православной церковью и вызывает многочисленные суждения и споры о том, чем же на самом деле является игра в футбол.

Список литературы

1. Архив авторов статьи.
2. История футбольного хулигана /Санкт-Петербургская духовная академия русской православной церкви. URL: <http://spbda.ru/publications/istoriya-futbolnogo-huligana/> (дата обращения 10.07.2018).
3. Мальцев В. Как сотрудничают РПЦ и спортивные фанаты. – Символ веры. Православные новости. URL: <http://simvol-veri.ru/xp/kak-sotrudnichayut-rpc-i-sportivnie-fanati.html> (дата обращения 10.07.2018).
4. Пономарев Ф. Христианство и спорт: размышления на тему. – Саратов: Изд-во Саратовской епархии, 2010. – 64 с.
5. Фанатский фольклор. Сост. А. Хуслютинов. – М., 2000. – 40 с.
6. Черышев Д. URL: <https://www.instagram.com/p/Bks7zZ9ha1s/> (дата обращения 02.07.2018).
7. Шнуров С. URL: <https://www.instagram.com/p/BkuPS-WAkR5/> (дата обращения 02.07.2018).
8. Щепанская Т.Б. Традиции городских субкультур \\\ Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. – С.27-33.
9. Якуба А.В. Криминализация субкультур футбольных фанатов в условиях развития интернет-коммуникации: дис. ... канд. соц. наук. Краснодар. университет МВД России, Краснодар, 2015. – 151 с.

10.01.00

О.В. Лескова

БУК Вологодской области «Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», Вологда, oprovatova40@gmail.com

ТОПОС ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ П. В. ЗАСОДИМСКОГО

В работе представлены результаты исследования мемуаров вологодского писателя и публициста П.В. Засодимского. Топос Вологодской губернии является доминирующим в воспоминаниях писателя. В частности, и в ранних, и в поздних мемуарах писателя нашли отражение главные достопримечательности центра губернии. Автор-рассказчик является созерцателем вологодской жизни 1843 – 1892 гг. Описание культуры и быта Вологодской губернии наполнены историческими анекдотами, местными легендами и преданиями.

Ключевые слова: мемуары, топос, автор-рассказчик.

Имя Павла Владимировича Засодимского тесно связано с вологодской землёй. 1 ноября 1843 года будущий писатель и публицист родился в Великом Устюге в небогатой дворянской семье. Затем он с родителями и няней переехал в Никольск, «маленький, глухой городок, затерявшийся посреди лесов» [3, с. 2], где и прожил девять лет. Несмотря на дворянское происхождение, Засодимский был вольным ребёнком, дружил с крестьянскими детьми. С ранних лет Павел пристрастился к чтению. Он пишет в своих воспоминаниях: «Я очень скоро справился с азбукой, может быть, потому, что мне самому хотелось поскорее читать. Я любил рассматривать картинки в книгах, но для того, чтобы понимать их смысл, мне нужно было уметь читать. И я быстро научился читать, – и чтение сделалось с малых лет моим любимым занятием. Я читал много и без разбора, что попадалось под руку» [3, с. 16]. В 12 лет юного Павла зачислили в дворянский пансион при Вологодской гимназии, откуда он иногда на каникулы ездил в Фоминское под Вологдой, родовое имение своего деда П. М. Засецкого.

Мемуары П. В. Засодимского состоят из двух частей, озаглавленных «Мои скитальчества» и «Из воспоминаний». Обе части вышли в свет в типографии Т-ва Сытина в Москве в 1908 году. В заглавии мемуаров слово «скитальчества» присутствует неслучайно. Для автора – это не столько перемещение в пространстве, сколько поиски внутреннего «я». При этом само пространство, безусловно, занимает одно из главных мест в системе художественных координат его мемуаров.

Главный литературный топос, который возникает в системе художественных координат, – топос Вологодской губернии, представленный несколькими местностями – частично Великим Устюгом, более полно Никольском, Вологдой и Фоминским. В определении литературного топоса мы будем опираться на точку зрения М. М. Бахтина, который рассматривает топос как составную часть хронотопа, который в свою очередь понимается как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, с. 234]. Говоря о художественном пространстве, Бахтин отмечает, что в произведении оно тесно связано с движениями времени, сюжета, истории. Действительно, эта закономерность прослеживается и в мемуарах Засодимского: конкретное место будет всегда связано для автора с событиями, которые там происходили, с судьбами людей, живших там.

Эпическим произведениям присуща фрагментарность описываемого пространства, все перемещения в рамках места происходят посредством образа повествователя, который является посредником между описываемыми событиями и читателем. Художественное пространство всегда условно, поэтому его делят на «абстрактное и конкретное» [2]. Мемуары, в силу своего художественно-документального жанра, первоначально выстраиваются с опорой на конкретное пространство, которое не просто позволяет определить конкретное изображаемое место, но и активно влияет на смысл описываемых событий. В мемуарах Засодимского идет речь о Вологде и губернии, о её конкретных локациях (гостиница «Золотой Якорь», Соборная Горка, Дворянское собрание, Прилуцкий монастырь, вологодская гимназия, Заоникиев-

ская пустынь, Фоминское, Никольск, Великий Устюг, Грязовец, реки Юг, Двинница, Вологда и др.). Эти локации являются своеобразными декорациями для губернской жизни.

В части «Из воспоминаний» Засодимский достаточно подробно рассказывает о центре Вологды. Такое внимание объясняется двумя фактами: во-первых, тем, что вологодская мужская гимназия находилась практически в самом центре губернской столицы (современное здание второго корпуса ВоГУ на пересечении улиц Зосимовская, Ленина – бывш. Кирилловская, Галкинская); во-вторых, П.В. Засодимский приехал в Вологду в 1856 году уже в сознательном возрасте (12 лет) и пробыл здесь 7 лет. Здесь прошла его юность и ранняя молодость: «В феврале 1856 г. я поступил своекоштным воспитанником в так называемый дворянский пансион, находившийся при вологодской гимназии, и оставил его в июне 1863 г., по окончании гимназического курса. Таким образом, мое пребывание в этом пансионе охватывает период времени немного более семи лет» [3, с. 61].

Переезд в Вологду в подростковом возрасте Засодимский воспринимает как новый, поначалу показавшийся трагическим, виток своей жизни: «Когда отец был в ополчении, на нашем семейном совете порешили, что меня пора отдать в гимназию (мне тогда было уже 12 лет), и мама отправилась со мною в Вологду. В гимназии при расставании я горько-горько плакал, повиснув на шее матери. Плакала и мама. Это была первая разлука и мои первые горькие слезы, горячие слезы, от которых надрывалась моя детская грудь...» [3, с. 60]. Автор мемуаров подробно рассказывает о своей гимназической жизни, акцентируя внимание на здании учебного заведения и прилегающей к нему территории – это можно объяснить относительной закрытостью городского пространства для воспитанников. Центр Вологды у Засодимского – это подробный художественный образ, основанный на описаниях, построенных через призму авторского видения. Это губернская столица 50-60-х гг. XIX века. В воспоминаниях автора прослеживаются портреты дворянства и мещанства Вологды этого периода.

Воспоминания как жанр помогают Засодимскому субъективно оценить события, а автор-рассказчик, чья фигура является объединяющей для произведения, ведет активный диалог с читателем, дополняя его описаниями и развернутыми портретами горожан и исторических деятелей. Повествование о Вологде напоминает экскурсию, в течение которой рассказчик подробно останавливается на внешнем виде зданий, на облике людей, при этом иногда это полная панорама местности. К примеру, развернутым описанием в мемуарах обладает место, где располагалась вологодская гимназия: «Строители гимназии, говорят, хотели первоначально придать зданию вид буквы П, но, по недостатку денежных средств или по чему-нибудь иному, не достроили третьей стороны здания, и поэтому вместо П получилась несколько неправильная буква Г. Одной стороной гимназия наша выходила на улицу, а фасадом – на площадь, так называемый "плац-парад", или "парадное место", где происходили солдатская ученья и куда заходили иногда соблазненные зеленой муравой лошади и коровы. На противоположной стороне площади, <...> стоял (да стоит и поныне) губернаторский дом и рядом с ним духовная семинария. С третьей стороны площади некогда находилась гауптвахта, но в 60-х годах она за ненадобностью была уничтожена, и на ее месте воздвигнут деревянный сарай для городского театра. Высота здания, большие окна и фасад с колоннами придавали нашей гимназии весьма внушительный вид. При гимназии находился довольно большой, густой сад, бывший во владении директора, который, впрочем, им почти не пользовался» [3, с. 61]. Засодимский раскрывает читателю виды Вологды – и простые, без прикрас, и торжественные, как, например, накануне приезда императора Александра II в середине июня 1858 года, но тоже пропитанные субъективизмом и иногда даже сарказмом автора-рассказчика: «Город был великолепно иллюминирован; на фасаде гимназии горел громадный транспарант с буквами А и М; вокруг плац-парада пылали смоляные бочки. Но иллюминация сгорела напрасно: государь не приехал в тот вечер» [3, с. 84].

В описании Вологды, в особенности уже после окончания гимназии, после путешествий, автор любовно называет известные места столицы, снабжая их эпитетами или развёрнутыми описаниями, следовательно, изображённое пространство можно представить в схеме реального города.

В мемуарах, описывающих детство и отрочество, присутствует динамика описаний, читатель следует за автором-рассказчиком и видит окружающий мир через индивидуальные впечатления и переживания повествующего: «Я обошел поля, луга и долго бродил по лесу. Наш лес назывался Аникиевским, по имени разбойника Аники. В пяти верстах от нашей усадьбы находилась Зааникиевская пустынь, и в тихую погоду или при западном ветре до нас глухо доносился звон монастырских колоколов» [3, с. 9].

Позднее, в дни приездов в Вологду после гимназии, характер описаний у Засодимского в основном статичен, событийен, описателен. Складывается впечатление, что автор-рассказчик застывает на месте и подробно описывает город, попутно вспоминая о событиях с разной отсылкой во времени. К примеру, в тексте «Моих скитальчеств» есть история о вологодской гостинице «Золотой якорь» и пожаре вблизи неё в середине октября 1891 года. Во многих описаниях присутствует элемент метафоричности, мифологичности, легендарности, однако он подкрепляется конкретными приметам и деталями, позволяющими узнать место или территорию.

С каждой описываемой местностью у автора-рассказчика ассоциируется определенный тип людей, при этом иногда говорится о социальной группе в целом, иногда – конкретно о человеке. Глава «В гимназии» посвящена не только описанию учебного процесса, территории и здания мужской гимназии, но и знакомству с личностями, имевшими вес в обществе – как вологодском, так и российском – в 50-60-х гг. XIX века. Подробную характеристику Засодимский даёт преподавателям гимназии, среди которых либеральный директор Аникита Семенович Власов, мелочно-взыскательный инспектор Дмитрий Алексеевич Зяблов, учитель французского языка Карл Антонович Блез, учитель русского языка Михаил Николаевич Николенко и другие. Особое место в галерее личностей занимает Александр II. В тексте мемуаров подробно описано отношение к императору: «Личность покойного императора Александра II произвела на меня хорошее впечатление. Ни в его наружности, ни в обращении, ни в словах не чувствовалось ничего такого, чтобы внушало хотя бы малейший страх. Он говорил в то утро несколько охрипшим голосом, но в этом голосе слышались мягкие ноты. Скорби и разочарования, ожидавшие его в будущем, еще не успели в ту нору омрачить его молодого лица, и лицо его в то далекое июньское утро было так же ясно и светло, как светло было голубое небо, сиявшее в большие окна нашей залы...» [3, с. 85]. В целом отношение к царской династии в семье Засодимского отличалось трепетом и теплотой: «В наших семейных воспоминаниях личности Александра I и цесаревича Константина Павловича всегда были окружены каким-то сияющим ореолом» [3, с. 17].

Из сословий Вологодской губернии в своих мемуарах 1843 – 1892 гг. П.В. Засодимский обращает внимание на крестьянство (догимназический период), мещанство и дворянство (гимназический и поздний периоды). В семейной жизни вологжан существовали исключительно патриархальные нравы. Описание культуры и быта Вологодской губернии наполнены историческими анекдотами и местными легендами и преданиями. За пределами губернской столицы преобладало крестьянство с характерным для Русского Севера укладом деревенской жизни.

В облике Вологодской губернии П.В. Засодимский видит искренность и чистоту традиций, он пишет о личностях в большинстве случаев с особой мягкостью и теплотой. Автор мемуаров «Из воспоминаний» и «Мои скитальчества», прожив на вологодской земле детские и юношеские годы, считает себя её частью, идентифицирует себя с этой территорией. Образ Вологодской губернии для П.В. Засодимского является ностальгическим и искренним.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. *Формы времени и хронотопа в романе / Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. – с. 234.*
2. Есин, А.Б. *Время и пространство // Введение в литературоведение: Учебное пособие / Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высшая школа, 2004. – с. 185.*
3. *Засодимский, П.В. Из воспоминаний. – Москва: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908.–197с.*

10.01.00

С.В. Минасян канд. филол. наук

Донской государственной технической университет,
кафедра «Мировые языки и культуры»,
Ростов-на-Дону, suffi@mail.ru

ДВЕ ЛИНИИ ОТРАЖЕНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В работе представлены две линии отражения Первой мировой войны в литературных произведениях зарубежных авторов – революционная литература и литература «потерянного поколения». Образ «потерянного поколения» дополняется свидетельствами, полученными на основе недавно рассекреченных архивных материалов о судьбах военнопленных того времени.

Ключевые слова: *Первая мировая война, литература, военнопленные.*

Сегодня по прошествии 100 лет после окончания Первой мировой войны мы имеем весомое литературное наследие, определившее две линии отношения к войне. В литературоведении принято различать революционную литературу (Анри Барбюс, Р. Лефевр, П. Вайян-Кутюрье) и литературу «потерянного поколения» (Э. Хемингуэй, Р. Олдингтон, Э.М. Ремарк и др.) [4]. Революционная литература явилась отражением революционизации сознания масс как одного из наиболее вероятностного следствия войны. Наиболее ярко этот процесс представлен в романе Анри Барбюса «Огонь». Роман вышел в 1916 году, Барбюс сам является прямым участником боевых действий, непосредственным очевидцем событий, в которых совершается «тяжелая и грязная работа взаимного истребления ни в чем не повинных людей» [1]. Автор тщательно детализирует все жестокие подробности будней войны, деромантизирует войну. От главы к главе он показывает процесс социального взросления героев, понимания ими, что в этой войне нет правды. Истина – в установлении царства справедливости для всех народов. Роман Барбюса – это первое произведение о мировой войне, в котором ставится вопрос о зарождении внутреннего бунта в человеке, попавшего волею судеб в бессмысленную бойню. Основной вывод – война провоцирует жажду революционного действия. Бернард Шоу в статье «Война с точки зрения здравого смысла», написанной в 1914 году, предостерегает, что «героическое средство против этого трагического недоразумения заключается в том, чтобы и та и другая армии перестреляли своих офицеров и отправились по домам собирать урожай в деревнях и совершать революцию в городах, и хотя практически это в настоящий момент еще не является способом решить проблему, об этом следует сказать со всей прямотой, потому что возможность подобного решения всегда возникает в армии побежденных, если командиры этой армии загоняют своих солдат сверх человеческого терпения и солдаты эти вдруг поймут, что, убивая своих соседей, они лишь причиняют себе вред». И хотя, по мнению юнкров – помещиков, опасности, что «солдат вдруг охватит подобная волна здравого смысла», нет» [Цит. по 7], в России предостережение писателя сбылось в полной мере.

Вторая линия в литературе о Первой мировой войне получила название литературы «потерянного поколения». Термин этот наиболее точно отражает состояние разочарования и душевной опустошенности фронтовиков, прошедших через жестокое горнило войны между 1914-1918 гг., независимо от страны, за которую воевали. В 1929 году выходят романы трех писателей, представителей разных стран: роман американского писателя Эрнеста Хемингуэя «Прощая, оружие!», роман английского писателя Ричарда Олдингтона «Смерть героя», роман немецкого писателя Эриха Марио Ремарка «Черный обелиск». Время выхода романов – по прошествии более 10 лет со времени окончания войны. Все писатели – участники

войны, свидетели реальных ужасов и страданий. Герои их романов – люди, в той или иной степени психологически травмированы, не способные следовать правилам, накладываемым обывательскими, мелочными интересами. Термин «потерянное поколение» впервые встречается в романе Э.Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой», где писатель описывает свое дружеское общение в Париже с американской писательницей Гертрудой Стайн, настаивавшей, что вся молодежь, побывавшая на войне, – потерянное поколение, у которой ни к чему нет уважения [6, с. 24]. Сам Хемингуэй для себя отмечает, что все поколения в какой-то степени потерянные, и отбрасывает от себя все эти «грязные, дешевые ярлыки» [6, с. 25]. Между тем, существует действительно серьезная проблема адаптации воевавших людей к условиям мирной жизни. Тем более, что часто случается так, что в этой мирной жизни им и места нет. Особенно это касается тех людей, которым пришлось пережить бремя военного плена.

В работах автора настоящей статьи [2,3,8] приведены свидетельства о судьбах военнопленных французского происхождения из Эльзаса и Лотарингии, являвшихся в период Первой мировой войны немецкими поданными, и, соответственно, воевавшими на Восточном фронте против России. Были проанализированы архивные материалы России (Государственный архив Ростовской области) и Франции (Париж, Кольмар, Страсбург). Войны «устраиваются» для того, чтобы захватывать новые территории. Так, в 1870 году Франция потерпела поражение во Франко-Прусской войне, вследствие чего лишилась территории Эльзаса-Лотарингии. К моменту Первой мировой войны на пограничных землях жили представители как немецкой, так и французской национальностей, как правило, это были смешанные семьи. За время войны русской армии удалось захватить в плен по разным оценкам от 2 млн 200 тысяч до 2 млн 900 тысяч немецких солдат, среди которых немалый процент составляли выходцы из Эльзаса и Лотарингии. Правительство Франции приложило немало усилий для того, чтобы вернуть себе земли, потерянные в войне 1870 года. В архивах Франции хранятся дипломатические телеграммы, в которых часто сообщается о недовольстве русских солдат, которые открыто высказываются о том, что Франция не желает мира между Германией и Россией именно из-за борьбы за территорию Эльзаса-Лотарингии.

Попадая в русский плен, эльзасцы-лотарингцы прежде всего должны были доказать, что они французы по происхождению. Согласно исследованным архивным документам, судьба каждого француза находилась под пристальным вниманием Комитета защиты военнопленных эльзасцев и лотарингцев французского происхождения, организованного в 1915 году в России при посольстве Франции в Петрограде. Российское правительство принимает решение об оказании особого благоприятного отношения к военнопленным из Эльзаса-Лотарингии в обмен на подобное отношение к военнопленным из Польши, находящимся на территории Франции. Первоначально предполагалось, что эльзасцы-лотарингцы будут размещены в отдельные лагеря, но число пленных немецкого и австрийского происхождения постоянно увеличивалось (не случайно, Россия числилась второй по значимости «державшей в плену державой» [5, с.147]), их также необходимо было как-то размещать. Попадая в один лагерь с французами, нередко происходили конфликты и стычки.

Что же ожидало тех, кто сумел доказать свое французское происхождение и получить возможность уехать во Францию? Это опасения за судьбу родных, которые оставались на территории Германии. Многие предпочитали в силу этих обстоятельств скрывать свое происхождение и терпеть тяготы плена. По возвращению во Францию во время еще не окончившейся войны приходилось вновь возвращаться на фронт уже на стороне Франции. И опять воевать уже против немцев, возможно, опять же против своих родственников и соседей.

Французские архивы хранят свидетельства о том, что после окончания войны эльзасцы-лотарингцы еще несколько лет не имели возможности вернуться домой, приходилось доказывать свое право на возвращение на свою родную землю, которая теперь стала территорией Франции.

Во всей этой истории, во всех свидетельствах «назойливо» дает о себе знать одна и та же мысль, мысль о судьбе простого человека, который жил на своей земле и не хотел воевать ни за Германию, ни за Францию, ни за независимую территорию Эльзаса-Лотарингии. Навязанные людям псевдопатриотические идеалы, кем бы они ни были, французами по отцу, немцами по матери или наоборот, не отменяли того факта, что на протяжении истории воевать им всегда приходилось против «своих».

Судьба военнопленных зачастую остается в тени общей панорамы войны, между тем, архивные свидетельства, в том числе, недавно рассекреченные материалы являются серьезным дополнением к общей картине мировой истории и образу «потерянного поколения».

Список литературы

1. Горький М. Предисловие // Барбюс А. Огонь. - URL: <https://www.litmir.me/br/?b=53263&p=1> (дата обращения 10.07.2018).
2. Минасян С.В. Франкофонные материалы в архивах Ростовской области (XIX – первая треть XX в.) // Россия и Франция: диалог культур. – Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2015. – С. 174-183.
3. Минасян С.В. Архивные свидетельства о положении военнопленных на Юге России в период Первой мировой войны // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2016. №2 (87). - С. 99-104.
4. Минасян С.В. История зарубежной литературы XX века: уч. пособие. Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2016.
5. Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. - С.142-156.
6. Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. М.: Прогресс, 1965. – 160 с.
7. Хьюз Э. *Бернард Шоу*. М.: Молодая гвардия, 1966. URL: <https://www.litlib.net/bk/48475/read/7> (дата обращения 10.07.2018).
8. Minasian S., Kaneeva A. Témoignages sur les Alsaciens-Lorrains Prisonniers dans le sud de la Russie Pendant la Première Guerre Mondiale //Guerres Mondiales et Conflicts Contemporains. 2017. Т. 265. №1. – С.21-32.

10.01.00

Е.Т. Чамзырын канд. филол. наук

Тувинский государственный университет,
филологический факультет, кафедра тувинской филологии и общего языкознания,
Кызыл, chamzyryn_e@mail.ru

РОЛЬ ЭТНОПОЭТИКИ В ДЕТСКОЙ ПРОЗЕ Ш. СУВАН

*Сила детства в том и заключается, что
она пробуждает в человеке чувства добра.*

Л. Толстой

Работа посвящена изучению роли этнопоэтики в произведениях детской прозы писателя Республики Тува Ш. Суван. Автор, творчески используя этнопоэтику, знакомит юного читателя с таинственными явлениями, присущими жанру фантастики, историческими событиями: периодами уйгурского каганата и монгольского нашествия.

Ключевые слова: *тувинская детская литература, взаимодействие с этнопоэтикой, этико-эстетические ценности.*

Детская литература в России развивается как полинациональное явление. Национальные детские литературы могли бы полностью унифицироваться: сюжеты, герои, жанры и стили потеряли бы своеобразие, но, к счастью, этого не происходит. На защите самобытности той или иной детской литературы стоит устное, мифологизированное Слово народа... [2, с. 500].

Почти все писатели национальных литератур Сибири не обходятся без «своего» родного материала в создании своих произведений. Именно национальный материал, богатство народно-поэтического творчества обеспечивают оригинальность, жизнеспособность и общечеловеческую ценность их произведений [3, с. 280].

Для современных детских писателей Тувы фольклорные, этнопоэтические традиции и религиозные воззрения послужили благоприятной базой для дальнейшего развития детской литературы, для формирования их творческих индивидуальностей. Практически каждый писатель ведет собственную свободную творческую работу над народной поэтикой [6, с. 71].

Один из современных тувинских детских писателей Ш. Суван адресовал детворе несколько произведений. Он в 90-ых годах XX столетия издал сборники: «Хүн-Херелден аалчылар» («Гости из Хүн-Херела») и «Тоол чурттуг оол» («Мальчик родом из сказки»), в которые вошли первая фантастическая повесть автора «Гости из Хүн-Херела» и рассказы, написанные на различные темы для детей среднего и старшего школьного возраста.

В тувинской детской литературе произведения Ш. Суван имеют новаторское значение, так как он творчески подходит к народной этнопоэтике [6, с. 71].

Юные читатели всегда тянутся к таинственному, увлекательному и фантастическому. Но, к сожалению, тувинские дети не имеют богатого выбора в этом. Первопроходцем тувинской детской фантастики был один основоположников тувинской литературы, Б. Ховенмей, который в 60-ых годах XX столетия написал фантастический рассказ «Марска чедер частым» («Чуточку не долетел до Марса»).

А за последние десятилетия написана всего одна фантастическая повесть «Гости из Хүн-Херела» Ш. Сувана, посвященная чудесам научно-технического прогресса, странным и таинственным явлениям, доказывающим присутствие другой формы жизни, существующей за пределами Земли. Автор с первых же страниц увлекает юного читателя. Повесть светлая, юношеская, которая как бы родилась из сказочной идеи. Ш. Суван смело вступил в ту область художественного творчества, которая открывает детям безграничность человеческого познания.

Главным действующим лицом повести является школьник Сылдыс, пылкий, мечтательный, наблюдательный парнишка. Эти качества помогли ему поближе познакомиться с инопланетянами Каа и Бии, прилетевшими на Землю. Автор стремится

передать движение научной мысли, показать увлекательность действий. Например: «...Компьютер передавал мысли мальчика, изображая их в радужно-цветном мониторе. Мысли Сылдыса мелькали, как мультфильмы. А космонавты успевали и видеть, и читать его мысли»; «Когда вошел в корабль, Сылдыс осмотрелся вокруг – там никаких вещей не было. Но вдруг открылась стена, оттуда появилось что-то плоское и раскрылось – получились кресла»; «Корабль начал быстро набирать высоту»; «Компьютер показывал, как начинает раскалено греть солнечные лучи»; «Открой занавес воздуха» и т. д.

Автор тонко передает чувства своих героев, особенно сильное впечатление в эпизоде, когда Сылдыс наблюдал за «тарелкой»: «Тарелка» остановилась напротив верхушки (выси) Бедик-Кожсагара. Сылдыс присел, чтобы как следует ее разглядеть, пока она остановилась. Когда он сидел и разглядывал сверкающую «тарелку» почудилось, что кто-то его окликнул. Сылдыс невольно стал прислушиваться. Любознательность мальчика была сильнее его трусости».

Жизнь инопланетян, Каа и Би, автор рисует похожей на жизнь детей, они разговаривают и ведут себя, как люди.

«– Сегодня мы совершили большой гуманный поступок – сказал Каа.

– Кто? Мы? – сказал, размышляя Би.

– Его не мы, а тот мальчишка совершил». Тем самым они больше напоминают персонажей народных сказок. «Сказочная фантастика утверждает человека в светломприятии жизни, полной забот и свершений» [2, с. 49].

«Гости из Хүн-Херела», вообще, пока не отмежевана от сказки. Многие события: «Развитие жизни на Земле и Хүн-Херел почти одинаковы», «Тарелка спустилась», «Оба без головных убора, в перламутровых белых костюмах», «Все что происходит за тридевять земель, мы увидим в радужно-цветном мониторе», «Корабль космонавтов, прилетевших из планеты Хүн-Херел, оказывается похож не на тарелку, а на юрту» и т. д.

Слова «Скафандр», «Тарелка», «Три галактики», «Звезда Диких», «Космодром», «Корабль-юрта», «Монитор-Радуга», «Метеорит» и другие выражения только обозначены научными терминами или «привязаны» к научным понятиям, суть же их трактуется так, как это характерно для волшебных сказок. Итак, сказочная фантастика показывает, что жизнь светла, полна забот и свершений [2, с. 49].

В повести, создавая при помощи художественного вымысла яркие картины и образы фантастического настоящего и будущего, Ш. Суван убедительно решает тему утверждения добра, благородства, доброты.

Достижения и недостатки фантастических произведений Ш. Суван, прежде всего, связаны с изображением человеческих характеров. Русская фантастика в этом плане имеет на своем счету большие художественные достижения, она исходит из общих принципов реалистической индивидуализации образов, которые развивает современная проза.

Однако о тувинской фантастике сказать этого пока нельзя. Ш.Суван делает определенные попытки в этом направлении, стараясь индивидуализировать характеры своих героев, придать им черты национального своеобразия, но индивидуальная характерность образов простирается у него лишь во внешних проявлениях.

Ш. Суван проявляет интерес к истории детства разных поколений, воссоздающий по своему большую историю народа, через историю всех поколений его детей. Его остросюжетные рассказы: «Тоол чурттуг оол» («Мальчик родом из сказки»), «Кара-Баштыг», «Калчан-Кара», «Медээ» («Известие») знакомит читателей-подростков с историческими фактами. Темой своих произведений писатель избрал значительные исторические события: периоды уйгурского каганата, монгольского нашествия. Через образы юных героев Кара-Баштыг, Довук, Кара-Кат показаны участия юношей в исторических событиях тех лет. Эти рассказы призывают детвору к активной деятельности, отличаются верой в человеческий разум, гуманизм, страстной устремленностью в будущее.

Традиционной темой детской литературы всегда были взаимоотношения человека с живой природой. В современной детской прозе эта тема приобретает и моральный смысл,

так как экология вызывает озабоченность людей всего мира. Естественно, что писатели, пишущие на эту тему, вступают во взаимодействие с традиционной поэтикой, которая составляла гуманистический пафос детской литературы во все времена, и новым, привнесённым сегодняшним днем. Взаимоотношение с живым миром и природой является как органическое свойство детского мировосприятия.

Таким доказательством являются такие произведения Ш. Суван как «Чээн оол» («Племянник»), «Чүреккир», «Азыранды». В них заметно углубился психологический анализ, образы детей раскрываются в большом многообразии жизненных проявлений. Во многих рассказах ощутимо звучат сложные взаимоотношения человека и живой природы, выявляющие истинные человеческие ценности.

В рассказе «Эзирек» («Детеныш косули») Артышу брат Чойган подарил найденного детеныша косули, которого вскормил и вырастил. Автор с большой увлеченностью изображает характер растущего зверя: «Спустя некоторое время, Эзирек начал привыкать к козлятам. Даже не захотел сосать молоко – начал уходить на пастбище с ними. Постепенно, когда повзрослел, у него явно начал появляться звериный инстинкт». Эзирек стал убегать в лес. И в один прекрасный день ушел навсегда. Артыш сильно переживал из-за этого. После этого случая проходят два-три года. Герой рассказа Артыш научился охотиться и вот с братом поехал на охоту. На этой охоте он убивает того Эзирека, которого сам же и вырастил. Писатель описывает данный эпизод браконьерской охоты как чрезвычайное, страшное происшествие. Для того, чтобы передать трагичность происшествия потребовались особые средства художественного воплощения: автор прибегнул к народной поэтике, и через благопожелание передает состояние братьев:

«– Прости, моя Тайга... моя земля, прости.

– Прости, моя тайга... - сказал про себя брат.

– Почему стоишь! Поклонись своей тайге! Попросим прощения! Прости, моя тайга... Убили, не желая этого...». Так, малый жанр фольклора теряет самостоятельность и входит в общую канву повествования, как бы создавая художественный орнамент, способствуя созданию национального колорита [6, с. 89].

Преступление братьев в конечном итоге – это преступление перед людьми, потому что судьба природы неотделима от судеб человеческих. Таким образом, этим состоянием братьев показано отношение к животному, которого вырастили сами люди. В нем звучит тема единства природы и человека, как народном творчестве.

Ш. Суван в анализируемых произведениях дает возможность еще раз убедиться, что и в детских произведениях о жизни животных победа нравственности также достигается логикой художественной правды жизни, а не каким-то назидательным авторским усилием. Эти мысли особенно актуальны в наше время, когда возрастает хищнически потребительское отношение к природе.

Таким образом, писатель Ш. Суван, привнося в детскую прозу заимствованные из фольклора мысли и идеи, не только способствовал ее развитию, но и создал характерные для народного творчества этико-эстетические ценности, приближая их к юному читателю и тем самым способствуя формированию гармонической личности.

Список литературы

1. Аникин В. П. Фольклор как искусство. – М.: Высшая школа, 2006. – 164 с.
2. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература. Учебник. – М.: Академия, 2008. – 576 с.
3. Балданов С. Ж., Бадмаев Б. Б., Буянтуева Г. Ц-Д. Литература народов Сибири. Этнотрадиция. Фольклорно-этнографический контекст. – Улан-Удэ: БГУ, 2008. – 304 с.
4. Суван Ш. Хүн-Херелден аалчылар. Тоожулар. Шии. Чечен чугаалар. – Кызыл: ТНУЧ, 1992. – 99 с.
5. Суван Ш. Тоол чурттуг оол. Чечен чугаалар, шижиткен тоол. – Кызыл: ТНУЧ, 1994. – 63с.
6. Чамзырын Е. Т. Этнопоэтические особенности тувинской детской прозы. – Кызыл, 2009. – 158 с.

10.01.00

Чун Чжин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса,
Москва, stakan0922@gmail.com

ГИПЕРБОЛА ТЕЛА КАК ФИЛОСОФЕМА (РАННИЕ ПОЭМЫ В. МАЯКОВСКОГО)

В статье рассматривается тело и телесность в поэзии Маяковского как античный феномен, прошедший многие века через космизм, гегельянство, символизм, закрепившееся в разделенном единстве земного и в то же время космического субъекта. Творческая основа, на которую опирается Маяковский - гипербола, образная экспрессия которой выражается в фрагментации телесности в тексте – и вызывает отклик в телесности читательского восприятия. Поэтому можно говорить о телоцентризме Маяковского как о лиро-эпической организации художественного космоса.

Ключевые слова: *Маяковский, Гегель, Чижевский, Лосев, гипербола, тело, телесность, античность, человек-космос, экспрессия, телоцентризм, антропоцентризм.*

Один из важных вопросов маяковедения – текстуализация телесности, связьобразателесности и восприятия космоса, что коррелирует с другими узловыми аспектами современного изучения творчества поэта.

В гуманитарных представлениях о теле и телесности заявлена концепция, согласно которой в понятиях «тело» («плоть», «материя») и «телесность» разница прослеживается весьма незначительная. Телесность, по Т.С. Леви («Телесная парадигма развития личностной аутентичности», 2011), предполагает единство души и тела и не означает отношений, при которых дух и материя понимаются независимыми друг от друга началами. В узком смысле исследователь понимает телесность как производное от слова «тело» и подразумевает физиологическое его проявление, в широком значении – динамическая эмоциональная сторона всего, что связано с телом.

Уже в «Облаке в штанах» описан апогей плотского желания. Но оно пронизано и внутренней энергией лирического героя, и вдохновением. Язык тела побуждает к тропеическому, ассоциативному мышлению. Известна точка зрения, согласно которой эротическая энергия приравнивается к творческому акту. Как пишет М. Эпштейн: «Само состояние тела в момент желания глубоко драматично и противоречиво, поскольку оно ведет диалог не только с другим телом, но и с самим собой. Тело испытывает прилив и отлив энергий, как будто они от него не зависят, – к нечто подобное переживается в творчестве, когда прилив и отлив вдохновения происходит как будто вне усилий самой души и даже вопреки им. Ни в каких других состояниях человек так близко не подступает к тайне живого, которое колеблется в нем, точно пламя под наплывами воздуха» [23, с. 136].

В поэзии Маяковского актуализируется эффект разлома «я» со всеобщностью мира, возникает тотальность индивидуума, но в то же время индивидуум ретранслирует переживания человечества, а его тело вписано в свод космических тел, как это видно в поэме «Человек». Маяковский – создатель фантастических новелл из телесных и вещных композиций.

Перед нами не просто текстуализация телесности, а телесность живописи авангарда в поэзии, идущая от символистов, которые в свою очередь много внимания уделяли творчеству М. Метерлинка, показавшему через «магический кристалл» фантазии внутреннюю сущность вещей, которая оказалась телесной. Огонь, вода, свет и тьма имеют тела. Телесность у Метерлинка эмоциональна. Так Гильтиль радуется дедушкиным оплеухам:

«Да, да, точно такие оплеухи ты давал мне, когда был жив... Если б ты знал. Дедушка, как это приятно — получать от тебя пощечины!.. Дай, я тебя за это поцелую!..» [18]. Не отсюда ли идет уверенность, что общество с радостью примет «Пощечину общественному вкусу»? М. Вайскопф отмечает аллегорическое воздействие «Синей птицы» и обращает внимание на сходство между отдельными фразами Маяковского и образами Метерлинка; так же как и Маяковский, Метерлинк особое внимание уделяет поцелуям и обращает внимание на то, что ее платье «соткано из поцелуев», а у Маяковского, в свою очередь, поцелуи «жалобно взывают к мамочке» [7, с. 370]. Читаем у Маяковского: «фабрики без дыма и труб — / миллионами выделявали поцелуи, / всякие, / большие, / маленькие, — / мясистыми рычагами шлёпающих губ» («Владимир Маяковский») [16, с. 551]. Но то, что в «Синей птице» сказочно и аллегорично, у Маяковского болезненно и мизантропично, олицетворение телесной раздробленности перерастает в гротеск, подобный гоголевскому гротеску в «Носе».

Дореволюционные поэмы Маяковского составляют концентрированное выражение смыслов и идей, концептуальных для той поэтической среды, которая была проникнута идеей «живого слова» Гегеля (как сказано Чижевским: «Да искать влияний, отзвуков Гегеля в русской литературе и не надо: они бросаются в глаза!» [22, с. 249]), драматизмом разрушения и созидания, трагедией истории, духом революции и марксистских идей. Весь этот сплав получил свое воплощение в раннем лиро-эпосе Маяковского. Идентификация себя как творческой модели мира в напряженном, драматическом развитии демонстрирует тезис Гегеля («Феноменология духа») о том, что «тело есть им же созданное выражение его самого и вместе с тем его тело есть некоторый знак, который не остался непосредственной сутью дела, но в котором индивид дает только знать, что он есть только в том смысле, что он осуществляет свою первоначальную природу в произведении» [12, с. 609]. Герой Маяковского — продукт гиперболической рефлексии, гегельянской попытки связать внутреннюю форму с внешней, «вывести вторую из первой» [8, с. 241], при этом внешняя форма должна в рамках футуристической заданности разрушиться, фрагментироваться.

Эманационная теория античного космизма с телом-космосом выглядела в двадцатом веке явным преувеличением. «Мысли, крови сгустки, большие и запекшиеся, лезут из черепа» [16, с. 356] — это отражение представлений древних о сангвиническом темпераменте демиурга, носителя огромной психической энергии жизни, разливающейся вокруг его кровью — священной жертвой строителя мира. Через жертву к процветанию шагали многие и деспотии, и демократии, и теократии. Строитель нового мира не стоит в стороне от боли, он образ мира задает именно болью. Но его боль должна перейти в души читателя — и побудить его стать соучастником трансформаций в истории, жизни, космосе, в музыке и в отношении к творчеству. Для этого боль может быть распространена и на окружающие предметы по принципу метонимичности: «"Боже!" / бросился на деревянную шею» [16, с. 33] («Скрипка и немножко нервно»). Голоса поэта и скрипки похожи — и читатель через эту похожесть и отсылку к детскому восприятию (расплакалась) ощущает не столько скрипку, поэзию, сколько свой собственный голос, себя не как цепь в ряду «поэт, скрипка, слушатель», а как единство того, другого и третьего. Это придает событию, описанному в стихотворении, лирический смысл. Ведь смысл лирики — соединение души автора и читателя.

Маяковский изобретал формы, соответствующие новому содержанию жизни и старой, античной, традиции. Его концепт «тело» в своей хаотичности идеально накладываются на авангардистский язык — своего рода живопись в тексте. Плотскую образность поэмы Маяковского характеризует экспрессионистская поэтика, отвечающая экспрессии телесных и чувственных состояний. Переживание собственной судьбы и судьбы человечества достигается визуальностью образа, метафорическими и метонимическими коннотациями плотских состояний, дроблением традиционного стиха («Поэт был кубистом в живописи, и техника изобразительной разбивки, разложения плоскости холста была испробована им на белом листе бумаги. Маяковский кромсает и дробит слова» [1, с. 247]).

Несмотря на то, что Маяковский придавал телу сверхценность (отсюда и фобии, и претензии), у него нет единого образа тела героя: восприятие каждой части тела

сконцентрировано и одновременно, несет свою метафорическую функцию и отсылает к одному из воплощений и переживаний души, связанному с тем или иным фрагментом человеческой телесности. Тело, вернее его образ, фрагментируется, раздробляется, дается тем своим проявлением, которое необходимо для развертывания тропа. Голова-череп в поэме «Флейта позвоночник» несколько раз меняет свое положение в пространстве, не меняя своего предназначения, – это чаша со стихами и для стихов. Данный фрагмент тела не физиологичен, а духовен. Поэт субстанциирует мастерскую собственных стихов.

Тело как бы распадается по всему лиро-эпосу на лицо, голос, руку, скованную дрожью, грудную клетку, сердце в ней или сердце-мячик, череп, череп-чашу, душу без «седого волоса», горло, которое есть у сердца.

Позвоночник – флейту, рот, искусанные губы, щеку. Телесность под воздействием «магического кристалла» становится сущей для себя душевностью, точкой единичности, когда некий фрагмент тела зримо и болезненно появляется в тексте, как и душа; ведь в один какой-то момент и душа так же предстает перед нами одной только своей самой болезненной стороной. Но в поэтике того времени шел переход от душевности к телесности не случайно. Нужна зримость, а душа незрима. Потому отдельные части тела могут в виде метафоры стать отдельными частями души, иллюстрировать ее.

Отметим, что каждый орган занимает свое главенствующее место в пространстве «я». Остановимся на одном примере. Слепота – повторяющийся мотив текстов Маяковского. Она – критерий бессмысленности бытия и собственных поэтических усилий. Глаза – один из основных образов Маяковского, наиболее незащищенный, болезненный: «Открой! / Больно! / Видишь – натыканы / в глаза из дамских шляп булавки!» [16, с.350]. Обратимся к следующей мысли Гегеля: глаза суть воплощение «того места, в котором душа обнаруживает себя наипростейшим способом, ибо выражение глаз представляет собой мимолетное, как бы в некотором дуновении открывшееся изображение души; именно поэтому люди, чтобы узнать друг друга, прежде всего стараются взглянуть друг другу в глаза. Поскольку, далее, человек, стесненный в своей деятельности отрицательным моментом, который он ощутил в боли, принижается до страдания, поскольку идеальность, свет его души, оказывается помраченной и прочное единство души с самой собой — в большей или меньшей мере распавшимся,— постольку это душевное состояние его воплощается в помрачении глаз и еще более в их увлажнении, и это до такой степени, что последнее может оказать тормозящее действие на самую функцию зрения, на эту идеальную деятельность глаза, и он тогда оказывается уже неспособным смотреть на находящееся перед ним» [8, с.124]. Таким образом, не только частотный в поэмах Маяковского образ сердца, но и глаз – характеристика телесности, экспрессивный выразитель душевной муки (он может наливать кровью, что порождает аналогию с фонарем публичного дома).

Экспрессия мысли достигается через концентрацию образов, в большинстве случаев тропеических. Например, в поэме «Человек» философия сердца спрессована в словах «Если сердце всё» [17, с.67], что иллюстрирует тезу о свертывании фразы в одно слово. Чередование планов изображения особенно, на наш взгляд, выразительно в тропеическом сближении живого и неживого: «Как красный фонарь у публичного дома, / кровав / налившийся глаз» [17, с.71], «Выросли, / спутались мысли, оленьи рога» [17, с.73]. Или: «Дрожит душа. / Меж льдов она, / и ей из льдов не выйти!» [17, с.73], «и тела усталого / кладь» [17, с.75]. В лексическом рисунке Маяковского частотен эллипсис вроде «Губы волосикам» [17, с.72], что отвечает установке Крученых на пропуск частей предложения, но большую роль играют глаголы с чрезвычайной семантикой: «Глазами взвила ввысь стрелу. / Улыбку убери твою! / А сердце рвется к выстрелу, / а горло бредит бритвою» [17, с.72], «Дыбятся волосы» [17, с.74], «Избрелся в шепот чего-то сквозного» [17, с.84], «такому, как я, / накалиться недолго» [17, с.84], «Ожившее сердце шарахнулось грузно», «Блестящую радость, сердце, вычекань!» [17, с.85]. Эта же чрезмерность – в прилагательных вроде «И в страшном волненье взираю с него я» [17, с.83]. Маяковский, описывая рефлексию тела на чувство, создает динамичный образ, говорит о смене эмоциональных уровней –

нейтрального на чрезмерный. Например, тоски на бред: «В бессвязный бред о демоне / растет моя тоска» [17, с.72]. Экспрессия достигается нагнетанием деталей одного смыслового ряда: «Глаза слепые, / голос нем, / и разум запер дверь за ним» [17, с.74], «И снова стою / онемелый и вкопанный» [17, с.84].

Отметим, что метафору или каламбур (стихи в голове – черепа – вино – кровь – голова как чаша – сгустки мыслей – сгустки крови) он, в рамках гиперболизма, переворачивал несколько раз, и она становилась двойным или тройным образом. Такой уровень гиперболизации образа тела, сфокусированность на тропе позволяет говорить о плоти собственно слова: «Слово– плоть мысли, так как мысль, действие мышления предполагает участие плоти. Что такое плоть слова? Это, конечно, не только разного рода остаточные явления и неудачи конкретного произнесения, но прежде всего психомоторное содержание образов мысли» [21, с.256].

Гиперболизация частей тела – способ передачи рефлексии, например пароксизма страсти. Восприятие в тропеической поэзии Маяковского происходит через дрожь тела, глаза, губы и проч. Флейта-позвоночник прежде всего – воспринимающий орган. Как пишет В. Подорога: «Наше восприятие телесно, мы не владем чистым восприятием, восприятием-в-себе, ибо внутри всякого акта восприятия всегда присутствует некое темное пятно, изначальная непрозрачность, наше тело» [21, с.159]. Но телесная гипербола имеет и онтологическое значение. В известной книге Ж. Делеза «Логика смысла» формирование смыслов ставится в зависимость от телесной конституции субъекта, что соответствует идиоме Маяковского – гиперболизированным телом сминать хронотоп бытия: его тело уникально, и потому он свободен в перемещении во времени и пространстве («Человек»).

Эффект гиперболизации собственного «я» достигается ведомостью лирического героя, которым управляет чрезвычайное телесное желание: он – «жилистая громадина» [16, с.334], и «Что может хотеться этакой глыбе? А глыбе многое хочется!» [16, с.334], и т.п. Через тропы Маяковский создает лирические и сюжетные ситуации, в которых неудовлетворенная страсть показана как порождающая себя же данность: «Желание не может быть искусственным, но и естественным оно не может быть: оно себя подгоняет, подзуживает, подстегивает» [23, с.136]. Возникает вопрос: насколько свободен поэт? Единственный выход из зависимости от себя же – устремление из внутреннего мира во внешний, потому значимы в его поэмах глаголы: «У меня в душе ни одного седого волоса,/и старческой нежности нет в ней!/ Мир огромив мощью голоса,/иду – красивый,/двадцатидвухлетний» [16, с.333]. Причем «огромив» имеет не меньший харизматический смысл, чем «иду – красивый», и здесь мы обнаруживаем проекцию гегелевской мысли: «Посредством голоса ощущение получает такое воплощение, в котором оно замирает с не меньшей скоростью, чем находит свое выражение. В этом и заключается основание содержащейся в голосе высшей силы отношения того, что ощущалось внутренне» [9, с.124–125].

Принцип гиперболизации имеет прямое отношение и к понятию «телесность», к состоянию души, что опять же отвечает идее Гегеля: «Подобно тому, как внешние ощущения символизируются, т. е. вступают в отношение к духовно-внутреннему существу, так точно и внутренние ощущения с необходимостью становятся внешними, воплощаются, потому что они принадлежат природной душе, следовательно, являются сущими и потому должны приобрести непосредственное наличное бытие, в каком душа приобретает бытие для себя» [8, с.117].

Очевидно, что экспрессивная поэтика Маяковского рассчитана на читательскую рецепцию. Читательское тело становится проводником импульсов поэта. Образ вызывает в сознании реципиента спектр реминисценций, связанных с соответствующей ситуацией его личного опыта, что отвечает эстетическим задачам футуристов.

Лиро-эпос Маяковского – идеальная «площадка» для репрезентации концепции плоти. По Бахтину, телесно-духовная активность творящего субъекта определяет единство эстетической формы произведения, причем максимальное значение «творящий внутренний организм» обретает в лирике, где «порождающее звук изнутри и чувствующее единство

своего продуктивного напряжения тело вовлечено в форму» [4, с. 67].

Но лирический герой Маяковского – античен. Он античен в том смысле, что ощущает свое тело как внешнюю и внутреннюю субстанции. Метафора Маяковского – осознанно или нет – порой соотносится с одной из философем античности. В «Человеке» сказано: «Скидываю на тучу вещей и тела усталого кладь» [17, с.75]. В античности «тело оказалось положенным не только вовне, но и внутри самого себя. Внешняя положенность в конечном счете порождает положенность внутреннюю. Происходит присвоение кванта ничто автономным телом, в этом внутреннем ничто в свою очередь растворяется самость тела, в результате чего проникающее в тело ничто оказывается трансформированным» [6, с. 14]

Отметим следующую философему, связанную с предыдущей. Лирический герой Маяковского как бы борется со своим телом, чтобы уже «не зависеть ни от какой телесной области» [15, с. 98]. Он воплощает в себе последний синтез античной философии человека, неоплатоническое существо, равное космосу «в котором ноуменальная структура через посредство души стала общекосмическим телом» [15, с.111]. Он – гигант, человек-космос, живое космическое тело, в чем заключается главная гипербола поэм. «Не было ничего противоестественного в том, что космос вообще трактовался в античности как пространственно ограниченное физическое тело» [15, с. 29].

Космичность тела и телесности лирического героя коррелирует с идеей целостности «я» и Вселенной, как бы Маяковский ни противопоставлял своего лирического героя небу. Споря с «просвещенцами», разрушающими иерархию и целостность тварного мира, Чижевский писал: «В первую очередь уничтожается иерархия, прежде всего – центральное положение человека в мире. Целое мира распадается, и человек сам перерезывает пуповину, связывающую его с этим целым» [22, с.317].

Можно предположить, что антропоцентризм Маяковского в ряде фрагментов обретает черты телоцентризма: «Как представляется, телоцентристская традиция и парадигма является своеобразным дуализмом духа и тела (плоти) платонистской и неоплатонической традиции в европейском особенно российском философствовании» [23, с.216].

Наконец, откуда в лирическом герое Маяковского беспрецедентный максимализм желаний, проявившийся как в любви к человечеству, страсти к женщине, так и в отрицании устоев, и в споре с Богом? Он устремлен к абсолютной ценности – но не к Божественному Абсолюту, а к тому идеальному земному устройству, о котором пишет в «Войне и мире». Причем, как замечает Кожев, в стремлении к абсолюту «безбожный интеллигент столь же одинок, как и религиозный христианин» [11, с. 137]. Максимализм одиночки, на наш взгляд, психологически мотивирует экспрессию Маяковского-поэта.

Список литературы

1. *Амелин Г.Г. Мордерер В.Я.* «Я люблю смотреть, как умирают дети...» // *Миры и столкновенья Осипа Мандельштама.* — М.: Языки русской культуры, 2000. — 341с.
2. *Андреева О.С.* Родовой синкретизм в творчестве В.В. Маяковского: дисс...канд.филол.наук. Ростов-на-Дону, 2012. — 225 с.
3. *Бахтин М.М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / Михаил Бахтин. — СПб.: Азбука, 2000. — 332 с.
4. *Бахтин М.* Проблема содержания, материала и формы // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975.—500с.
5. *Боровская, А.А.* Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века : дисс ... доктор. филол. наук .Астрахань, 2009.— 527 с.
6. *Бутина-Шабаль С.Л.* Античная метафизика: страсти по бесплотному / С.Л. Бутина-Шабаль. — М.: Парад, 2005. — 331 с.
7. *Вайскопф М.* Во весь логос. Религия Маяковского// ВайскопфМ.Птица тройка и колесница души. Работы 1978-2003 годов. — М.: Новое литературное обозрение, 2003.—568 с.
8. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т.2. Философия духа. — М.: Мысль, 1975.— 695 с.

9. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. — М.: Мысль, 1977. —471с.
10. Кантор К.М. Тринадцатый апостол. — М.: Прогресс-Традиция, 2008. —361с.
11. Кожев А.В. Атеизм и другие работы. — М.:Праксис, 2007. —508с.
12. Кожев А.В. Введение в чтение Гегеля: лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. —СПб.: Наука, 2013. —791 с.
13. Кожев. А.В. Идея смерти в философии Гегеля / А.В. Кожев / Пер. с фр. И. Фомина. — М.: Логос, Прогресс-Традиция, 1998.—207 с.
14. Леви, Т.С. Телесная парадигма развития личностной аутентичности: монография. — М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2011. — 189 с.
15. Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении.- 3-е изд., испр. — М.:ЧеРо, 2005—186 с.
16. Маяковский В.В. Малое собрание сочинений.— СПб.: Азбука, 2015.— 672 с.
17. Маяковский В.В. Маяковский В.В сочинения в двух томах.—М.: Правда, 1998. Т.2.—768с.
18. Морис Метерлинк Синяя Птица [Электронный ресурс]. — URL:https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/140384/24705900/&uid=4a1d322d-4a51-11e5-87ef-0025905a06ea&art=140384&user=311083782&uilang=ru&catalit2 (дата обращения 07.07. 2018)
19. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. — М. : РИПОЛ классик, 1997. Т. 1. — 829 с.
20. Орлов О.А. Мифический топос телесности в эпоху модерна//Постижение культуры: Концепции, дискуссии, диалоги: Ежегодник / Рос.ин-т культурологии и др. - Москва, 1996.Вып. 13-14: Логос живого и герменевтика телесности. — М.: Академический Проект, 2005 — 717 с.
21. Подорога В. А. Феноменология тела : Введ. в филос. антропологию: Материалы лекц. курсов 1992-1994 гг. / Валерий Подорога. - М.: Изд. фирма "AdMarginem", 1995.— 339 с.
22. Чижевский Д.И. Гегель в России / Д. И. Чижевский. — СПб : Наука, 2007. — 409 с.
23. Эпштейн, Михаил Наумович. Философия тела / М. Эпштейн. Тело свободы / Г. Тульчинский. - СПб.:Алетейя, 2006— 431 с.

10.01.00

Ши Шаньшань

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
филологический факультет, кафедры русской литературы,
Пермь, shishanshanchn@gmail.com

«ЧАЙКА» А. ЧЕХОВА И «ЦАПЛЯ» В. АКСЕНОВА

В статье проводится сопоставление пьес «Чайка» А. Чехова и «Цапля» В. Аксенова. Автор исследует влияние традиции Чехова на творчество Аксенова, сопоставляются социально-исторические контексты обоих произведений, сравниваются символические образы Чайки и Цапли, художественные функции метафоры воды.

Ключевые слова: *Чехов, Аксенов, символический образ, «Чайка», «Цапля», метафора.*

Пьеса А.П. Чехова «Чайка» была создана в 1895–1896 гг., – время, ставшее началом новой художественной эпохи в истории русской литературы. В пьесе содержалась полемика как с традиционной классической русской литературой, так и с новым направлением – символизмом. Пьеса знаменовала возникновение в русском театре «новой драмы», в которой основной акцент делался на раскрытии глубин психологического бытия человека, анализе причин и следствий социальных явлений и оказалось символом своего времени и изменений, происходящих в искусстве. По мнению В.Б. Катаева, чеховская комедия «стала выполнять роль претекста по отношению к последующим произведениям почти сразу и выполняет её уже более столетия» [5, с. 347].

Не случайно российские писатели последних десятилетий XX – начала XXI века – другой рубежной эпохи, – в том или ином виде обращались к чеховскому произведению, используя его сюжетные ситуации, образы, символику. Сохраняя связь с «Чайкой», писатели одновременно отталкивались от этой пьесы, стремясь выразить содержание новой эпохи. «Воображение современных авторов взамен трогательно-трагичного образа “чайки” предъявило обществу неожиданную альтернативу в виде неказистых и совершенно не поэтичных пернатых», – отмечает современный китайский литературовед Чжан Шаопин [12, с. 89]. Среди такого рода произведений можно назвать, например, «Чайку» Б. Акунина (2000 г.), «Ворону» Ю. Кувалдина (1995 г.), «Курицу» Н. Коляды (1989 г.), «Цаплю» В. Аксенова (1980 г.) и другие произведения.

Первое произведение в этой серии – «Цапля» В. Аксёнова. Анализ пьесы помогает понять, каким путём развивалась русская литература последней четверти XX в. и какие функции выполняла в ней русская классическая литература XIX в. Пьеса была написана в период, непосредственно предшествовавший вынужденному отъезду её автора из Советского Союза, и поэтому представляется закономерным, что в ней, как и в «Чайке» А. Чехова, переосмысливается русская реалистическая традиция и одновременно содержится полемика с литературой того времени – «социалистическим реализмом». «Цапля» В. Аксёнова стала одним из первых произведений русской литературы, в которых воплотились творческие принципы постмодернизма. Характеризуя место произведения в литературном процессе, Чжан Шаопин отмечает: «В русской раннеперестроечной [а, точнее, даже «доперестроечной». – Ш.Ш.] литературе это был один из первых пародийных образов, использовавших чеховское наследие для выплеска настроения либерально настроенной интеллигенции, жаждавшей перемен как в политической, так и литературной жизни» [12, с. 89].

Пьеса В. Аксёнова не имеет прямых сюжетных, образных и композиционных аналогий с пьесой А. Чехова. В то же время её проблематика (необходимость обновления жизни и форм искусства), основная сюжетная ситуация и расстановка персонажей (семья, между членами которой отсутствуют нормальные отношения), повторяющиеся детали (описание пансионата в «Цапле» напоминает имение Сорина в «Чайке»; и Нина Заречная, и Цапля одеты в белые

одежды) и реплики персонажей («Я – чайка» – «Я – Цапля»), разбросанные по всему произведению, позволяют сделать вывод о взаимодействии с творчеством русского классика, причём не только с «Чайкой», но и с другими его произведениями (например, «три сестры» в «Цапле» – Лайма, Роза и Клавдия, с их «огромной неудовлетворенностью», «тягой к чему-то светлому, чистому» – могут быть соотнесены с героинями «Трёх сестёр» Чехова). На связь с Чеховым указывают поступки и отдельные реплики персонажей (о «четвертой стене», о «висящем на стене ружье», которое «должно выстрелить»). Эти поверхностные аналогии и текстуальные аллюзии предполагают глубокое *содержательное* взаимодействие текстов.

1. Социальная проблематика в «Чайке» и «Цапле»

В пьесе А. Чехова исследуется человек, его душа, совесть, идеалы, осмысление им общественной жизни и. Драма передаёт атмосферу общего неблагополучия: в ней нет сколько-нибудь счастливых людей, а одиночество сопровождает каждого из героев – Аркадину, Тригорина, Треплева, Заречную, Медведенко и других персонажей.

Герои «Чайки» не могут понять друг друга, поскольку разговаривают только для себя: их общение является диалогом по форме, но по сути представляет ряд монологов, адресатами которых являются они сами. В сознании читателя пьесы возникает ощущение всеобщего непонимания, неустроенности, разлада между внутренней и общественной жизнью, сливающиеся в единое настроение, которое в конечном итоге приводит к гибели Треплева.

В пьесе В. Аксёнова воспроизводится аналогичная ситуация всеобщего неблагополучия и одиночества героев. «Цапля» была написана в 1980 г. – время, когда Советский Союз стал входить в период глубокого социально-политического и экономического кризиса. Тогдашнее руководство СССР отказалось от проведения назревших реформ социалистической системы, и это вызвало разочарование в кругах творческой и научной интеллигенции, которое, в частности, и выразилось в произведениях В. Аксёнова. Идущее от пьесы А. Чехова ощущение «всеобщего неблагополучия» воспроизводится в жизни героев аксёновской драмы, однако в ней усиливается ироническое начало и пародийность. В «Цапле» высмеивается сложившийся в литературе 1930–1960-х годов классический образ советской общественной системы, а также обыденное сознание и стереотипы поведения типичного человека советской эпохи.

Место действия (профсоюзный пансионат «Швейник») и система персонажей пьесы («деловые люди» советской эпохи: «крупный женский общественник», директор пансионата «Швейник», готовящийся к «ответственным стартам» советский спортсмен, кастелянша, культработник, диетсестра, сторож, «кристально чистый трудящийся с путевкой», швея комбината «Красная Рута») внешне вполне соответствует канонам «основного метода» советской литературы – «социалистического реализма», однако основные сюжетные ситуации пьесы разрушают каноны и стереотипы. Внутренний смысл событий оказывается важнее развития сюжета (реализующего принципы абсурдизма) и формального содержания разговоров персонажей (в этом также можно увидеть следование принципам «новой драмы», реализованным в пьесе А. Чехова).

Пьеса В. Аксёнова разрушает стереотипы сознания и поведения «советского человека» 70-х годов. Поездка за границу – предел мечтаний обитателей пансионата, поскольку оно давало возможность привезти модную одежду (по терминологии людей 1970-х годов – «тряпки»). Отсутствие багажа у Моногамова, вернувшегося в СССР после многих лет работы по линии ЮНЕСКО, не вписывается в нормы поведения «советского человека». Одиночество героев усугубляет объединяющее их (особенно мужчин) подозрение в причастности к деятельности «секретной службы» и в нарушении правил «ответственной организации» (упрёки Степаниды в адрес мужа).

Однако содержание пьесы В. Аксёнова не исчерпывается сатирическим изображением социальных проблем жизни «советских людей». В. Головчинер, одна из немногих литературоведов, обратившихся в своих исследованиях к «Цапле» В. Аксёнова, характеризуя смысловое содержание текста, отмечает: «Жизнь продолжается. Последние эпизоды, сохраняя ироническую авторскую подсветку, выводят всю социальную, злободневную

конкретику в философский план вечной борьбы добра и зла и тем самым завершают и окончательно утверждают эпическое начало <...> как доминирующее в действии» [4, с. 285].

2. Символические образы Чайки и Цапли

Использование в качестве символа образов птиц характерно для русской литературы и фольклора. По словам русского поэта и переводчика Н. Гнедича, «ни один из народов, которых словесность нам известна, не употреблял с такою любовью птиц в песнях своих, как русские» [3, с. 36].

Использованный в пьесе А. Чехова символический образ Чайки имеет множество смыслов. Как отмечал З.С. Паперный, «символический смысл чайки связан с “беспокойными и бескорыстными поисками нового и чистого, свежего в искусстве”, с “тревожной, отвергающей душевное благополучие и успокоенность любовью” [9, с. 34-35]. Главное, что объединяет символические смыслы образа, – обозначение того, что – при определённых условиях – *могло бы состояться* в жизни человека, однако – в силу ряда субъективных причин – так и *«не сбылось»*.

Некоторые исследователи подчёркивают связь символа с мифопоэтическим контекстом: «Интерпретация этого символа, как и всякого другого, оказывается плодотворной в контексте народной мифологии и фольклора – родной для всякого русского писателя культурной среды», в рамках которой образ символизирует судьбу напрасно погубленной девушки [8].

Символический образ Чайки в первую очередь связан с Ниной Заречной и Треплевым. Нина сравнивает себя с «чайкой», которую от скуки подстрелил человек, однако, после всех пережитых ею несчастий, пытается противостоять вектору судьбы и найти свою дорогу к успеху: «Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока я живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю, думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы» [10, с. 58].

В контексте символа можно интерпретировать не только образ Нины, но и Треплева. В начале пьесы Треплев мечтает о большой любви и славе, стремится воплотить в своём творчестве «метафизику красоты» и в результате, словно чайка, «взлететь» над повседневностью. Провал спектакля, отвержение публикой «новых форм», осмеяние претензии героя на «духовное избранничество» – это одновременно провал личной «попытки полета». Для Треплева «чайка» – символ того, что не произошло в его жизни («Я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое призвание» [10, с. 59]).

Однако «чайка» как символ «не сбывшегося» и «не состоявшегося» в жизни человека проецируется и на других персонажей пьесы. Для Тригорина и Аркадиной образ чайки соотнесён со словами «не помню» [10, с. 55, 60] или «не знаю» [10, с. 59], которые подчёркивают отсутствие у них чётких нравственных и социальных ориентиров. «Не состоявшимися» могут считаться судьбы Сорина, Маши, учителя Медведенко, доктора Дорна. Оказаться «не состоявшимися», не осуществившим в своей жизни идею «духовного избранничества» – это основной вариант реализации судьбы и мироощущения человека «рубежного» времени. Финал пьесы, в котором Треплев стреляется из ружья, которым он убил чайку, подчёркивает идею пьесы: чтобы «выжить», человеку нужно «состояться», в полной мере реализовав свой порыв в будущее.

В пьесе В. Аксёнова образ Цапли сохраняет символическую семантику образа Чайки: это указание на некую *иную возможность* жизни; с другой стороны, Цаплю – «болотную жар-птицу» – можно рассматривать (в соответствии с принципами постмодернистской иронии) как гротескный шарж на чеховский образ (как его «сниженный» вариант). Однако этим не исчерпывается образ Цапли, который постоянно меняется. Сначала персонажи слышат её голос, доносящийся из болот, из леса, из тьмы – «глухой, дикий, тревожный» [2, с. 423]; затем голос «материализуется в необычную девушку», возникшую из «другого мира». Появление в финале Цапли позволяет героям «публично исповедаться и раскаяться», поскольку «хочется поверить, что люди могут измениться вдруг, сегодня, хотя бы обозначить такую возможность» [4, с. 276, 283].

Образ цапли, как и образ чайки, соотнесён с фольклорной традицией, но это традиция не столько русская (в русском фольклоре нами была найдена только сказка «Журавль и Цапля», в которой описывается процесс повторяющегося неудачного сватовства), сколько мировая (европейская, азиатская, африканская). Образ Цапли, например, часто встречается в классической китайской культуре, в рамках которой она символизирует постоянное развитие, жизненный успех (название цапли на китайском языке напоминает слово «путь») [11].

Символическое философско-нравственное и социальное содержание, присутствующее в образе чеховской Чайки, в образе Цапли дополняется содержанием *натурфилософским* («Моногамов <...> слышит зов Цапли, он идет на голос природы, голос истины» [2, с. 473]) и *политическим* (цапля свободно пересекает границы, что символизирует желанность слияния интеллигенции России с Европой и всем миром, а также то, что современному обществу пора прощаться со старыми «советскими» стереотипами и необходимо готовиться к новой свободной жизни, которую символизирует «огромное белоснежное яйцо» – образ, который также имеет мифологические истоки).

3. Метафора «вода» в пьесах «Чайка» и «Цапля»

Вода – одна из фундаментальных стихий, «первоэлементов» мироздания. В сознании человека вода ассоциируется с жизнью, это «первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса», «жизненных “соков” человека», который «выступает как аналог материнского лона и чрева, а также оплодотворяемого яйца мирового» и одновременно – как «плодотворяющее мужское семя, заставляющее землю “рожать”» [1, с. 198-199]. Большую роль представления о связи человека со стихией воды играли в восточных философских системах (весьма популярных в России в конце XIX в.), с которыми А. Чехов мог быть знаком.

Стихия воды в «Чайке» воплощена в *озере*, на берегах которого разворачивается действие пьесы. В соответствие с мифологическими представлениями озеро «в качестве некой сакральной бездны <...> соотносится с понятиями “творческое начало”, “гармония”, “вселенский порядок”; «...архетип озера <...> является стихией, порождающей мир», в которой «заложена “потенция к восстановлению и обновлению мироздания”» [7, с. 746]. Характеризуя художественное пространство пьесы «Чайка», В.В. Кондратьева и М.Ч. Ларионова отмечают: «Вокруг чеховского озера образовался и существует целый мир. <...> Озеру отводится роль центра, вокруг которого выстраивается и гармонизируется художественное пространство»; его образ «синкретичен» и вносит «бытийную глубину в сюжет бытовой драмы» [6, с. 134-135, 137].

Иную функцию в пьесе выполняет *вода*. Вода несколько раз упоминается в пьесе Треплева – каждый раз в контексте противопоставления мёртвой «материи» и «души» – жизни («Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака, а души их всех слились в одну» [10, с. 13]. В жизни героев всё происходит по-другому: вода и озеро притягивают Нину Заречную, помогая ей смыть грязь не только с тела, но и с души, придают ей силы, чтобы возродиться духовно («...Меня тянет сюда к озеру, как чайку <...> мое сердце полно вами...» [10, с. 10]). Под воздействием стихии воды-озера Нина, словно чайка, обретает крылья, позволяющие ей получить новые творческие силы, в то время, как Треплев, реализуя в жизни концепцию своей пьесы, противопоставляющей «жизнь» и «воду», – теряет «чувство полёта» и ощущение «живой жизни», а озеро представляет «высохшим» («...Я проснулся и вижу вот, будто это озеро вдруг высохло или утекло в землю...» [10, с. 27]) и, словно чайка, оказавшаяся без воды, раскрывает свою внутреннюю «бескрылость», что в конечном итоге приводит его к самоубийству.

В пьесе В. Аксёнова стихия воды воплощена не в *озере*, а в *море*, на берегу которого расположен пансионат, и *болоте*, являющемся важнейшей частью местной «глухомани» (хотя «озерцо» в тексте пьесы и упоминается: «Меж холмами озерца, болота, бочаги, потайная животная жизнь, охраняемая государством, – заказник» [2, с. 416]). Если море указывает на некую идеальную *иную* жизнь – свободную, наделённую красотой и высшим смыслом, – то болото, связанное с обитающей на нём цаплей, наоборот, затягивает в себя человека, лишает

его свободы и отнимает у него возможность возрождения, обретения новых смыслов жизни. Вода в болоте создаёт иллюзию настоящей естественной жизни. В пьесе А. Чехова убитая Чайка становится лишённым жизни чучелом; аксёновская Цапля («Европа, юность, мечта!»), поманив героя иллюзией настоящей жизни и свободы («Я знаю лишь, что вокруг вас ваш мир <...>. Песок и сосны <...>. Болота и море <...>. Дороги и государственные границы. Ночью, когда я взывала к вам, спали вокруг города, и шелестела листва. Вы просыпались, и на грани яви и сна вам казалось, что вы понимаете мой призыв, но явь сгущалась, и вы его теряли. Что мне нужно передать вам...» [2, с. 471]), в финале пьесы оживает, но это оживление может дать героям только мнимую надежду, поскольку реальная возможность выбраться из болота оказывается неосуществимой.

«Цапля» В. Аксёнова – произведение, вобравшее контексты и символику чеховской «Чайки», – продолжила традицию русской литературы: вести диалог-размышление между автором и читателем о перспективах общественного развития. Контекст и символика чеховской «Чайки», соотнесённые с литературными стереотипами, выработанными культурой «советской эпохи», и с обыденной системой ценностей «советского человека», формировали «протестное сознание», которое в дальнейшем реализовалось в эпоху «перестройки».

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Вода // Мифы народов мира: энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1147 с.
2. *Аксенов В.П.* Цапля // *Аксенов В.П.* Аврора Горелика (сборник). – М., 2009. – 474 с.
3. *Гнедич Н.И.* Простонародные песни нынешних греков. — СПб., 1825. – 83 с.
4. *Головчинер В.Е.* Эпическая драма в русской литературе XX века: монография. – 2-е изд., доп. и испр. – Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2007. – 320 с.
5. *Катаев В.Б.* «Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники». – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 392 с.
6. *Кондратьева В.В., Ларионова М.Ч.* Художественное пространство в пьесах А.П. Чехова 1890-х – 1900-х гг.: мифопоэтические модели. – Ростов н/Д: Изд-во «Foundation», 2012. – 208 с.
7. *Криничная Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. – М.: Академ. проект; Гаудеамус, 2004. – 1008 с.
8. *Ларионова М.Ч.* Пьеса А.П. Чехова «Чайка»: литературные вопросы и фольклорные ответы // Новый филологический вестник. – 2018. – № 2 (45). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/piesa-a-p-chehova-chayka-literaturnye-voprosy-i-folklornye-otvety> (дата обращения: 27.07.2018).
9. *Паперный З.С.* «Чайка» А.П. Чехова. – М., 1980. – 160 с.
10. *Чехов А.П.* Чайка: комедия в четырех действиях // *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 13: Пьесы. 1895–1904. – М., 1978. – С. 3–60.
11. *Чжан Бо [张博].* Цапля [鹭鸟] // Древняя культура [古代文化集粹丛书]: в 9 т. – Т. 2. – Яньбянь, 2015. – 4728 с.
12. *Чжан Шаопин.* Традиции А.П. Чехова в современной русской литературе: дис. канд. филол. наук. – М., 2018. – 160 с.

10.02.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ

10.02.00

Л.К. Байрамова д-р филол. наук

Академия наук Республики Татарстан
ИЯЛИ, отдел лексикографии
Казань, luiziana08@mail.ru

РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ О РОДИНЕ

В статье исследуются русские и английские фразеологизмы о родине (России / Советском Союзе и Америке, Англии). Отмечаются общие и различные черты в русских и английских фразеологизмах о родине. Источником некоторых русских фразеологизмов о родине (в отличие от английских) стали проникновенные строки стихотворений, песен. В отличие от русских фразеологизмов многие английские и американские города родины имеют яркие образы, закодированные во фразеологизмах. Особый акцент русских и английских фразеологизмов делается на патриотизме: *стоять насмерть, защищая родину*.

Ключевые слова: *Родина, страна, дом, берёза, вереск, герб, патриотизм.*

Сопоставление русских и английских фразеологизмов о родине предполагает достижение цели: определить и акцентировать общие и различные (специфические) семантические и компонентные характеристики русских и английских фразеологизмов о родине.

Несмотря на то что тема родины в русской и английской лингвокультурах разрабатывалась [13], в данной статье впервые определены и обоснованы тематические, образные компоненты (раскрывающие внутреннюю форму) и количественные различия между русскими и английскими фразеологизмами о родине.

Родина ... Для русского человека это: *родина-мать, родимая сторонущка, родная земля / родная сторона / сторонущка, родной край...* В английском языке родина – *country* (страна), и её осмысление также связано с матерью: *the mother country* – родина (букв. материнская страна); *the Mother of Parliaments* – Англия (букв. мать парламентаризма) – выражение создано государственным деятелем Дж. Брайтом (1811–1889). См.: *England is the mother of parliaments* [10, с. 515].

Кроме того, говорится также: *native country; God's (own) country, ирон., шутл.* – земля обетованная (букв. страна господ Бога); *первонач. амер. обыкн.* о США [10, с. 178]; *country of birth* – родина (страна, в которой родился); *one's native country* – родина; *one's native land* – родина; *the old country* – 1) родина, отечество; 2) *амер.* страна предков (букв. старая страна); *this country* – наша страна, моё отечество (букв. эта страна) [2, с. 112–113]. Так говорится преимущественно об Англии или США, и совершенно неприемлемо для русских называть Россию «*эта страна*».

С родиной связано представление о родном доме. И лексема *дом / home* является главной в русских и английских фразеологизмах о родине. См., например: *отчий дом* – родительский дом; *домашний / семейный очаг, ритор.* – свой дом, семья. Или, например, *крыша дома твоего / своего / моего* (родной кров) – название и рефрен всех четырех строф песни Ю.М. Антонова на слова М.С. Пляцковского с тем же названием: *Мы все спешим за чудесами, / Но нет чудесней ничего, / Чем та земля под небесами, / Где крыша дома твоего* [4, с. 542]. *Родительский дом* – начало начал, *высок.* – отчий / родной дом. Это первая строка припева песни В.Я. Шаинского на стихи М.М. Рябилина «Родительский дом»; строка повторяется, акцентируя её актуальность: *Родительский дом – начало начал. / Ты в жизни моей надежный причал. / Родительский дом, пускай много лет / Горит в твоих окнах*

добрый свет! [5, с. 304]. Положительный эмоциональный эффект восприятия родины как родного дома создается и употреблением поэтом эпитетов: *надежный, добрый*.

В русском языке о родном доме говорится и фразеологизмом, имеющим нерусский источник: *родные пенаты, книжн. высок.* – родной дом, родные места. *Пенаты* < лат. *Penates* (мн. ч.) – домашние боги, отчий дом. У древних римлян пенатами называли богов – покровителей домашнего очага [5, с. 176].

В английском языке в подобном семантическом плане употребительны фразеологизмы с компонентом *home* (дом), указывающие на домашний очаг, семейные узы: *hearth and home* – домашний семейный очаг (букв. сердце и дом); *a home from home* – домашняя обстановка; *in the bosom of one's family, книжн.* – в лоне семьи [2, с. 112]. В приведенных фразеологизмах их воздействующая эмоциональная сила связана и с употреблением лексем: *hearth* (сердце), *bosom* (грудь; сердце).

Романтический образ Родины создаётся благодаря употреблению во фразеологизмах примет, связанных с природой родины, её растительностью. Так, в русских фразеологизмах – это берёза: *берёзовая Русь* – родина. С данным авторским фразеологизмом С. Есенина читатель знакомится по стихотворению «Вижу сон. Дорога черная» (1925): *За берёзовую Русь / С нелюбимой помирюсь* [8, с. 250]. Но ещё ранее, в 1921 г., фитоним *берёза* использован поэтом в словосочетании *страна берёзового ситца* (родина) в стихотворении «Не жалею, не зову, не плачу...». Это авторское словосочетание также вошло во фразеологический фонд русского языка: *Ты теперь не так уж будешь биться, / Сердце, тронутое холодком, / И страна березового ситца / Не заманит шляться босиком* [8, с. 188].

В английском языке образ родины на основе её природы, растительности отражен во фразеологизме *one's native heath* – родная земля, родные места, родина. Лексема *heath* означает ‘степь, пустошь, поросшая вереском; вереск’ [12, с. 352]. Употребление её во фразеологизме о Великобритании обосновано тем, что для растительности Великобритании характерны повсеместные луга и вересчатники – заросли вереска [7, с. 414]. Автором фразеологизма *on native heath* является В. Скотт [15, с. 128]. Во фразеологизме об Англии: *the land of the Rose* использован фитоним – роза. И это логично, ибо роза – национальная эмблема Англии, поэтому Англия – это страна розы [10, с. 435].

Русскими фразеологизмами представлена ещё одна Родина – Советский Союз: великая семья братских народов – советская родина. Советский Союз объединил народы разных национальностей на основе равноправия и братской взаимопомощи. См. строки из песни «Наш адрес – Советский Союз» на слова Д. Тухманова: *Наш адрес не дом и не улица, / Наш адрес – Советский Союз* [1, с. 120].

Английские фразеологизмы указывают на две родины: Америку и Англию.

Об Америке говорится: *God's (own) country, ирон., шутл.* – земля обетованная (букв. страна господ Бога). Первоначально: *амер.*, обыкновенно о США [10, с. 178]; *the land of stars and stripes* – США (букв. страна звёзд и полос). Название обусловлено тем, что на государственном флаге США изображены звёзды и полосы [2, с. 112].

Об Англии говорится, что она *Merrie / Merry England* – ‘добрая, старая Англия’ (букв. весёлая Англия).

Но не все фразеологизмы характеризуют Англию положительно, особенно если они созданы иностранцем. См. *perfidious Albion* – коварный Альбион (прозвище Англии). *Альбион* – древнее название Великобритании. Оно – полукалька < фр. *la perfide Albion*. Впервые встречается в стихотворении маркиза де Ксимиена (1726–1817), в котором автор призывает атаковать «коварный Альбион» на море [10, с. 37].

Отличительной особенностью английских фразеологизмов о родине являются более 20 фразеологизмов, называющих города Англии и Америки, тогда как русские фразеологизмы о городах страны единичны.

Среди них можно обратить внимание на фразеологизм *Северная Пальмира*, который употребляется по отношению к городу Санкт-Петербургу. *Северная Пальмира, поэт. высок.* – образное название Санкт-Петербурга в русской литературе второй половины XVIII–XIX

вв. Поэты и художники сравнивали новую столицу России (Петербург) с Пальмирой – городом, возникшим в I тысячелетии до н. э. на юге, в Сирии, и славившимся необыкновенной архитектурой, пышностью и богатством. Выражение *Северная Пальмира* стало популярным благодаря Ф.В. Булгарину, который употребил его в своей газете «Северная пчела» [5, с. 331].

Английские фразеологизмы о родине содержат следующие характеристики городов [10], включая компоненты, называющие:

1) религиозные образы: *city of Angels*, амер. – г. Лос-Анджелес (букв. город ангелов); *the City of Saints* – г. Монреаль (букв. город святых). Многие улицы Монреаля названы именами святых;

2) статус города: *the Federal City*, амер. – г. Вашингтон (букв. федеральный город, столица); *the Empire City*, амер. – г. Нью-Йорк (букв. имперский город);

3) пространство города: *the City of Magnificent Distances*, амер. – г. Вашингтон (букв. город больших проспектов);

4) стороны света: юг, запад: *the Gate City of the South*, амер. – г. Атланта в штате Джорджия (букв. ворота Юга); *the Queen City of the West*, амер. – г. Цинцинатти (букв. королевский город Запада; жемчужина Запада);

5) природу города: водопад, реку, океан, озеро; лес; холмы: *the City of the Falls*, амер. – г. Луисвилль (букв. город водопадов). Город Луисвилль расположен на реке Огайо, образующей около города ряд стремнин и водопадов); *the Forest City*, амер. – г. Кливленд (букв. город-лес); *the City of One Hundred Hills*, амер. – г. Сан-Франциско (букв. город на ста холмах);

6) прозвище героя литературного произведения: *Father Knickerbocker*, амер. – г. Нью-Йорк (букв. папаша Никербокер) назван по имени героя юмористической книги В. Ирвинга «Knickerbocker's History of New York». Knickerbocker – голландская фамилия, очень распространенная среди первых поселенцев Нью-Йорка [10, с. 265].

Любя Родину, патриот защищает её от врагов даже ценой своей жизни, проявляя патриотизм. Общепринято, что «Патриотизм – любовь к своему отечеству, преданность своему народу, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов родины» [14, с. 297].

Любовь к родине проявляется и в том, как сладостно, отрадно возвращение на родину. См. русский фразеологизм: *И дым отечества нам сладок и приятен*. Слова Чацкого из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824):

*Когда ж постранствуешь, воротисься домой,
И дым отечества нам сладок и приятен.*

Ср. английские фразеологизмы: *The longest way around is the shortest way home*. – Самая длинная дорога становится самой короткой дорогой домой. *Farthest way about nearest way home*. – Самая дальняя дорога становится самой близкой дорогой домой [2, с. 121; 10, с. 265].

Защита родины в бою, смерть за родину считается священным долгом патриота.

Эта идея закреплена как в русских, так и в английских фразеологизмах.

См.: русск. *лечь костью*, книжн. *высок*. – погибнуть в бою, в сражении за родную землю. Выражение из «Повести временных лет»; приписывается князю Святославу, сказавшему перед битвой с греками: «*Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим – должны сражаться. Так не посрамят земли русской, но ляжем здесь костью*» [6, с. 309]. *Ни шагу назад!* *высок*. – призыв к соратникам, участникам каких-л. действий в тяжелых, особенно в боевых условиях, стойко удерживать позиции, не отступая ни при каких обстоятельствах. Впервые лозунг прозвучал в устах народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина в ноябре 1941 г. во время обороны Москвы: «Мы говорим вам словами великого Кутузова: "Ни шагу назад! Стоять насмерть!"». В Приказе народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина от 28 июля 1942 г. вновь прозвучал этот лозунг: «*Ни шагу назад! Таким должен быть наш главный призыв!*» [5, с. 96].

См. также: *пасть смертью храбрых* – погибнуть, защищая Родину; *сложить голову* – погибнуть, защищая Родину. По одной из версий, оборот возник в воинской среде, в древнерусской боевой практике; встречается в летописях, в «Слове о полку Игореве», в «Задонщине», в «Повести временных лет», где приводится обращение князя Святослава к своим воинам, в котором говорится о готовности отдать свои жизни: «*Свои главы сложим*» [6, с. 123–124]. *Родина или смерть!* публ. – клятва верности родине, готовности отдать за неё жизнь. Это калька < исп. *Patria o muerte!* – лозунг испанских республиканцев периода гражданской войны 1936–1939 гг. и кубинских революционеров в 1956–1959 гг. [3, с. 11–14; 5, с. 303].

Не случайно появление и этой фразеологической кальки в русском языке: *Приятно и прекрасно умереть за отечество* < лат. *Dulce et decorum est pro patria mori.* (Гораций) [11, с. 34].

Английскими фразеологизмами утверждается, что смерть в боях за родину – величайшее жертвоприношение: *great / last / supreme sacrifice* [10, с. 653]; *die in the last ditch* – стоять насмерть (букв. умереть в последнем окопе). Выражение приписывается Вильгельму Оранскому [15, с. 128]; *die game* – сражаться, стоять до конца; умереть, но не сдаться, пасть смертью храбрых [10, с. 211–212].

Идея патриотизма выражена и в следующих английских фразеологизмах: *England expects that every man will do his duty.* – Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг. Слова Нельсона (Nelson) из Приказа перед Трафалгарской битвой 21 октября 1805 г. [11, с. 600]. *What pity is it: that we can die but once to serve our country!* (Josef Addison) – Жаль, что за свою страну можно отдать жизнь только единожды [2, 118].

В отличие от английских фразеологизмов, среди русских фразеологизмов обращается внимание и на ложный патриотизм. Он выражен насмешливо: *квасной патриотизм, неодобр.* – ложно понимаемая любовь к отечеству, чрезмерное тупое восхваление всего своего национального (даже кваса, например) и огульное охаивание чужого. По одной из версий, впервые это выражение употребил П.А. Вяземский в «Письмах из Парижа» (1827). По другой версии, автором этого выражения является Н.А. Полевой, издатель «Московского телеграфа» [6, с. 433–434].

Итак, несмотря на разные культуры и разную ментальность русских, англичан и американцев, родина для всех них является несомненной великой ценностью. Тем не менее выделяются «наиболее существенные явления в истории языка» [Иванова, с. 3], что и порождает различия.

В целом, русскими фразеологизмами освещаются следующие темы: *Родина* (12 ФЕ), *отчий дом* (5 ФЕ), *Родина – Советский Союз* (3 ФЕ), *родной язык* (2 ФЕ), *символы Родины / культуры* (9 ФЕ), *погибать, защищая Родину* (5 ФЕ), *ложный патриотизм* (1 ФЕ), *тоска по родине* (2 ФЕ).

Английскими фразеологизмами освещаются темы: *Родина. Отчий дом* (14 ФЕ), *родной язык* (1 ФЕ), *нация* (3 ФЕ), *география родины* (25 ФЕ), *символы культуры родины* (11 ФЕ), *погибать, защищая Родину* (3 ФЕ), *любовь к своему дому / своей родине* (3 ФЕ), *тоска по Родине* (4 ФЕ).

Список литературы

1. *Байрамова Л.К.* Аксиологический фразеологический словарь русского языка: словарь ценностей и антиценностей. Казань: Центр инновационных технологий. Изд. 2-е, доп., 2011. – 372 с.
2. *Байрамова Л.К.* Аксиологический фразеологический словарь английского языка: словарь ценностей и антиценностей. Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 376 с.
3. *Байрамова Л.К.* Родина или смерть! Patria o muerte! // Проблемы сопоставительной семантики. Киев: Киевский Национальный Лингвистический Университет. Вып. 8. 2009. – С. 11–14.
4. *Берков В.П.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова / Под ред. С.Г. Шулежковой. 2-изд., испр. и доп. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. Т. 1. – 658 с.
5. *Берков В.П.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова / Под ред. С.Г. Шулежковой. 2-изд., испр. и доп. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. Т. 2. – 737 с.
6. *Бирих А.К.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. СПб.: «Фолио-Пресс», 1998. – 700 с.
7. *Ерамов Р.А.* Великобритания. Природа. // Большая советская энциклопедия. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 4. – 414 с..
8. *Есенин С.А.* Не жалею, не зову, не плачу... Собрание сочинений в шести томах. / Под общей редакцией В.Г. Базановой, А.А. Есениной. – М.: Художественная литература. 1977. Т. 1. – 188 с.; 250 с.
9. *Иванова М.В.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Изд-во Литературного института, 2006. – 160 с.
10. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.
11. *Михельсон М.И.* Меткие и ходячие слова. Сборник русских и иностранных пословиц, изречений и выражений. – СПб, 1894. – 692 с.
12. *Мюллер В.К.* Новый англо-русский словарь. – М.: «Диалог», 2002. – 894 с.
13. *Приорова Е.М., Савченко Е.П., Фильчакова Е.М.* Концепт «Родина» в английской и русской лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. № 4(82). Ч. 1. – С. 159-163.
14. *Словарь современного русского литературного языка:* в 17 т. – М.–Л.: Наука, 1961. – Т. 9.
15. *Смит Логан.* Английская фразеология. М.: Гос. уч.-педагог. изд-во МП РСФСР, 1952. – 208 с. / Перевод А.С. Игнатъева.
16. *Чернов Г.В., Чернов С.Г.* и коллектив авторов. Американа. М.: Copyright «Полиграмма», 1996. – 1185 с.

Работа выполнена при научной и финансовой поддержке РФФИ: грант №18-012-00056 /18 «Родина и Чужбина в аксиологическом аспекте: фразеологические парадигмы русского, английского, немецкого, французского, татарского языков; литературные образы и музыкальная культура носителей данных языков».

10.02.00

Я.Л. Березовская канд. филол. наук, О.И. Шарафутдинова канд. филол. наук

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
Институт лингвистики и международных коммуникаций,
кафедра русского языка как иностранного,
Челябинск, berezovskaial@susu.ru, sharafutdinovaoi@susu.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧАЮЩЕГО КУРСА ПО РУССКОЙ ФОНЕТИКЕ

В работе описывается место электронных курсов в обучении русскому языку как иностранному, выявляются проблемы обучения фонетике при использовании дистанционных форм обучения, анализируется влияние родного языка на русскую речь китайцев, предлагается фрагмент электронной системы, созданной с учетом фонетической интерференции и направленной на диалогизацию процесса обучения фонетике.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, фонетика, фонетическая интерференция, китайские обучающиеся.*

Обучение фонетике – обязательный компонент изучения иностранного языка. Фонетические навыки необходимы в связи с устной формой языка, без них невозможно развивать аудирование и говорение как виды речевой деятельности. Особенности организации учебного процесса в российских университетах следуют рекомендации интенсифицировать начальный курс обучения русскому языку как иностранному. Однако формирование фонетических навыков в силу преобладающего влияния устной формы не может быть полностью перенесено на самостоятельную внеаудиторную работу студентов. Сочетание собственно лингвистических и экстралингвистических факторов ставит вопрос о создании и применении электронных средств обучения фонетике.

В настоящее время существует несколько образовательных ресурсов, позволяющих изучать в дистанционной форме язык в целом и фонетику в частности. Подобные программы, направленные на овладение фонетической системой языка, как правило, дают возможность познакомиться с графическим представлением буквы (печатный и прописной варианты), прослушать аудиозапись произношения фонемы, записать свой вариант произношения и проверить себя по образцу [4]. Но не учитываются артикуляторные отклонения и возможность «обратной связи» с указанием рекомендаций в зависимости от типа отклонения. При создании электронной дистанционной системы поддержки обучения фонетике мы учитываем следующие лингвометодические факты. Во-первых, фонетические трудности при обучении фонетике связаны с двумя аспектами – перцептивным (восприятие звучащей речи) и функциональным (порождение устного высказывания, соответствующего фонетическим нормам языка) [1]. Во-вторых, электронная система поддержки обучения должна отражать этнометодический подход, т.е. при создании фонетического курса необходимо учитывать фонетические особенности родного языка, их влияние на русскую речь учащихся [5; 6].

Традиционно различают четыре аспекта исследования фонетики: акустический, артикуляционный, функциональный и перцептивный. Акустический аспект связан с физическими характеристиками звука (высота, темп, тональность и пр.). При создании электронного курса акустический аспект отражается в таких компонентах, как речевой образец, представленный в аудиоформе (аудиозапись звука, звукосочетания) и функции распознавания звука, продуцируемого обучающимся и записываемого в личном виртуальном

кабинете. Для этого разрабатываются алгоритмы анализа речевых образцов [2]. Артикуляционный аспект (физиологический процесс создания звука) – самый сложный в техническом плане. В электронной системе обучения представлен в двух компонентах: 1) анимированное изображение процесса продуцирования звука, отражающего работу органов речи; 2) видеозапись, показывающая живого человека в процессе произнесения звука. Функциональный и перцептивный аспекты связаны непосредственно с языковой системой и речевой реализацией данной системы. Функция фонемы в речи, трансформация фонемы в конкретных звуках, особенности произнесения звуков в разных позициях и восприятия их (то есть установление соответствия звука и графического его обозначения) демонстрируется на уровне звукосочетаний и слов. В электронной обучающей системе данный аспект представлен вторым уровнем единиц для прослушивания и повторения учащимися. Например, для звуков Д – Т на первом уровне (уровень звука) предлагается прослушать и произнести изолированный звук. На втором уровне для работы предлагаются слоги и слова: да – дэ – до – ду, та – то – тэ – то – ту, ад – од – уд, ат – от – ут; да, два, дом – том, дам – там; рад (ра[т]), род (ро[т]). Специфика перцептивного аспекта фонетики позволяет реализовать его в виде упражнений на распознавание звука и целого слова, данной задаче соответствуют такие задания: 1) выберите слово, в котором прозвучал звук Д (дается ряд слов), 2) укажите номера слогов, которые звучат одинаково, 3) выберите слово, в котором написание и произношение согласных звуков различаются и т.п.

Рассмотрим особенности фонетической системы родного языка учащихся, которые необходимо учитывать при разработке конкретных заданий для электронного обучающего курса. При овладении русской фонетикой китайцами наблюдается интерференция, недостаточная количественная редукция гласных, энклитические вставки гласных звуков после согласных; замена русских звуков звуками, близкими фонетической системе родного языка и т.д. [5; 7]. Ошибки в русской речи китайцев могут быть связаны с отличительными особенностями артикуляции звуков в родном языке.

Наиболее часто ошибки в русской речи китайцев возникают в связи со следующими особенностями артикуляции звуков в китайском языке: 1) наличие придыхания при произнесении отдельных групп согласных (ср., [к], [т], [п]). В отличие от противопоставления в русской фонетической системе по звонкости-глухости [г] – [к], [д] – [т], [б] – [п]). Это приводит к ошибкам, типа: бабушка – [папушка]; 2) согласные [н], [м] в китайском языке более назальные (ср., feng). При произнесении китайского звука [п] кончик языка приподнят к альвеолам, при этом средняя часть спинки языка не поднимается к нёбу; 3) отсутствие в китайском языке отдельных согласных (ср., [р]). Вместо звука [р] китайцы нередко произносят [л]; 4) отсутствие смягчения согласных перед некоторыми гласными. Например, звук [i] произносится более напряженно и не смягчает предшествующие согласные.

Указанные замечания были выявлены в результате экспериментального сопоставления родного и изучаемого языков. В частности, нами была проведена серия экспериментов, в которой участвовало 50 носителей китайского языка (города Хэйхэ, Чжоушань, Суйчан), обучающихся по программе подготовки к поступлению в вуз, а также по программам бакалавриата и магистратуры. Сложность анализа заключается также в том, что для некоторых студентов, обучающихся по программам магистратуры на английском языке, русский является уже не вторым, а третьим изучаемым языком. Таким образом, фонетические особенности второго изучаемого языка (в нашем случае английского) также влияют на русскую речь китайцев (произношение звуков [п], [т], [к] с придыханием, лабиализация звука [в] и т.д.).

Проведенный эксперимент подтвердил существование интерференции в русской речи китайцев. Особенности родного языка оказывают существенное влияние на овладение изучаемого, что проявляется в фонетической интерференции. Исследование фонетического аспекта позволяет выявить общие и специфические интерферентные явления, характерные для русской речи китайцев.

При работе с китайской аудиторией над данной темой рекомендуется учитывать неразличение парных звонких и глухих согласных. Поэтому считается целесообразным проводить дополнительный тренинг, направленный на отработку этого навыка. Электронная образовательная система дает возможность поэтапного многократного повторения изолированных звуков Д-Т, звукосочетаний и слов, содержащих соответствующие звуки: д – т, да – та, до – то, дэ – тэ, ду – ту; да – до – ду – дэ, та – то – ту – тэ; дом – том, дам – там, дело – тело. Носители китайского языка не различают звонкие и глухие русские согласные, поэтому целесообразно давать упражнение на формирование и отработку этого навыка: Д – Т. Гласные звуки в китайском языке произносятся более напряженно и не смягчают предшествующего согласного, поэтому для китайцев наибольшую трудность представляют сочетания типа ди, де, дя, ти, те, тя, тю и др.

Предлагаемый тренажер предназначен для поддержки обучения, т.к. сокращает количество аудиторных часов, тренирующих фонетические навыки, позволяет преподавателю давать конкретное задание в рамках учебного занятия и для самостоятельной работы, за счет этнометодического подхода облегчает работу в мультиязычных группах. Регистрация обучающегося и виртуальный кабинет реализуют принцип индивидуализации обучения, фиксируя уровень освоения курса каждым обучающимся. Однако специфика фонетической системы русского языка и особенности ее усвоения иностранными учащимися оставляют целый ряд вопросов, в числе которых проблемы распознавания звукосочетаний и таких фонетических единиц, как фонетическое слово, речевой такт, речевая фраза; техническое отражение суперсегментных единиц; проблема учета дефектов речи, не влияющих на реализацию коммуникативной задачи, проблема влияния на русскую речь диалектов родного для обучающегося языка.

Список литературы

1. *Бондарко Л.В.* Фонетика современного русского языка. СПб.: Издательство СПбУ, 1998.
2. *Кацай Д.А., Исупова Т.Д., Бирюков А.Д.* Система бесконтактного управления антропоморфным роботом. URL: <http://www.icie-rus.org/issues/ICIE-2016RU.pdf> стр.442-444.
3. *Панова Р.С.* Фонетическая интерференция в русской речи китайцев // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2009. № 22(160). Вып. 33. С. 83-86.
4. Портал «Образование на русском». URL: <https://pushkininstitute.ru/learn/practices/5#1>
5. *Рогозная Н.Н.* Влияние сингармонизма на формирование фонологического уровня А2 // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 10. С. 74-79.
6. *Румянцева Н.М., Гарцова Д.А., Кужаков В.Е.* Электронные средства обучения как эффективный инструмент интенсификации процесса обучения китайских учащихся русской фонетике (этнометодический аспект) // Scientific research – 2016: Proceedings of articles the international scientific conference. Киров: Международный центр научно-исследовательских проектов, 2016. С. 175-183.
7. *Чжао Чжэ.* Звуковая интерференция в русском языке под влиянием родного языка в условиях русско-китайских языковых контактов // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66). Ч. 3. С. 179-184.

10.02.20

¹И.М. Габдулхакова канд. филол. наук, ¹Н.Х. Шарыпова д-р филол. наук,
²Л.И. Фидаева канд. филол. наук

¹Казанский государственный аграрный университет,
Институт экономики, кафедра философии и права
Казань, ilsiar75@mail.ru, snailyah@list.ru
²Казанский государственный медицинский университет
кафедра русского и татарского языков
Казань, dubrava11@mail.ru

ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

В работе представлены результаты сопоставительного исследования сравнительных конструкций рассказа А. Еники "Төнге тамчылар" с его переводом "Ночная капля". В статье рассмотрены основные способы перевода сравнительных конструкций, средства их связи, выявлены основные семантические группы. В результате проведённого анализа были выявлены как универсальные, так и специфические признаки в семантике и функционировании сравнительных конструкций русского и татарского языков.

Ключевые слова: *сравнения; разноструктурные языки; перевод; русский и татарский языки; универсальные и специфические черты.*

В последние десятилетия появилось достаточно много сопоставительных работ, направленных на исследование общих и специфических черт разноструктурных языков. У истоков сопоставительного исследования русского и татарского языков стояли такие видные учёные как И. Гиганов, А. А. Троянский, М. И. Иванов, А. Казем-Бек, В. В. Радлов. В своих научных трудах они впервые начали описывать сходные и отличительные черты русского и татарского языков. Основателем же сопоставительной грамматики русского и татарского языков по праву принято считать великого просветителя К. Насыри. В своих известных трудах «Краткая грамматика, изложенная в примерах» (1860) и «Образец русско-татарской грамматики, по методу арабской грамматики» (1891) он заложил основу для сопоставительного изучения этих двух языков. Именно в это время складывается Казанская лингвистическая школа, сыгравшая особую роль в развитии сопоставительных исследований и методике преподавания языков. В XIX-XX вв. так же наблюдается повышенный интерес к сопоставительным исследованиям. В XX-XXI вв. эти проблемы не теряют своей актуальности и продолжают оставаться предметом исследования многих видных учёных: Э. М. Ахунзянов, Л. К. Байрамова, М. З. Закиев, С. М. Ибрагимов, Ф. С. Сафиуллина, Р. А. Юналеева, А. А. Аминова, Р. А. Юсупов, М. Б. Хайруллин и др. [9, с. 326-327].

В настоящее время в условиях глобализации наблюдается активное расширение межкультурных контактов, их взаимное влияние друг на друга, выявление взаимосвязи языка и культуры. Вместе с тем, всевозрастающий научный интерес представляют языковые явления, присущие только для определённой лингвокультурной общности, так как они играют важную роль в познании окружающей действительности и выявлении мировосприятия целого народа. Сопоставительный анализ сравнений татарского и русского языков позволяет выявить не только общие и специфические черты, но и национально-культурную специфику. В связи с этим весьма актуальным является обращение к сопоставительному исследованию сравнений, так как они отражают типовые представления языковой культуры, составляющие образный строй языка и, в свою очередь, вызывают затруднения у переводчиков.

Цель данной статьи заключается в сопоставлении оригинала рассказа А. Еники «Төнге тамчылар» с его переводом; выявление способов перевода сравнительных конструкций с татарского языка на русский; определение как общих, так и специфических черт сравнительных конструкций татарского и русского языков. Материалом исследования послужили сравнения, отобранные методом сплошной выборки из текста оригинала и их перевод на русский язык, выполненный М. Рафиковым. Новизна исследования состоит в том, что впервые в сопоставительном плане изучаются особенности перевода на русский язык сравнений, использованных выдающимся классиком татарской литературы А. Еники в рассказе «Төнге тамчылар». Проблема передачи сравнений представляет особый интерес, так как национальные особенности стилистических систем разнотипных языков вызывают сложности при переводе. Зафиксированные сравнительные конструкции были выделены в следующие семантические группы:

1.) Названия животных, птиц, насекомых. Это наиболее часто встречающаяся семантическая группа: *Гүя менә бу кыз да ак күбәләк кебек нәфис, әңгел, нечкә жанлы...* [3, с. 93]; - *Казалось, за её лёгкость белокрылой бабочки, за непередаваемую грацию, тонкость души...* [2, с. 87]. Как показал наш анализ, эта группа сравнений чаще всего используется при описании внешности героев; 2) названия растений и цветов: *Китан битләре арасында кипкән чәчәктәй сакланган хәтирәләр!* [3, с. 98] - *Эти воспоминания похожи на засохшие в книге цветы* [2, с. 92]; 3) явления природы: *болытлардан ачыла башилаган күктә тулы ай күренгәндәй ... Ләйләсә әкрән генә калкып чыкты* [3, с. 101] - *В воображении, точно полная луна из-за разорванных туч, медленно всплыла... его Лейла* [2, с. 94]. Эта группа сравнений чаще используется при описании эмоционального состояния персонажей; 4) названия предметов окружающего мира:... *(ул) ваемсызлыктан камырдай күперә торган хатын булмаса тиеш* [3, с. 98] - *она была не из тех, которые... расползаются, как тесто, от лени* [2, с. 91]; 5) названия лиц: ... *кандидат, яшь киләндәй, баштан ук алдына карап, тыйнак кына утырырга тиеш иде...* [3, с. 100] - *кандидат сидел, застенчиво опустив глаза, словно юная невеста* [2, с. 93]. В произведениях А. Еники сравнения, безусловно, не исчерпываются лишь перечисленными выше семантическими группами, они представлены гораздо шире, однако, в исследованном нами рассказе эти группы встречаются наиболее часто. В большинстве своём они основаны на одних и тех же характерных свойствах, что и в русском языке. В. С. Виноградов отмечает: «Мышление всех народов выражается в одной ипостаси - в языке как таковом, материализуясь в формах конкретных национальных языков» [1, с. 68].

Интерес представляет так же вопрос соотношения средств связи в сравнительных конструкциях русского и татарского языков. Наиболее продуктивной формой выражения сравнения в рассказе «Төнге тамчылар» являются сравнения, образованные при помощи сравнительных аффиксов *-дай/ -дәй, -тай/ -тәй*, которые присоединяются к существительным и причастиям прошедшего времени. Прямого эквивалента им в русском языке нет, в переводе их значение выражается союзами *как, словно, точно, подобно*: *әлеге хәбәр, тып-тын тамчыдай, аның миенә тукып торды* [3, с. 93] - *новость, точно капель, так и капала беспрестанно в какую-то точку его мозга...* [2, с. 87]; ... *иң саф махәббәте менә шулай, күктән иңгәндәй, кинәт әйләнеп кайтса...* [3, с. 93] *если вдруг вернётся – точно с неба снизойдёт – его первая, его самая чистая святая любовь* [2, с. 87].

Вторым по частотности видом сравнений в исследованном рассказе являются послелого *кебек, шикелле, сыман*. Они так же как и аффиксы *-дай/ -дәй, -тай/ -тәй*, находятся в тесной связи с предыдущим словом и не допускают постановки перед ними другого слова. Ш. Ханбикова, отмечает, что «эти послелого употребляются при уподоблении одного предмета другому, выражают значение сравнения и по смысловым оттенкам мало чем отличаются друг от друга» [6, с. 80]. Р. А. Юсупов так же подчёркивает: «невозможно установить строгое соответствие между союзами и послелогоми, так как при контакте языков данные средства значительно переплетаются» [7, с. 204]. В русском языке им соответствуют сравнительные союзы *как, словно, точно, подобно*, реже творительный падеж: ...*ул таишу*

өстендәге йомычка шикелле, әңгел генә чайкалып акты да акты [3, с. 102] - ...плыл и плыл беспечно по волнам, точно щепка в половодье [2, с. 87];...Хәлил өчен бу махәббәт диңгез төбеннән табылган саф әңжә бөртеге кебек гәҗәеп бер байлык иде... [3, с. 94] – её любовь была для Халиля настоящим сокровищем–жемчугом, найденным вдруг на дне моря... [2, с. 87].

Следующую группу средств репрезентации составляют сравнения, образованные при помощи союзного слова *әйтерсең*, союза *гүя*, отрицательной частицы *түгел*+противительного союза *ә*. Данные конструкции в основном переводятся сравнительными союзами, формой творительного падежа: *...ак күбәләк шул яшеренгән урыныннан гүя терелеп чыга иде дә... [3, с. 96] - ...она вдруг, как ожившая бабочка, вылетала из потайного уголка...[2, с. 89]; аны гамьсез ак күбәләккә түгел, ә горур аккошка охшатырга мөмкин... [3, с. 105] - её можно было бы сравнить не с бабочкой, с белым лебедем [2, с. 98].*

В тексте встречаются и прочие виды сравнительных конструкций, например, со словами *булды*, *охшаган*, *әверелде* и т.д. При определении же способа перевода были выявлены следующие группы [8, с. 74-76].

1. Дословный перевод, при котором текст должен соответствовать оригиналу не только по переносному значению, но и по образности. Анализ показал наличие целого ряда совпадений в образной системе двух языков, что значительно облегчило задачу переводчика: *Кайчандыр күбәләктәй әңгел-сылу кыз... [3, с. 97] - Как она выглядит... та милая легкая белокрылая бабочка? [2, с. 90]; ...алар (фикерләр) барысы да хәзергә, эсседә кузгалган умарта күчедәй, аның эчендә генә кайный иде [3, с. 101] - ... все мысли кипели в нём, как встревоженный в знойный день пчелиный рой[2, с. 94]; Хәлил юк ул, күптән төтенгә әйләнеп таралган... [3, с. 92] - Халиля нет: ...испарился без следа, как дым [2, с. 86]; Карт алаша, күрсәтермен мин сиңа Ләйләне... [3, с. 98] - Я тебе покажу Лейлу, старый мерин... [2, с. 91]. В большинстве случаев М. Рафиков использует дословный способ перевода, А. В. Фёдоров отмечает: «дословный перевод может быть применён в том случае, если в результате калькирования получается выражение, образность которого воспринимается русским читателем, и не создает впечатления несвойственности общепринятым нормам языка» [5, с. 59].*

2. Перевод с изменением отдельных компонентов. Следует отметить, что эти изменения касаются не ключевых слов, а лишь второстепенных. Нами было зафиксировано несколько групп: а) опущение отдельных элементов оригинала: *Китап битләре арасында кипкән чачәктәй сакланган хәтирәләр! [3, с. 98] - Эти воспоминания похожи на засохшие в книге цветы [2, с. 92]. Битләре арасында - среди страниц* в переводе опущено; б) добавление - распространение какого-либо слова или оборота, во избежание искажения смысла перевода: *Ак күбәләк, әйтерсең, кара мунча тирәсеннән иркән кырга очты... [3, с. 95] – Словно бы покружила белокрылая бабочка возле какой-то чёрной курной бани, да и унеслась на широкие луга... [2, с. 89]. В данном примере видим, что М. Рафиков переводит сочетание *кара мунча* как *чёрной курной бани*, он добавляет слово *курной*, которое в русском языке означает *баню по-чёрному*, без данного слова перевод оказался бы не точным; в) замена несущественного слова, с целью сохранения лексической сочетаемости: *сүз сөяп куйган бүрәнә турында түгел, ә тере кеше турында бара [3, с. 93] - речь идёт не о куске бревна, а оживом человеке [2, с. 87].**

3. Соответствие по переносному значению, но различие по выражаемому образу: *...бу кечкенә факт, чоңылга төшкән таш кебек, кинәт аның бөтен әсанын шулхәтле сискәндереп жиберде... [3, с. 92] - ...это незначительное само по себе событие вдруг так потрясло его... точно каменная глыба упала в тихую заводь?! [2, с. 86]; В данном случае мы видим, что в переводе слово *таш* букв. *камень* передается как *каменная глыба*, а *чонгыл*, букв. *омут*, *бездна* как *тихая заводь*.*

4. Передача необразными средствами: ...*(Лэйлә) һаман шулай карлыгач кебек сылу да, чибәр дә, ди...* [3, с. 92] - *А сама Лейла, ...стройна да красива* [2, с. 85]; ...*әжиргә тияр-тимәс кенә йөргән камыштай нечкә, зифа гәүдәсе* [3, с. 97] - ...*лёгкость ног, едва касавшихся земли, гибкость стройного стана* [2, с. 91]. В татарской культуре характерно сравнение красивой девушки с ласточкой, а стройность её тела с камышом, однако, это не принято в русской культуре, поэтому М. Рафиков передает лишь общее значение этих сравнений, сохраняя точку подобию: *стройна да красива* и *гибкость стройного стана*. Татары опасного человека сравнивают с нахохлившимся самцом индюка, однако в русском языке индюк ассоциируется с понятием "гордый и глупый" [4, с. 215]. Если бы М. Рафиков передал его дословно, это привело бы к искажению смысла перевода: ... *ул Хәлиллине һәртөрле ялгыш адымнардан, ата күркә шикелле саклап килде* [3, с. 96] - ...*она всегда строго ограждала его от опрометчивых поступков* [2, с. 89].

Итак, все зафиксированные в процессе исследования сравнения в зависимости от семантики, средств связи и способов перевода были поделены на различные группы. Самыми большими тематическими группами являются названия животных и растений, которые в основном описывают внешнее сходство человека с природой, так же часто встречается группа сравнений человека с явлениями природы, они помогают раскрыть внутренние переживания персонажей. Наиболее продуктивной формой выражения сравнений являются аффиксы *-дай/ -дәй*, в переводе их значение в основном выражается союзами *как, словно, точно, подобно*. Анализ показал, что при переводе дословный способ и способ замены отдельных компонентов встречается чаще других способов; подавляющее большинство сравнений передаётся с сохранением образности; общих признаков в семантике и функционировании сравнительных конструкций значительно больше, чем специфических.

Список литературы

1. *Виноградов В.С.* Перевод: Общие и лексические вопросы: учебное пособие. 2-е изд. - М.: КДУ, 2004. - 210 с.
2. *Еникеев А. Н.* Глядя на горы. Повесть и рассказы. Пер. с тат. - М.: Современник, 1974. - 380 с.
3. *Еники Ә.* Жизкыңгырау: хикәяләр. - Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1995. - 224 б.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. - М.: Рус. яз., 1984.- 797с.
5. *Фёдоров А.В.* Введение в теорию перевода (лингвистические проблемы). - М.: Изд-во лит-ры на ин. языке, 1958. - 193 с.
6. *Ханбикова Ш.С.* Синонимнар сүзлеге. - Казан: тат. кит. нәшр., 1962. - 233 б.
7. *Юсупов Р.А.* Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. - Казань: Татарское кн. изд-во, 1980. - 225 с.
8. *Юсупов Р.А.* Тәржемә теориясенә кереш. - Казан: тат. кит. нәшр., 1972.
9. *Юсупова З.Ф.* К вопросу о сопоставительном изучении именных частей речи в разноструктурных языках // Филология и культура. 2013. №4 (34). С. 326-330.

10.02.19

Т.И. Гасанова

Бакинский государственный университет,
кафедра английского языка,
Баку, konul_habibova@mail.ru

МЕСТО И РОЛЬ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Цель статьи подтвердить факт вхождение пословиц и поговорок во фразеологический состав языка, с упором на азербайджанский и английский языки. Особо внимание уделяется спору между различными учеными-лингвистами о том, нужно ли включать такое уникальное языковое явление как пословицы и поговорки в систему фразеологии или нет. Приводятся доводы за и против.

Ключевые слова: *пословицы, поговорки, фразеология.*

Пословицы и поговорки являются самым древним жанром в фольклоре и важным примером фразеологии. Пословицы и поговорки — это жанр малых форм, присущий устной народной традиции народов мира. Примеры этого жанра, используемые в языке каждой нации, часто сопоставимы друг с другом как по смыслу, так и по содержанию. Как верно замечает В. А. Маслова, «большинство пословиц - это стереотипы народного сознания» [1, 4]. Не секрет, что пословицы и поговорки разных народов бывают очень схожими. Например: на азербайджанском языке: *İştah diş altındadır*; на англ.: *Appetite comes with eating*; на немец.: *Der Appetit kommt beim Essen*; на рус.: *Аппетит приходит во время еды*; на французс.: *L'appetit vient en mangeant*; на турец.: *İştah diş dibindedir* и т.д.

Подобные примеры обусловлены тем, что большинство цивилизованных народов мира согласны друг с другом в своих моральных оценках человеческих поступков, понимании законов бытия. Например, люди из разных культур давно «договорились», что труд - это хорошо, а лень плохо (пословица «Дерево славится плодами, человек трудами» есть во многих языках). Сопоставление этических выводов разных народов, имеющих разные языковые и культурные традиции, с научной точки зрения интересно и привлекательно. Подобные сравнения позволяют проследить, как представители разных культур часто выносят схожие суждения, сами того не зная. Однако далеко не все лингвисты согласны с тем, что пословицы и поговорки необходимо изучать в составе фразеологии. Специалистов по этой проблеме можно разделить на две группы. Первая группа из них включает пословицы и поговорки во фразеологию, а вторая группа выступает категорически против этой идеи. Таким образом, узкое или более широкое понятие фразеологии порождает острую полемику о явлении пословиц и поговорок. Ученые, которые оценивают фразеологию в широком понятии, включают в нее все устойчивые фразы и словосочетания (пословицы и поговорки, загадки, афоризмы, идиомы, фразы, клише и т.д.), которые имеются в языке. В группу этих ученых входят: А. А. Булаковский, А. И. Ефимов, А. Р. Мордвинко, Н. М. Шанский, А. А. Реформатский и т.д.; из тюркологов: С. К. Кенесбаев, Г. Х. Ахунзянов, Е. А. Бердимуратов, Н. Шукуров; из азербайджанских лингвистов: С. Джафаров, А. Демирчибаев, З. Ализаде, С. Муртузаев, М. Адилов, Н. Рагимзаде, Г. Кязимов и др.

В данной работе мы хотели бы отметить и выделить факты, которые могут подтвердить вхождение пословиц и поговорок во фразеологический состав языка. Для начала обратимся к опыту и мнению выдающихся азербайджанских языковедов. Например, С. Джафаров, один из первых исследователей по фразеологии после М. Гусейнзаде, в своих научных трудах разделяет следующие типы устойчивых фраз, входящих в состав фразеологии: «идиомы, фразы, пословицы, крылатые выражения и загадки» [5, 89]. О метафоризме пословиц С. Джафаров пишет, что все пословицы тесно связаны с реальными событиями прошлого и со временем, отделяясь от своего происхождения, становятся обобщенными и абстрактными,

теряя свой первоначальный смысл [5, 104]. Академик А. М. Гурбанов неоднократно упоминал, что пословицы неотъемлемая часть фразеологии [6, 343].

Обобщая позицию русских лингвистов по данному вопросу, отметим, что Л. Б. Булаховский, Е. М. Галкина-Федорук, В. В. Виноградов, А. А. Реформатский, Н. М. Шанский и др. включают в область фразеологии огромное количество пословиц и крылатых выражений. К примеру, В. П. Фелицына отмечает, что среди устойчивых фраз языка пословицы и крылатые выражения легко выделяются, и что пословицы представляют из себя первые народные фразеологизмы [2, 200]. Автор также отмечает целостность, стабильность и неизменность состава пословиц и крылатых выражений [2, 202]. Добавим, что при этом В. Фелицына не учитывает тот факт, что компоненты пословиц и других устойчивых фраз имеют свои синонимы и эквиваленты в языке. В. П. Ярашуева в своих научных работах указывает, что пословицы и фразеологизмы схожи в следующем: оба явления метафоричны, используются в определенных речевых ситуациях, устойчивы по составу и опираются на определенную языковую картину мира [3, 51]. Каждый фразеологизм... представляет собой ценностнознаковый маркер народной культуры. Приведение вышеуказанных мнений ученых подтверждают тот факт, что вопрос включения пословиц и крылатых выражений в фразеологический состав языка, до сих пор остается спорным. В этой системе пословицы, и поговорки выступают, как самостоятельные предложения, обладающие образным или дидактическим содержанием. Семантическое пространство текста становится информационно насыщенным только при наличии у реципиента соответствующих лингвокультурных компетенций: представитель лингвокультуры способен соотнести крылатых выражений с его источником, что и является, в конечном счете, основой коммуникативной цел продуцента текста. В истории исследования фразеологизмов неоднократно подтверждается тот факт, что фразеологизмы в основном являются фразеологическими единствами. Пословицы и поговорки сходны с фразеологическими единицами многими своими чертами. Во-первых, их лексический состав является постоянным; во-вторых, имеет традиционный смысл; в-третьих, лексические значения их компонентов ослаблены; в-четвертых, они не создаются в процессе речи, а воспроизводятся в готовом виде.

Учитывая разнообразность семантического состава пословиц, исследование таких фраз и их публикация в отдельном словаре является важным этапом в изучении фразеологии. Такой сопоставительный словарь пословиц азербайджанского языка с пословицами английского языка был подготовлен и опубликован в нескольких вариантах. В конце 19-го и начале 20-го веков в сборе пословиц и публикации азербайджанского фольклора в прессе особую роль сыграли И. Махаррамзаде, М. Гамарли, Ф. Кочарли и другие лингвисты. После в этой области работали А. Шаиг, Н. Нариманов, Ю. В. Чаменземинли, С. М. Ганизаде и другие видные мыслители Азербайджана. А. Гусейнзаде в 20-м веке с большим усердием собирал пословицы и поговорки на азербайджанском языке. В его редакции их число достигло 50-ти тысяч. З. Ализаде пишет, что Абулгасим Гусейнзаде проделал большую работу в данной области и его труд можно смело сравнивать с трудом Владимира Даля. За 60 лет своей плодотворной работы он опубликовал 17 книг [4, 122]. Пословицы, собранные А. Гусейнзаде, были опубликованы в 1926, 1938, 1949, 1956, 1965, 1971, 1981 и 1985 годах. В 1983 году вместе с Б. Тахирбековым он опубликовал «Краткий русско-азербайджанский словарь пословиц и поговорок». Как и в Азербайджане, сбор и публикация пословиц английского языка в Британии совпадает с началом прошлого века. Такая работа была впервые проделана Г. Апперсоном. Он собрал пословицы и поговорки английского в книге под названием «Proverbs and Proverbial phrases. A historical dictionary».

Если сопоставлять пословицы и поговорки английского языка с пословицами азербайджанского языка, необходимо отметить, что большинство этих высказываний схожи по содержанию. В пословицах мы можем увидеть житейскую мудрость, добрый совет, суровое порицание и т.д. В них можно наблюдать не только семантическое сходство. Пословицы и поговорки обоих народов отражают их близость в восприятии бытия,

этических оценках, религиозном понимании добра и зла. И азербайджанские, и английские пословицы и поговорки с семантической точки зрения охватывают все жизненные аспекты народа и нации. Здесь мы можем найти информацию о исторических событиях, практические рекомендации, мудрые слова о трудовой деятельности, дружбе, воспитании и т. д. Для сравнения ниже рассмотрим некоторые из них: Law makers could not be law breakers. — Qanun verənlər onu pozmasın gərək (Законодатели не могут быть правонарушителями); Cut the coat according to the cloth. — Ayağını yorğanına görə uzat (По одежке протягивать ножки); Practice makes perfect. — Təcrübə insanı kamilləşdirir. (Практика делает дело совершенным) и т.д. Вбирая в себя мифологические, религиозные и нравственные представления народов разных эпох пословицы и поговорки демонстрирует единую систему ценностных доминант общества. Таким образом становится очевидно, что пословицы и поговорки не только по праву занимают важное место в системе фразеологии, но и являются своеобразными индикаторами, по которым можно судить о культурных и моральных ценностях того или иного народа.

Исследуя широкий спектр мнений, мы пришли к выводу, что огромное количество пословиц и крылатых выражений можно определить как фразеологические единицы, и включить в состав фразеологической системы языка. В сопоставлении пословиц и фразеологических единиц выделяются их общие черты: их лексический состав является постоянным, имеет традиционный смысл, воспроизводится в языке в готовом виде, характеризуется воспроизводимостью и идиоматичностью.

Список литературы

1. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. Москва, «Наследие», 1997, 207 с.
2. Фелицына В. П. Проблемы фразеологии. Москва, 1964, 122 с.
3. Ярашьева В. П. Предмет психологии. Ученые записки. АГИ. Серия язык и литературы. Москва, 1972, № 3, с. 50-61.
4. Əlizadə Z. Ə. Azərbaycan atalar sözlərinin həyatı. Bakı, “Yazıçı”, 1985, 244 s.
5. Cəfərov S. Müasir Azərbaycan dili. Leksika. Bakı, “Şərq-Qərb”, 2007, 192 s.
6. Qurbanov A. M. Müasir Azərbaycan ədəbi dili. Bakı, “Nurlan”, 2003, 450 s.

10.02.00

Ф.Ф. ГилемшинАкадемия наук Республики Татарстан
Казань, Fler.Gilemshin@yandex.ru**АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ТАТАРСКОГО ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЯ
«ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»**

Данная статья посвящена анализу антропонимической лексики татарского перевода всемирно известного сборника сказок «Тысяча и одна ночь». Рассматриваются имена собственные, обозначающие Всевышнего, имена пророков (Мухаммад, Иса, Худ, Ибрагим, Хидр, Сулейман) и других героев Арабских ночей. В статье прослеживается этимология и семантика данных антропонимов, опираясь на труды известных татарских поэтов и писателей, освещаются особенности их употребления в татарском языке.

Ключевые слова: *антропонимы; имена собственные; этимология; религиозная культура; сказка; сюжет.*

Каждый народ имеет свои особенности в культурном, социальном и трудовом опыте, что находит отражение в антропонимической лексике языка.

Антропонимическая картина мира отражает не только национальную мировоззренческую и ментальную специфику, но и фиксирует культурные, исторические и экономические контакты народов. В результате таких контактов национальная культура вступает в диалог с другими национальными культурами, лингвокультурные традиции которых закрепляются в антропонимических единицах. Ярким примером такого явления служит также антропонимическая лексика произведения «Тысяча и одна ночь».

Особую роль в тексте, как в любом произведении средневековья, играют имена собственные, связанные с религиозной культурой. Религиозная картина мира выстраивается вокруг главного имени – Бога. Как доказывает исследователь М.В. Иванова, жанру агиографии (описание жизни святых) «отводится важное ключевое место в древнерусской словесности» [4, 79].

Единого и единственного Бога, творца мира и господина Судного дня мусульмане обозначают арабским словом «Аллаху». В исламе – Создатель и Первопричина, пославший к людям своего посланника (расуль) Мухаммада [5, 19].

В текстах татарского перевода сказок часто используется лексема Allah в прямом (религиозном) значении: bane gönahsyz qatyl itsäñez Allahu sezne hälaq idär [10, 36] – «если вы меня безгрешного убьете, то Всевышний вас уничтожит»; Allahu Täyalä aña küb хайванлар һәм күб mallar wirmeş [10, 8] – «Аллах Всевышний одарил его большим количеством богатства и животных».

Помимо данной лексемы, в татарском переводе зафиксировано употребление таких эпитетов Аллаха, как Хақ – «Истинный» [1, 184], Räzzaq – «Питающий» [1, 295], Mutäyalı – «Возвышенный» [1, 537], Gafur – «Всепоощающий» [1, 567], Rähim – «Милосердный, милостивый», [1, 291] Xaliq – «Творец, Создатель» [1, 235], ğäläl – «Величественный» [1, 132], Ğällä – «Великий» [1, 132], Mäwäli – «Господь» [1, 192]: Хақ Täyalädän iyanät istä [11, 188] – «попроси помощи у Всевышнего Аллаха»; äj Räzzaq mutäyalı bu qolıñ köndä dürt märtäbä awımnı därjaya salıyb [10, 25] – «О, Всевышний, этот твой раб каждый день всего четыре раза бросает свою сеть в реку»; inde täwbä ideñez Allahu Täyalä Gafur Rähimder [11, 209] – «а сейчас покайтесь, ведь Всевышний прощающий и милосердный»; här şajneñ Xaliğın wasıf qıl [11, 238] – «опиши создателя всех вещей (т.е. Аллаха)»; äsma Ğälälne ügrätde [11, 62] – «он научил ему величественные имена Аллаха»; Ğällä wä Gallä хәзрәтләре sezne хөсед idüçe күздән saqlasın [11, 69] – «пусть Всевышний хранит вас от дурных глаз»; mutäwäkkilän yalä Mäwäli Täyalä... [11, 104] – араб. «полагаясь на волю Аллаха...».

Как и все книги мусульманского мира, татарские книги изучаемого периода начинались с фразы بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ bismillaxir – gaxmanir – gaxim – «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!» [6, 27]. В дальнейшем, в ходе рассказа упоминались и 99 имен Аллаха. Произведения Каюма Насыйри, кроме одной, называемой «Исереклек заманы» («Эпоха пьянства») начинаются в подобном стиле. Некоторые авторы могли отходить от этого штампа и интерпретировать данное начало по-своему. Например, вместо штампа بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ в произведении «Тутинаме» Г. Фаизханова используются другие слова для восхваления Всевышнего: xämed wä sänä ul zat paq Xodaj Täyalä häzrätenä bulsyn wä täslimät wä ... salawatul päjyambärebez Möxämmädäl Mostafa häzrätlärenä häm anyñ äsxäblärenä bulyaj ide [12, 2] – «пусть будет хвала и восхваление богу Всевышнему и пусть будет приветствие и молитва нашему пророку Мухаммаду и его сподвижникам».

Параллельно эпитетам Аллаха, в тексте татарского перевода сказок употребляются персидское заимствование Xodaj «Бог» и тюркское слово Täñre «Бог»: Xodajnyñ barlyuuna häm berlegenä iman kiter... [11, 239] – «уверуй в единого и вездесущего Бога...»; Täñre haqu öçen bändän bundaj eñne sorama ... [9, 278] – «Ради Бога не спрашивай меня об этом». Этот фактор выступает свидетельством адаптации текста для тюркоязычного читателя с целью распространения и популяризации религиозных знаний.

Термин «Ходай» – синоним «Аллаха» во всех тюркских языках, по мнению ученых, использовался еще в доисламский период как название одного из божеств тюрков-язычников [7, 390]. Термин Täñre зафиксирован в древнетюркских письменных памятниках. Он связан с языческими представлениями тюркских народов, в тюркско-монгольских языках буквально обозначает небесного духа, главного божества в пантеоне политеистических представлений [3, 132]. В современном татарском языке часто используется как синоним Аллаха.

В тексте перевода произведения «Тысяча и одна ночь» зафиксирован ряд имен пророков – посланников Всевышнего: Möxämmäd Mostafa [10, 33] – «пророк Мухаммад Мустафа...», bän häzräte Josyf Ƴäläjhi säläm ilä šad bulurym [11, 209] – «я буду радоваться вместе с пророком Йусуфом»; Xud Ƴäläjhi säläm [11, 224] – «пророк Худ...», Ibrahim Ƴäläjhi sälamneñ dinen täyriñ ideb ... [11, 224] – «...ознакомившись с религией пророка Ибрагима...», häzrät Xozyr Ƴäläjhi säläm kilde ... [11, 68] – «пришел пророк Хидр...»; Söläjman bnu Daud Ƴäläjhi säläm jözege ... [11, 47] – «перстень пророка Сулеймана сына Давида...». Наиболее часто упоминаются имена: *Мухаммад, Гайса, Худ, Ибрагим, Хидр, Сулейман* и тут же, как бы невзначай, вспоминается самая яркая и общеизвестная кораническая легенда о них.

Например, Сулейман – коранический персонаж, благочестивый и мудрый древний царь, библейский персонаж Соломон, сын Давида. Он обладал магическими знаниями, которые получил от Аллаха [5, 212]. В исламской культуре общеизвестен мотив о перстне Сулеймана – особом знаке, который указывает на сверхспособности человека, или, по другой версии, стал вещью, при помощи которой ему были переданы эти способности. В татарской религиозной литературе практически в каждом произведении есть упоминание данного мотива. Например, в произведении татарского богослова, педагога, поэта и общественного деятеля XVIII века Гаджуддина Ялчыгола «Рисалия Газиза» («Послание Газизе»), повествующей об основах Ислама, рассказываются различные версии о существовании данного перстня [2]. Таким образом, можно констатировать, что активное использование имён пророков, как и имён Аллаха, преследовало цель популяризации религиозных знаний.

Кроме религиозных имен, в текст включено множество личных имен героев, связанных с сюжетами, представленными в произведении. Часть из них – главные герои – формируют структуру книги. Это главная героиня Шахрезада – старшая дочь визиря, находчивая, мудрая и мужественная девушка. Она, рассказывая царю Шахретазу интереснейшие истории, спасает свою жизнь и жизнь многих других, подобных ей, молодых девушек. Любопытный царь, желая услышать окончание сказки, давал Шахрезаде отсрочку до следующей ночи, так повторялось в течение тысячи и одной ночи, пока Шахретаз не отказался от своей страшной идеи. Таким образом, желая наставить царя Шахретаза и вместе с ним читателя (вернее, слушателя) на путь истинной добродетели, Шахрезада рассказывает

сказки и притчи, в которых говорится о том, каким должно быть человеческое общество, каким должен быть человек [8].

В начальных рассказах Шахрезаду сопровождает её младшая сестра Дуньязада. Эта героиня также выполняет функцию скрепы между сказками, в определенных случаях «заменяет» царскую волю своею.

Кроме Шахрезады и Дуньязады, в тексте сказок «Тысяча и одна ночь» встречаются и такие антропонимы персидского происхождения, как Šahrāman [9, 4] «Шахреман», Šahrābaz [9, 4] «Шахребаз», Vāxram [9, 24] «Бахрам», Röstām [9, 4] «Рустам». В арабском оригинале братьев царей зовут Шахрияр и Шахзаман, однако в татарском переводе их именуют Шахребазом и Шахреманом. Это явление связано с тем, что в качестве оригинала для своего перевода Фатих Халиди выбрал текст на старосманском языке.

подавляющее большинство среди личных имен, зафиксированных в текстах сказок «Тысяча и одна ночь», составляют имена арабского происхождения: Āxmād Dānaf [11, 14] «Ахмад Данаф», Bostan [9, 25] «Бустан», Garib [11, 215] «Гариб», Gağib [11, 17] «Гаджиб», Kāwkāb as-Sabaḥ [11, 265] «Каукаб ас-Сабах», Nuretdin [9, 9] «Нуретдин», Safa [11, 184] «Сафа» и др.

Все эти личные имена относятся к героям сказок, которые, участвуя в сюжетах или упоминаясь в событиях, позволяют довести до читателя (слушателя) истории Шахрезады. С точки зрения нашего научного исследования важен факт сохранения арабских и персидских личных имен без изменений и адаптаций: он указывает на то, что арабо-персидская культура была не чужой, а «своею» для тюркоязычного адресата. Преобладание в процентном соотношении арабских имен говорит о сохранении первоисточника, с небольшими «вкраплениями» персидских мотивов и легенд.

В текстах «Тысяча и одной ночи» встречаются имена реальных личностей: легендарный халиф Харун ар-Рашид, известный музыкант Исхак бну Ибрахим аль-Мосулий, знаменитый царь Александр Македонский, основатель династии Оммеядов халиф Муавия и др. Использование их связано с популяризацией исторических знаний.

Среди личных имен в сказках «Тысяча и одна ночь» зафиксированы также имена тюркского происхождения: Aldatma – «Алдатма» и Joldyz – «Юлдыз»: Aldatma kürde bu taşlar şahırları laek [11, 169] – «Алдатма заметила, что эти (драгоценные) камни достойны правителей»; ануң ğen taifäsennän Joldyz isemle mäxbübäse bulıyb ... [11, 258] – «у него из рода джинов была возлюбленная по имени Юлдыз». Они заменяют некоторые арабские или персидские варианты имен.

В тексте татарского перевода также присутствуют имена собственные различного происхождения, связанные с мифологией различных народов: такие, как Синдбад, Джалигад, Маргаш, Афрадион и др. Этот факт свидетельствует о влиянии книжной культуры более позднего времени на знаменитый сборник сказок.

Антропонимическая лексика перевода «Тысячи и одной ночи» позволяет идентифицировать книгу как источник знаний историко-культурного и религиозного характера; использование имён Аллаха углубляет эмоциональное воздействие текста, затрагивая таинство общения человека с Всевышним; имена пророков дают возможность в популярной форме излагать общеизвестные религиозные сюжеты и мотивы; личные имена главных героев создают основную структуру жанра; второстепенных героев – содержание многочисленных сказочных сюжетов нравственно-этической направленности.

Список литературы

1. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – Москва: «Русский язык», 1985.– 944 с.
2. В чём тайна перстня Пророка Сулеймана (мир ему)? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://islam-today.ru/istoria/v-sem-tajna-perstna-proroaka-sulejmana-mir-emu/> – дата обращения - 16.07.2018 г.
3. Древнетюркский словарь. – Ленинград, «Наука», 1969 - 678 с.
4. Иванова М.И. Древнерусская агиография конца XIV–XV в. как источник истории русского литературного языка. // Вопросы языкознания.1998. №2. – с.78-87.
5. Ислам. Энциклопедический словарь. – Москва, «Наука», 1991. – 315 с.
6. Коран. Перевод академика И.Ю.Крачковского. – Москва, «Наука», 1990. – 512 с.
7. Татар теленен этимологик сүзлеге: II том. - Казан: Мәгариф - Вакыт, 2015. – 568 б.
8. Шидфар В. Книга далекая и близкая (Тысяча и одна ночь. - М., 1975) // Режим доступа: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000024/st001.shtml/> – дата обращения - 16.07.2018 г.
9. 1897. قازان، 1 جزء، الف ليلة و ليلة، 1 том. Казань, Наследники Шамсутдина Хусаинова, 1897. – 294 с.
10. 1898. قازان جزء 2 ليلة و ليلة، 2 том. Казань, Типо-литография Императорского Университета, 1897. – 160 с.
11. 1899. قازان 4 جزء. الف ليلة و ليلة، 4 том. Казань, Типо-литография Императорского Университета, 1898. – 372 с.
12. 1916. قازان، طوطي نامه. Тути наме. Казань, типография Торгового Дома «Братья Каримовы», 1916. – 175 с.

10.02.00

Ф.Ф. ГилемшинАкадемия наук Республики Татарстан
Казань, Fler.Gilemshin@yandex.ru**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
В ТАТАРСКОМ ПЕРЕВОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»**

*Данная статья посвящена анализу терминов, связанных со строением тела человека. В татарском переводе сборника сказок «Тысяча и одна ночь» соматизмы используются как в прямом, так и в переносном (метафорическом) значениях. Рассматриваются термины *baş* «голова», *jöz*, *bit*, *čährä* «лицо», *küz* «глаз», *aууз* «рот», *tel* «язык», *äl*, *qul* «рука», *jöräk*, *qaleb* «сердце» и др. В тексте сказок соматизмы несут в себе оценочные возможности, указывая на состояние героя или на общую психологическую обстановку, выступают как неотъемлемая часть портретов людей.*

Ключевые слова: *соматизмы, «Тысяча и одна ночь», красота, луна в четырнадцатую ночь месяца, румяное лицо, голова, душа.*

Соматизмы (термины, связанные со строением тела человека) активно употребляются в текстах татарского перевода всемирно известного сборника сказок «Тысяча и одна ночь».

Например, голова – часть тела человека (или животного), состоящая из черепной коробки и лица (или морды у животного) [3, 135]; Она является одной из основных частей, жизненно важным органом тела человека.

В текстах татарского перевода сказок «Тысяча и одна ночь» понятие «голова» передается древнетюркской лексемой *baş* [4, 166] и используется в прямом и переносном (метафорическом) значениях: *xäjlä qalpaуyn başуна kuуyb zöhedlek tajaуna tajaуnb* (7,32) – «положив на голову калпак хитрости и опираясь на палку аскетизма...»; *äl şul qуlyčny, başуyn kis ...* (6, 69) – «бери этот меч и отруби ему голову...».

В некоторых сказках лексема *baş* играет роль синекдохи, определяя целое (человека) через его часть (голова): «является объектом, на который направлены несчастья» [1, 128]: *başумузуа ber ber eř jasamasуn* (9, 8) – «что-нибудь не сделала на нашу голову...»; *bu başуna kilgän jömlä bälä janуndary wäzirdän buldy* (6, 139) – «все беды, которые настigli его (голову) были из-за визиря, который был рядом с ним».

В переносном значении термин *baş* используется в значении «глава»: *qаручы başу jir übeb äjtde* (7, 31) «глава всех приватников, поцеловав землю, сказал...»; *küb hädijälär bireb хезмätkärlärgä baş ideb aуlyq täуajen qyldy* (9, 206) «одарив его подарками, назначил главой всех служащих и определил ему месячный оклад». Такой вариант использования данной лексемы традиционен для восточных текстов, но не распространен в татарском языке.

Лицо – передняя часть головы человека [3, 329]. В текстах перевода «Арабских Ночей» данное значение передается лексемами *jöz*, *bit* и заимствованием *čährä*: *Allaу Täуälä sineң jözeңne aq itsen, хäjer fadylyңny artтыrsyn* (9, 188) «пусть Всевышний сделает твое лицо светлым и прибавит добра»; *bu nurani dükkänče irkän, köläč jöze berlän sälämemne alyb, janуna utырtdy* (6, 65) «этот светлый человек оказался продавцом, с улыбкой на лице он принял мое приветствие и посадил рядом с собой»; *хalyqlаруа jözen күrsäteb, adämlärнең jörägenä ut salyb jörer ide* (9, 23) «ходила с открытым лицом, тем самым взбудораживала мужчин». Лексема *jöz*, в основном, выступает в метафорическом значении, даже для выражения негодования или презрения к кому-либо в резкой форме: *ауам уулуңуң jözenä tökereb* (6, 63) «мой дядя, плюнув в лицо своего сына...».

В текстах сказок большое место уделяется описанию внешности героев (рост, груди, лоб, лицо, губы, зубы). В основном, это – портреты девушек, чарующих своей красотой: *ozуn bujly, qabaryңу күkräkle, matur, күrkäm, kämil, zifa bujly, kileşle nur čäceb torуan маңауjly, alsu bite, märgän kebi qyzyl irenle, eңgedäj tigez tezeleb kitkän teşle, güzällärnekenä oxşaş matur*

küzle ... (7, 114) – «высокая, с пышными грудями, красивая, стройная, со светлым лбом, с румяным лицом, с алыми губами, стройными жемчужными зубами, прекрасными глазами...». Подобные портреты являются традиционными и для средневековых тюрко-татарских текстов.

Лицо красивой девушки уподобляется луне в четырнадцатую ночь месяца: *bik matur qyz janyna kileb çähräse ajnuñ unbişençe kiçäse kebi jaltıgar ide* (6, 138) – «к нему подошла прекрасная девушка, лицо ее блестело как луна в четырнадцатую ночь месяца». Такие сравнения часто встречаются в восточной литературе. Они используются, например, в произведениях Кул Гали, Хорезми, Кандаля и Тукая, также широко используются и в современной татарской литературе.

Иногда красота девушки уподобляется цветку (*göl*): *bädiyyıl ğamalnuñ jöze göl kebi açıldı ...* (9, 90) – «лицо Бадигуль Джамала раскрылось как цветок».

В сказках, как правило, внешность положительного героя идеализируется, а отрицательный герой описывается как отвратительно некрасивый: *haxwanlar qaryj toğan bik qabähät, bornu ğimerek, küze suqır, ayyuzı çalyş, ajaıy aqsaq, ber quly qysqa, gurbunu çuqın, janyna ber keşe kilä almaı ayyuz sasysyna ...* (6, 106) – «скотник ужасный, отвратительный, с разбитым носом, с кривым ртом, одноглазый, хромой, сухорукий, горбатый, с таким вонючим ртом, что к нему никто не подходил...». Представление мира и человека в аспекте бинарных оппозиций, резкое противопоставление добра и зла, красоты и уродства – характерная черта мифологического мышления. Здесь прием служит специальному «старению» текста, стилизации под народные сказки.

Глаз (*küz*) человека – орган зрения, а также само зрение [3, 131]: *ber küzemgä tijeb jākčäšem äjläde* (6, 74) «попал в мой глаз и сделал (меня) одноглазым»; *ägär küzemne jimäkne istärisän çuıayb birerem* (9, 170) «если ты захочешь съесть мой глаз, я тебе его достану»; *qaberne açqac ber açu töten çuıdy, küzläremez hälak bula jazdy ...* (6, 63) «когда вскрыли могилу, поднялся едкий дым, который чуть не лишил нас глаз...».

Лексема *küz* глаз, в составе метафоры, используется для обозначения любимого человека: *aj küzlärem qarasy, kil* (6, 67) «о, свет моих очей, подойди ко мне»; *bu balañ säneñ küzeñe qarasy* (6, 140) «этот твой ребенок, свет твоих очей...»; *aj küzemneñ nury* (9, 170) «о, свет моих очей»; *bän sine köteb küzlärem julda qaldy* (6, 45) «я так долго ждал тебя, букв. глаза мои остались на дороге...»; *sin bänem jöräk päräm, küz nurım, uylım sin ...* (9, 176) «ты сердце мое, свет моих очей, сын мой...».

Это слово встречается и в сочетании *küz tijü* «сглазить»: *bu uylanı küz timäsen ...* (7, 42) «пусть не сглазят этого мальчика...».

Глаз – *küz* не только орган зрения, но и зеркало души человека: *küzlärendän jözendän naçar adäm ulduyn beleb* (23, V) «она по глазам и по лицу определила, что он плохой человек»; *küz qaraşlaryndan belde, bunlar arsynda ğujşuq-mäxabbät bulıanny ...* (8, 82) «по их взгляду заметил, что между ними существует любовь...».

Рот (*ayuz*) – 1. полость между верхней и нижней челюстями, снаружи закрытая губами. 2. очертание и разрез губ [3, 685]; Для передачи данного понятия используется лексема *ayuz* и в прямом, и в переносном значениях: *diñgez suı eçämen läkin ayuz sezneke bulır* (8, 182) «буду пить морскую воду, однако, вашими ртами»; *ayuzına jawlyq tyıyb, kütäreb diñgezgä kitereb* (9, 206) «засунув в рот платок, его понесли к морю...» *qulyñ ilä ayuzına suk* (8, 199) «бей рукой по рту».

Язык человека – подвижный мышечный орган в полости рта, воспринимающий вкусовые ощущения, а у человека участвующий также в артикуляции [3, 917]. В тексте татарского перевода сказок «Тысяча и одна ночь» этот термин передается лексемой *tel*: *atasynıñ mädeh sänasına tel açub şundyj doğalar äjtde* (8, 178) «приступив восхваление отца, он произнес такие молитвы»; *şah junan kitabny alyb ber kâyad, ike kâyaz diheb barıayın telenä tijereb sanar irkän ...* (6, 37) «царь Юнан взял книгу и, послунявив палец, начал открывать страницы книги».

Во вторичном значении *tel* указывает на коммуникативную деятельность человека: *güzäl jeget kileb jomşaq tel berlän ğalladqa äjtde ...* (6, 96) «красивый парень подошел к палачу и

нежно сказал».

Рука – одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев [3, 687]; Для передачи этого понятия используются термины *äl* и *qul*, оба в прямом и переносном значениях: *äleñä ber fonar tot* (6, 129) «бери в руки фонарь»; *jänä qulyn xurğingä tuuyb, lägän qomyan alyb qullaryn ğuyb* (8, 196) «снова сунул руку в корзину, достал оттуда тазик с кумганом и помыл руки»; *keşelärneñ küzennän sörmäsen alyr, joldyzlarny quly ilä totar* (9, 28) «может отобрать сурьму с глаз людей, звезды может хватать рукой»; *aqsaq suqyr franq, işekdän kereb, märjamnyñ qulyn übde* (9, 198) «слепой и хромым европеец вошел в дверь и поцеловал руку Марьям». В переносном значении термин участвует для оценки характера человека.

Сердце человека – это центральный орган кровеносной системы в виде мышечного мешка (у человека в левой стороне грудной полости) [3, 713]; В текстах перевода это понятие передается лексемами общетюркского происхождения *jöräk* [4, 328] и арабского происхождения *qaleb* [4, 351], в обоих случаях преобладающим является переносное значение: *bän buny küreb, jörägem pärä pärä bulyb* (6, 136) «я увидел её и мое сердце словно разорвалось на куски»; *bunyñ mäxäbbäte jörägemne jaryb, yujşyq ilä xarab äjläde* (9, 212) «её любовь расколола мое сердце и загубила его»; *qalb ämer itmäsä, tel süzli almajdyr ...* (7, 47) «язык не может говорить, если сердце не прикажет...» *bänem qalebemä şäfqat kileb, waqujyany bäjan äjlädem* (6, 62) «мое сердце наполнило милосердие и я рассказал о том, что произошло».

В значении «сердце», «душа» (внутренний, психический мир человека, его сознание, мышление [2, 156]) выступает также тюркская лексема *künel* [4, 495]: *sineñ küneleñ taşmydyr* (9, 200) «твое сердце каменное...» *quzyñny alyb barajym künele açylsyn* (9, 174) «свожу твою дочь (на свадьбу), пусть её душа развеется».

Соматические термины в текстах татарского перевода сказок «Тысяча и одна ночь» используется в прямом и переносном (метафорическом) значениях. Они несут в себе оценочные возможности, указывая на состояние героя или на общую психологическую обстановку; выступают как неотъемлемая часть портретов людей; позволяют представить мир и человека в аспекте бинарных оппозиций.

Список литературы

1. *Мирослава Горды*. Соматическая фразеология современных русского и польского языков. Щецин, 2010, 364стр.
2. Словарь русского языка / составитель С.И. Ожегов. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. 1953. – 848 с.
3. Толковый словарь русского языка / составитель С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. – М.: «Азбуковник». 1997. – 994 с.
4. *Әхмәтъянов Р.Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. I том (А–Л). Этимологический словарь татарского языка: в двух томах. I том (А–Л). Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015.– 543 б.
5. *Әхмәтъянов Р.Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге: (М–Я). Этимологический словарь татарского языка: в двух томах. II том (М–Я). Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 568 б.
6. 1897, *قازان، جزء، 1 ليلة و ليلة* Тысяча и одна ночь, 1 том. Казань, Наследники Шамсутдина Хусаинова, 1897. – 294 с.
7. 1898, *قازان، جزء، 2 ليلة و ليلة* Тысяча и одна ночь, 2 том. Казань, Типо-литография Императорского Университета, 1897. – 160 с.
8. 1899, *قازان، جزء، 4 ليلة و ليلة* Тысяча и одна ночь, 4 том. Казань, Типо-литография Императорского Университета, 1898. – 318 с.
9. 1899, *قازان، جزء، 5 ليلة و ليلة* Тысяча и одна ночь, 5 том. Казань, Типо-литография Императорского Университета, 1899. – 372 с.

10.02.00

Н.В. Гревцева¹ канд. филол. наук, О.А. Донскова² канд. филол. наук

¹ ФБГОУ ВПО Пятигорский государственный университет,
институт иностранных языков и международного туризма, кафедра экспериментальной
лингвистики и межкультурной компетенции,
Пятигорск, tsarikevich@inbox.ru

² ФБГОУ ВПО Пятигорский государственный университет,
кафедра языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства,
Пятигорск, linguafan@mail.ru

**ПРАГМАТИКА СТИЛИСТИКИ РУССКОГО И АМЕРИКАНСКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА
МАТЕРИАЛЕ ЕЖЕГОДНОГО ПОСЛАНИЯ В.В. ПУТИНА ФЕДЕРАЛЬНОМУ
СОБРАНИЮ И Д. ТРАМПА "STATE OF THE UNION SPEECH")**

В статье представлены результаты сопоставительного анализа прагматически значимой стилистики обращений Президентов России и США к высшим законодательным органам, раскрываются общие и отличительные особенности воздействия стилистически отмеченных структур в этом жанре российского и американского политического дискурса. Некоторые традиционные стилистические приемы, специфическая лексика, организация структуры текста, апелляции к аудитории - общие черты этого жанра в политическом дискурсе.

Ключевые слова: прагматика дискурса, стилистика дискурса, прагматика стилистики, политический дискурс, жанр, воздействие, форма.

Современная прагматика расширила границы своего влияния до дискурса. Мыслимая как воздействующий аспект дискурса, прагматика активно использует наработки исторически оригинальной теории речевых актов и стилистики, обладающей своим инструментарием средств речевого воздействия. Актуальность настоящей статьи обусловлена вниманием к проблемам воздействия дискурса, политического в особенности [Будаев, Чудинов, 2006], необходимостью сопоставительного и типологического описания прагматического аспекта стилистики жанровых речевых образований, функционирующих в пространствах разных языков.

Цель статьи – выявить сходные и различительные черты прагматики стилистического аспекта русского и американского политического дискурса, а также установлении прагматических принципов стилистики текста жанра «обращение к законодательному органу».

Новизна настоящего исследования состоит в сопоставительном описании прагматически значимых стилистических форм в современном русском и американском политическом дискурсе верхнего уровня – жанра «обращение к Федеральному Собранию»/ «State of the Union Speech».

Полагаем, что и прагматика, и стилистика, а также теория дискурса [Демьянков, 2003] стремятся уйти от значений языковых единиц, сосредотачивая свое внимание на формальной стороне явления: иллокутивной силе речевого акта, экспрессивности стилистического приема, композиции текста, ситуации общения. Однако интерпретация форм почти всегда осуществляется посредством обращения к семантике, контекстуальной и языковой, как отдельных словоформ, так и целых речевых отрезков (См. об этом, напр.: [Петренко 2015: 137-138]).

Понимая стилистику в широком смысле, получаем целую систему стилистически значимых текстовых явлений, имеющих специфическую функциональность в политическом дискурсе. Сопоставительный анализ двух обращений выявил следующие сходные

стилистические явления: использование стилистических приемов метафоры, эпитетов и повторов; отбор лексики, неосложненный синтаксис абзаца, четкая тематическая определенность абзацев, обращения к аудитории. Их прагматика строится по-разному. У стилистических приемов и выбранной лексики это функциональное свойство семантики; композиция прагматична как сочетание объединенных в одно целое стратегий (убедить, вдохновить, уверить, увлечь и т.п.) цепочки тематических комплексов речевых актов (информирование, убеждение, побуждение и др.). По этим же параметрам выявлена и явная характерология прагматики стилистики в сопоставляемых дискурсах.

Наибольшее сходство обнаруживают сопоставляемые тексты на уровне семантики метафор и эпитетов. Применение когнитивного подхода к метафоре [Lakoff, Johnson, 2003; Burgers, 2018] дало возможность выявить общую метафорическую модель обращений обоих президентов: политика как водная стихия. В.В.Путин использует образ волны как судьбоносного явления, побуждающего двигаться вперед, принимать важные для себя решения:

Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперед. Тех, кто не сможет этого сделать, она – эта волна – просто захлестнёт, утопит [Путин, 2018].

Прагматика данного метафорического образа зиждется на семантическом компоненте «сила, мощь» (волны): способна выбросить вперед или уничтожить. Метафору водной стихии развивает образ лодки как безопасном объекте в пучине вод. Однако её раскачивание (параллельно используется фраза «раскачивать лодку») приведет к дестабилизации ситуации в мире:... *прекратить раскачивать лодку, в которой мы все находимся и которая называется «Планета Земля»*. Обратим внимание на побудительную иллокутивность речевого акта.

В выступлении Д. Трампа также присутствует образ волны, однако с противоположной оценочностью: как поток положительных эмоций: *A new tide of optimism was already sweeping across our land*. [Trump, 2018]

Метафоры в выступлениях обоих политиков создают огромное эмоциональное и экспрессивное воздействие на публику, позволяют убедить в своей правоте, вызвать доверие к своим словам [Гревцева, 2014: 13]. Примечательна в этом плане антропоморфная метафора Д. Трампа... *the beauty of America's soul and the steel in America's spine*.

Эпитеты в анализируемых текстах объединены семантикой «очень большой, сверх»: *колоссальные возможности, решительный прорыв, огромный; massive tax cuts, tremendous relief, great future, incredible progress, extraordinary success*. Воздействие на аудиторию оказывает и частотность употребления эпитета. В выступлении американского президента эпитет *great* употребляется 25 раз, *incredible* 3 раза; в обращении российского президента лексемы не повторяются, используется семантический повтор (см. об этом [Донскова, Драганов, 2000:17]).

Приведем примеры повтора структур и градации, которые служат усилению прагматического потенциала речи:... *Россия не раз доказывала свою способность к развитию, к обновлению, осваивала земли, строила города, покоряла космос, совершала грандиозные открытия; to set aside our differences, to seek out common ground, and to summon the unity*.

Прагматика говорящего и слушающего в текстах обращений репрезентирована местоимениями «мы, наш/а, вы» и «we /I/me /my», а также самоцитированием. Например: *Мы готовы дать такой ответ. Мы готовы к настоящему прорыву; If there is a frontier, we cross it. If there is a challenge, we tame it. If there is an opportunity, we seize it*.

Самоцитирование создает иллокуцию убеждения и убедительности: *как я и говорил в 2004 году; just as I promised the American people from this podium 11 months ago*. Активные личные местоимения демонстрируют характерологию дискурсов: утверждение роли народа (русский дискурс) и акцентирование роли лидера (американский дискурс). Однако весьма прагматичными в речи Д. Трампа являются личные имена, с помощью которых обозначается аудитория и тематика: David, Steve etc.

В целом русский дискурс более деловит и прагматичен, в нем нет отсылок к метафорическим клише (типа *the beauty of America's soul and the steel in America's spine*), именам героев. Однако тематика абзацев (безопасность, вооружение, безработица, валовый доход, зарплаты и т.п.) идентичны, разница – в порядке следования тем.

В заключение подчеркнем значимость выбора нейтральной или стилистически маркированной лексики. В американском дискурсе много литературных образных слов и выражений, репрезентирующих иллокутивную прагматику автора. Обращение президента на русском языке более перлокутивно и прогнозирует ответную реакцию, поскольку построено на хорошо воспринимаемых аудиторией политических клише: рубежный, поворотный, масштабный, прорывной, рывок и др., а также разговорных выражениях: переломим ситуацию, «прошить» страну, подзабылось; заимствованиях – стартап, мегасайенс. Такой выбор слов сокращает расстояние между аудиторией и говорящим, усиливая воздействие обращения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что жанр «обращение к законодательному органу» в русском и американском политическом дискурсах характеризуется использованием ряда общих прагматически значимых стилистических форм, как традиционных стилистических приемов, так и отбором лексики, организацией структуры текста, апелляции к аудитории. Прагматику жанровой разновидности русского дискурса отличает ничтожно малое употребление местоимения первого лица единственного числа и свобода в выборе лексики. Прагматика американского дискурса базируется на формах местоимения «я» и клишированных образных стилистических средствах.

Список литературы

1. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2011. 252 с.
2. Гревцева Н.В. Специфика воздействия в текстах политической рекламы // Университетские чтения - 2014. - Пятигорск: ПГЛУ, 2014. - С. 12-16.
3. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. - М.: МГУ, 2003. - С.116-133.
4. Донскова О.А., Драганов А.К. Социопрагматика текста предвыборной рекламы // Вопросы германистики. Вып.П. - Пятигорск, 2000. - С. 17.
5. Петренко С.А. Когнитивно-дискурсивная организация пространственных дейктиков «here» и «there» // Когнитивно-семантические исследования предложения и текста. - Пятигорск, 2015. - С. 137-148.
6. Путин В.В. Послание к федеральному собранию. 1 марта 2018 года URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 12.07.2018)
7. Burgers Ch., Lavalettede R. K. Y., SteenG.J. Metaphor, hyperbole, and irony: Uses in isolation and in combination in written discourse//Journal of Pragmatics. Volume 127, April 2018. - P.71-83.
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. University of Chicago Press, 2003. - 191 p.
9. Trump D. State of the Union Speech URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/01/31/donald-trumps-state-union-speech-2018-full-transcript/> (дата обращения 12.07.2018)

10.02.00

Т.А. Замиралова¹ канд. истор. наук, Н.В. Соломина² канд. филол. наук

Омский государственный технический университет,
факультет гуманитарного образования,
¹кафедра «Социология, социальная работа и политология»,
²кафедра «Философия и социальные коммуникации»,
Омск, zamiraloff.ta@yandex.ru, nvsolomina@mail.ru

ЖАРГОНИЗАЦИЯ РЕЧИ КАК ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В статье рассматривается процесс жаргонизации речи как неотъемлемая часть развития языка в целом. Авторы придерживаются той точки зрения, в основе которой лежит критерий уместности и целесообразности использования социолекта в разных условиях коммуникации. Приводятся примеры популярных молодежных жаргонизмов, а также анализируются способы их образования.

Ключевые слова: *жаргонизм, литературный язык, молодежный жаргон.*

Жаргонизация речи – явление, не новое в языке, оно находится в центре внимания не только лингвистической науки, но и других, смежных с ней, областей знания. Полагаем, что изучение разговорной речи как особой функциональной разновидности языка, а также антропоцентричность в изучении языковых фактов, позволившая лингвистике получить новые знания, привело ученых к необходимости выявления тех языковых средств, которые сочетали бы в себе информацию и экспрессию. Одними из таких средств являются жаргонизмы. Начиная с середины XX века данный тип лексики стал особым предметом изучения, а само явление жаргонизации речи – новым толчком к осмыслению особенностей функционирования некодифицированной формы языка.

Сегодня, как нам кажется, весьма значимыми и волнующими многих ученых является несколько проблем, связанных с жаргонизацией речи.

Во-первых, проникновение жаргонизмов через язык масс-медиа в разные сферы коммуникации. В.А. Козырев, В.Д. Черняк пишут: «Сегодня очевидна тенденция к стилистической сниженности речи как в устной коммуникации, так и в письменной. Процесс жаргонизации, постоянное опускание планки литературной речи – одна из характерных особенностей современной речевой культуры. Общественный вкус нынешнего времени, связанный с демократизацией речи, диктует обновление литературного канона, открывает путь к новому балансу разных речевых слоев. Правило «равнения вниз», которому следуют и средства массовой информации, и создатели разного рода рекламных текстов, безусловно, способствует эффективной коммуникации, но в то же время определяет содержательное ориентирование сообщения на самый низкий по культурному уровню контингент носителей языка» [1, с. 49]. В связи с этим актуальными, на наш взгляд, становятся вопросы об изменении и применении языковой нормы и о типе речевой культуре носителя языка.

Во-вторых, массовое и тотальное использование жаргонизмов в речи, по сути, влияет и изменяет сознание (и языковое сознание – в частности) человека говорящего. Вспомним высказывание М. Хайдеггера о том, что «язык создает человека». Об этом же пишут В.А. Козырев, В.Д. Черняк: «Формирование языковой личности происходит в процессе восприятия, переработки и продуцирования разнообразных текстов, устных и письменных. По существу, совокупность произносимых, воспринимаемых, слышимых, читаемых текстов формирует языковую среду, в которой существует личность» [1, с. 51]. Экспрессия, которая выражается при помощи жаргонизмов, не всегда носит позитивный характер: «ярко выраженная конфликтогенность, нагнетание отрицательной экспрессии, которые характеризуют разные формы современной речи, несомненно, оказывают отрицательное воздействие на личность. Тексты, насыщенные жаргонной лексикой, часто апеллируют не к разуму читателя, а к весьма примитивным эмоциям» [там же].

Несмотря на обозначенные явно негативные последствия процесса жаргонизации речи, полагаем, что данный процесс является вполне естественным и неизбежным (причинами данного утверждения являются те особенности жаргонизмов как особого типа лексики, которые были описаны еще в середине XX в.; современные тенденции развития языка создают условия для активного использования жаргонной лексики):

1. выражение экспрессии при общей установке на информативность (отметим, что понимание значения жаргонной лексики достаточно условное, поскольку изначально жаргонизмы являются лексикой ограниченного употребления, а потому не обязаны быть понятны всем носителям языка, следовательно, об эффективности коммуникации с повсеместным использованием жаргонизмов говорить сложно);

2. творческое языковое переосмысление явлений окружающей действительности;

3. показатель принадлежности к одной из групп парадигмы «свой/чужой» (жаргонизмы выполняют и маркерную функцию; так сравним, например, военный жаргон, являющийся частью военного дискурса и формирующий речевую культуру военного [2]);

4. установка на сниженность и разговорность снимает официальность общения, что сближает коммуникантов, минимизирует дистанцию между ними; с другой стороны – происходит так называемая «демократизация языка» (В.Г. Костомаров).

Все это позволяет говорящему экономить речевые усилия благодаря языковой компрессии: жаргонизмы точно, лаконично, эмоционально при всей информативности передают замысел говорящего. Однако эффективность коммуникации во многом зависит от включенности языковой личности в определенный контекст (молодежный, профессиональный и др. сленг), а также от сформированности жаргонного тезауруса. Приведем некоторые примеры из жаргонной речи современной молодежи. Отметим, что способы образования жаргонизмов не являются новыми, большинство жаргонных единиц, так же как и десятилетия назад, активно используются в речи современного молодого человека говорящего, прочно войдя в его повседневный лексикон (например, туса, предки, препод, приколы, гнать, топ и др.). Однако образуются и новые, используя продуктивные модели их образования (например, го, рофлить, варик, агриться, топить и др.).

Итак, назовем самые частотные жаргонизмы из проанализированных нами (говоря о способе образования жаргонизмов, достаточно частотны смешанные типы; в приведенных примерах они также присутствуют, но нашей задачей было показать первичные, несмешанные способы образования жаргонной лексики.):

1. Лексико-семантический способ (переосмысление и номинация посредством метафоризации, метонимизации): *зашквар* в значении ‘позорно, недостойно, неприлично, непривлекательно’, *абзац* (то же, что и *капец*) в значении ‘выражение отрицательной оценки’, *тема/в тему* в значении ‘в точку, верно, кстати’, *локаторы* в значении ‘уши’, *прикол* в значении ‘шутка’, *гон/гнать* в значении ‘врать’, *угорать* в значении ‘веселиться’, *топить* в значении ‘усердно продвигать что-то (например, идею) или кого-то’, *зашибись/клубнично* в значении ‘шикарно, великолепно’ (положительная коннотация) или в значении ‘ужасно, плохо, хуже не бывает’ (отрицательная коннотация, сарказм), *бомбит* в значении ‘бесит, раздражает’.

2. Заимствование: *агриться* в значении ‘злиться, сердиться, гневаться, проявлять агрессию’ (от англ. *angry* в значении ‘злиться, сердиться’), *го* в значении ‘пойдем, давай’ (от англ. *go* в значении ‘идти’), *сорри* в значении ‘извини, прости’ (от англ. *sorry* в значении ‘извините, простите’), *топ* в значении ‘высший, ведущий в списке, популярный’ (от англ. *top* в значении ‘вершина’), *фейк* в значении ‘подделка, обман’ (от англ. *fake* в значении ‘ненастоящий, фальшивка’), *рофлить* в значении ‘смеяться до слез’ (от англ. аббревиатуры *ROFL – rolling on the floor laughing* ‘катаюсь от смеха по полу’).

3. Усечение (сокращение): *препод* в значении ‘преподаватель’, *ава* в значении ‘аватарка’.

4. Стяжение: *жиза* в значении ‘жизненная ситуация, правда’.

5. Аффиксация (суффиксация): *брат-ан* в значении ‘друг, товарищ’, *сор-ян* в значении ‘извини, прости’ (от англ. *sorry* в значении ‘извините, простите’), *топ-ов(ый)* в значении ‘популярный’ (от англ. *top* ‘верхушка, верхняя строчка рейтинга’), *вар-ик* в значении ‘вариант’, *мар-ик* в значении ‘маршрутка’.

Таким образом, жаргонизация речи является неотъемлемой частью развития современного языка. Молодежный жаргон представляет собой особую форму создания языковой экспрессии. «Оценивая использование жаргонизмов молодежью», – отмечают В.А. Козырев, В.Д. Черняк, – «следует иметь в виду, что они представляют собой форму удовлетворения потребностей молодого человека в экспрессивных средствах <...> Наличие креативной установки позволяет рассматривать речевое поведение говорящего как сложный процесс, основанный на преодолении стандартов и стереотипов, стремлении проявить свои индивидуальные особенности, т.е. самореализоваться в границах дозволенного. В современной речи молодежи попытки самореализации, проявление творческого отношения к языку осуществляются уже на грани или даже за гранью дозволенного» [1, с. 51]. И тогда встает вопрос об использовании данных единиц: с одной стороны, включение жаргонизмов в тексты говорящего обусловлено необходимостью, поскольку наиболее точно отражают авторскую интенцию, с другой – их обилие и бездумное, порой неуместное использование отрицательно влияет на становящееся языковое сознание личности, снижая как общую, так и речевую культуру; функционирование языка преимущественно в низком регистре для решения большинства коммуникативных задач становится нормой, а жаргонизмы – некими маркерами, показателями функциональной языковой несформированности (нередко по причине небрежного отношения к литературной норме и самому языку как необходимому условию формирования мышления).

Список литературы

1. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная языковая ситуация: жаргонизация речи как социокультурный феномен // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2007. Вып. 6. С. 49-53.
2. Соломина Н.В., Рябцев С.С. О необходимости формирования речевой культуры военного // *Омские социально-гуманитарные чтения-2016*. Омск: ОмГТУ, 2016. С. 185-191.

10.02.19

Е.В. Комиссарова канд. филол. наук

Российский государственный гидрометеорологический университет,
институт «Полярная академия», кафедра русского языка и литературы,
Санкт-Петербург, e.v.komissarova@inbox.ru

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО СОБЕСЕДНИКА КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

В работе обосновано и апробировано использование набора эффективных экспериментальных методов для описания психологически реальных образов языкового сознания, предложен метод использования экспликативных текстовых объективаций ментальных образов, разработаны алгоритмы интеграции результатов психолингвистических экспериментов.

Ключевые слова: *языковое сознание, образ языкового сознания, образ идеального собеседника, методы исследования, экспликативная текстовая объективация.*

Проблема изучения и описания образа идеального собеседника лежит в сфере языкового сознания. Образ языкового сознания – это отображение какого-либо явления в содержании языковых единиц, содержащее информацию о внеязыковой действительности и правилах функционирования языковой единицы в языке. Образ идеального собеседника в языковом сознании носителя языка представляет собой интегральный ментальный образ совокупности качеств субъекта коммуникации, рассматриваемых носителем как желательные, обеспечивающие положительное расположение к говорящему других участников коммуникации. В языковом сознании он рассматривается как со стороны собственной речевой деятельности носителя языка (говорение), так и со стороны его роли как слушателя в коммуникативном процессе.

Анализ литературы по проблеме показал, что образ идеального собеседника комплексно не изучен и не описан ни для одной коммуникативной культуры. Наиболее эффективными методами описания содержания ментальных образов языкового сознания, как показало исследование, являются психолингвистический эксперимент и анализ Интернет-текста, они дают наиболее богатые, согласованные и взаимодополняющие материалы для описания ментальной единицы и отражают современное языковое сознание.

Также нами был разработан и апробирован метод использования экспликативных текстовых объективаций ментальных образов, который показал свою эффективность в описании психологически реального содержания образа. Экспликативная текстовая объективация представляет собой языковую объективацию ментального образа, содержащую метаязыковое авторское разъяснение (экспликацию) содержания данного образа. Это выраженная словами рефлексия автора текста о содержании соответствующего образа, отражающая его представление об этом образе и «приуроченная» к описанию какого-либо персонажа или конкретного лица, конкретной ситуации, описываемой в тексте.

Анализ лексикографических значений, фразеологии, поговорок, художественных текстов также дает материал для описания содержания ментального образа. Но они, как показывают исследования, практически не отражают языкового сознания современного носителя языка.

В итоге были выделены семантические признаки или семантические компоненты образа идеального собеседника, которые обрабатывались в соответствии с показанным ниже алгоритмом. Алгоритм обобщения результатов психолингвистических экспериментов, полученных разными методами, в нашей работе выглядит следующим образом:

1. Построение вышеописанной интегрирующей таблицы в соответствии с предложенной структурой.

2. Преобразование в таблицу списка семантических признаков, выделенных свободным ассоциативным экспериментом, с указанием абсолютной частотности объективации каждого признака в эксперименте.

3. Подбор к каждому из занесенных в таблицу признаков сходного по содержанию признака, полученного направленным ассоциативным экспериментом, с указанием абсолютной частотности объективации в эксперименте. Этот семантический признак заносится в столбец «Направленный ассоциативный эксперимент», параллельно аналогичному признаку первого столбца.

4. Дальнейшее преобразование таблицы семантических признаков, выделенных только направленным экспериментом и не имеющих аналогов в столбце «Свободный ассоциативный эксперимент». Эти признаки заносятся в столбец «Направленный ассоциативный эксперимент», автономно, с указанием абсолютной частотности объективации данного признака в эксперименте.

5. Подбор к семантическим признакам свободного и направленного ассоциативного эксперимента, занесенным в столбцы 1 и 2, сходных по содержанию признаков, полученных методом субъективной дефиниции. Они заносятся в столбец «Метод субъективных дефиниций» с указанием абсолютной частотности объективации данного признака в эксперименте.

6. Выявление семантических признаков, выделенных только методом субъективных дефиниций и не имеющих аналогов в столбце «Свободный ассоциативный эксперимент», «Направленный ассоциативный эксперимент». Они заносятся в столбец «Метод субъективных дефиниций», автономно с указанием абсолютной частотности объективации данного признака в эксперименте.

7. Обобщение близких по содержанию семантических признаков и формулировка обобщенного признака, который записывается в столбце № 4.

8. Определение абсолютной частотности объективации сходных признаков в разных экспериментах, которая суммируется и фиксируется в столбце № 5 «Общее число объективаций».

9. Определение индекса яркости обобщенных признаков как отношения совокупного числа объективаций соответствующего признака к общему числу испытуемых; индекс представляется в виде десятичной дроби.

10. Построение интегральной полевой модели образа по материалам психолингвистических экспериментов с выделением ядра, ближней, крайней и дальней периферии.

11. Описание и анализ полученной интегративной полевой модели исследователем.

Построение интегрированной модели показало, что ядром психологически реального образа идеального собеседника в русском языковом сознании являются признаки: *умеет слушать 0,53, общительный 0,20, понимающий 0,19, друг 0,18, интересный в общении 0,16*. Самыми яркими признаками ближней периферии являются, *может посоветовать 0,13, умный 0,11, образованный 0,10, внимательный 0,08*. Яркое и обширное ядро, яркая ближняя периферия свидетельствуют об общей яркости исследуемого образа в языковом сознании народа, его оформленности, стандартизованности, о значительной степени согласия носителей языка по поводу признаков идеального собеседника.

Образ идеального собеседника имеет четко выраженную гендерную и возрастную характеристики. Основные гендерные особенности образа идеального собеседника сводятся к следующему. В языковом сознании мужчин ярче следующие признаки: *друг, умный, образованный, человек, родственник, занимается со мной одной деятельностью, мужчина, есть общие интересы, откровенный, умеет поставить себя на место другого, находчивый*.

В языковом сознании женщин ярче признаки: *общительный, понимающий, интересный в общении, не перебивает, может поддержать разговор, добрый, с юмором, сочувствует, воспитанный, приятный в общении, близкий человек, честный, активный, смотрит в глаза, ровесник, можно доверять, не подавляет меня.*

Для исследования возрастной специфики образа идеального собеседника все испытуемые были разделены на три возрастные группы: молодежную, среднюю и старшую.

Эндемичными для молодежной группы являются следующие признаки: *приятно пахнет, любой, я, нескучный, любознательный, незаразный, самый лучший, крутой, уверенный в себе, незнакомый, может все, не задает лишних вопросов.* Эндемичными для этой возрастной группы являются следующие признаки: *воспитанный, умеет общаться, можно доверять, умеет поставить себя на место другого, находчивый, адекватный, не спорит, трезвый, молчаливый.* Эндемичны для старшего поколения следующие семантические признаки образа идеального собеседника: *может поддержать разговор, отзывчивый, преподаватель по профессии, интеллигентный, серьезный, самостоятельный* и др.

В русском языковом сознании прослеживается отчетливая тенденция высокой оценки молчания собеседника, что выглядит несколько парадоксально на фоне традиционно высокой коммуникативной активности русского человека. Это доказывает яркое ядро образа и удельный вес признаков, указывающих на молчаливого собеседника.

Основа образа русского коммуникативного идеала – умеющий слушать, понимающий собеседника, общительный человек, друг, который может дать совет и помочь, когда это потребуется, с которым имеются общие интересы. Он должен быть отзывчивым, спокойным, открытым, добрым и интересным в общении.

Таким образом, при описании образа идеального собеседника была разработана и использована комплексная методика, основанная на сочетании психолингвистических методов (свободный и направленный ассоциативный эксперимент, метод субъективной дефиниции) и методики экспликативной текстовой объективации образа (анализ экспликативных фрагментов художественных текстов и Интернет-текстов), которая показала свою эффективность в описании психологически реального содержания образа языкового сознания и может быть применена к описанию других культурно-релевантных образов языкового сознания.

Список литературы

1. *Вовк Е.В., Стернин И.А.* Методика интеграции результатов семантического описания языковых единиц разными методами. Учебное пособие – Воронеж: «Истоки», 2012. – 42 с.
2. *Стернин И.А., Розенфельд М.Я.* Слово и образ. Монография/ под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: «Истоки», 2008. – 243 с.

10.02.00

Р.М. Миндияхметова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций,
кафедра английского языка,
Уфа, r.m.khasanova@yandex.com

СУГГЕСТИВНО-МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ПРОФИЛЕ КОМПАНИИ

В статье предпринимается попытка определить прагматический эффект, создаваемый прецедентными феноменами в коммерческой рекламе для американской аудитории. Устанавливаются сферы-источники прецедентных текстов в авторекламе.

Ключевые слова: *прецедентные феномены, рекламный профиль компании, суггестивно-манипулятивный.*

В последнее время в коммерческой рекламе предпочтение отдаётся способам непрямого (косвенного) речевого воздействия, при обсуждении которого многие авторы оперируют терминами *манипуляция* и *суггестия*. При этом, в поликодовом рекламном тексте указанные явления, каждое из которых обладает собственным набором наиболее характерных приёмов и средств воздействия на целевую аудиторию, действуют совместно. Поскольку внушение (суггестивное воздействие) направлено на сферу бессознательного, на изменение убеждений или установок, то успешное внушение создаёт благоприятную почву для последующей манипуляции, которая уже «работает» с сознанием [4, с. 119].

Для оказания косвенного речевого воздействия на массового адресата рекламодатели всё чаще используют разнообразные знаки лингвокультуры, особое место среди которых занимают прецедентные феномены (далее – ПФ). Как культурно значимые знаки ПФ вызывают мгновенный отклик и эмпатию адресата рекламного сообщения. Введение прецедентных знаков в рекламу является манипулятивным приёмом, основанном на «переносе» ассоциаций, связанных с набором событий, идей, фактов с уже сложившимися у аудитории ценностными стандартами [3, с. 21]. В силу этого ПФ активно эксплуатируются рекламодателем в рекламном профиле компании (далее – РПК), который, формируя позитивный образ фирмы, составляют важнейшую часть коммерческой рекламы. РПК играет роль презентации организации, отвечая на вопрос – вот мы какие.

Излюбленной сферой-источником в англоязычном рекламном дискурсе стала *религия*. Неудивительно, ведь библейские ПФ отражают свойственную представителям американской лингвокультуры религиозность. Так, в слогане *Wake up and drive* (Mitsubischi) содержится модифицированная цитата из Библии (Исайя 26: 19), выражающая надежду на обновление жизни, перемены в будущем на основах справедливости.

Не менее популярна в современной рекламе сфера-источник *устное народное творчество*. Особенно часто встречаются *поговорки и пословицы*, суггестивно-манипулятивный потенциал которых предопределён их назидательным характером. Человек, как правило, прислушивается к зафиксированному в пословично-поговорочных суждениях многовековому опыту своего народа. Например, в слогане *Grab Life by the Horns* (Dodge) высвечивается известная поговорка *Take the bull by the horns*, призывающая смело противостоять трудностям (to bravely or confidently deal with a difficult, dangerous, or unpleasant problem [5]).

Зачастую в рекламный текст вкрапляются *цитаты* известных личностей *In the words of one of the great American presidents, Theodore Roosevelt: "It is not the critic who counts." Only those who are willing to accept risk, who have the courage to dare greatly, shape the future"*

(Cadillac). Усилению суггестивного-манипулятивного заряда ПФ способствует актуализация ключевых ценностей американского народа: готовность к риску, принятие вызова, ориентация на будущее.

Сегодня ПФ становятся мощным оружием в борьбе с конкурентами, поскольку зачастую они служат ориентирами в ситуации выбора рекламируемого продукта [1]. К примеру, трансформированный прецедентный текст *all or nothing* в слогане *The best or nothing* (Mercedes-Benz) в буквальном смысле означает *всё или ничего* (accepting no less than everything [6]). Советуя потребителю попробовать все модели (возможно, разных брендов), копирайтер своим заявлением «*если выбирать, то только лучшее*» намекает на то, что *мы [Mercedes-Benz] – самые лучшие*.

Очень удачно вписываются в общий контекст рекламы такие ПФ, как *фразеологические единицы*, в силу своей оценочности. В РПК Toyota говорится, что корпоративная философия основывается на древнейших представлениях об устройстве мира (трёх китах). Создаётся образ компании, на которую можно положиться ... *following the 3 pillars "People / Vehicles / Traffic Environment"* (Toyota).

С помощью ПФ устанавливаются ассоциативные связи с ценными для адресата рекламы символами. В слогане *Baseball, hot dogs, apple pie and Chevrolet* (Chevrolet) присутствует несколько этнокультурных символических знаков: национальная игра бейсбол, всеми любимая в Америке сосиска в тесте и знаменитый американский яблочный пирог.

Довольно сильным суггестивно-манипулятивным зарядом в РПК обладает апелляция к патриотизму американцев. Слоган *Welcome to the State of Independence* (SAAB) содержит ссылку на Декларацию независимости США. Не так давно существующая компания Elio Motors вводит в текст корпоративной миссии тесно связанную с концепцией американского патриотизма идею об Американской мечте. ПФ, выражающий жизненные идеалы американцев, используется молодой компанией с целью как можно быстрее покорить национальный авторынок *We are committed to the American dream, creating American jobs, and bringing American automotive ingenuity to every vehicle we build* (Elio Motors).

Большое разнообразие сфер-источников ПФ обнаруживается на визуальном уровне рекламы. Так, благодаря эстетическому компоненту в произведениях всемирно известных мастеров в рекламе конструируется образ компании, которая трудится над созданием шедевров (Леонардо да Винчи (Volvo), Пабло Пикассо (Mazda, Renault), Франсуа Леже (Mazda 6), Винсент Ван Гог (Lexus), Сальвадор Дали (Lexus, Volkswagen) и др).

В РПК Maserati ПФ представлены сразу двумя сферами-источниками: *мифологией* и *скульптурой*. Описание символики компании, в основе которой положена история о трезубце Нептуна, сопровождается фотографией памятника Нептуну в форме фонтана в Болонье.

Широкое применение в качестве средств суггестивно-манипулятивного воздействия в РПК нашли образы животных (бульдог (Mack Trucks), конь (Ford Mustang), змея (Shelby American) и др.), что вполне оправдано, ибо метафорическое переосмысление автомобиля прежде всего основывается на ассоциировании автомобилей с представителями животного мира. Индивидуализируя рекламируемый объект, метафора создаёт неповторимый образ продукта, а вместе с ним, и образ фирмы.

Всякий раз когда нет достаточного фактического материала для убеждения адресата, рекламист выигрышно использует образы знаменитостей (Dustin Hoffman (Volkswagen), Madonna, Clive Owen (BMW), Brad Pitt (Cadillac XTS), Tiger Woods (Buick) и др.). Безусловно, когда адресат встречает всеми узнаваемый образ, то это автоматически обеспечивает его присоединение к инстанции адресанта [2, с. 38], к человеку, на авторитет которого ссылается рекламодатель.

В рекламном ролике Chrysler, где калейдоскопически показаны сцены из жизни простых американцев, героем стал известный голливудский режиссер Клинт Иствуд, который пытается донести до зрителя основную мысль – «несмотря на все трудности, Америка не сдаётся», вдохновляя и призывая американцев смело смотреть в будущее: *People are out of work and they're hurting. We're all scared. They almost lost everything. But we all pulled together,*

now Motor City is fighting again. We find a way through tough times. How do we come from behind? How do we come together? And, how do we win? This country can't be knocked out with one punch. We get right back up again and when we do the world is going to hear the roar of our engines.

Удачно использован в РПК Volkswagen персонаж популярного псевдодокументального фильма о вымышленной рок-группе «*This Is Spinal Tap*». У картины, представляющей собой пародию на бунтарское поведение знаменитых американских рок-коллективов (Queen, Kiss, Rolling Stones, Aerosmith и др.) нашлось много поклонников в США.

Рекламный ролик Honda, в котором зритель встречает президентов А. Линкольна и Дж. Вашингтона, привлекает внимание непривычным для исторических личностей контекстом. Действие происходит не на поле битвы, а в обычном автосалоне, где национальные герои исполняют песню в стиле современного ритм-н-блюза. Получилось забавно, но не как у всех.

Среди невербальных ПФ, производящих огромный суггестивно-манипулятивный эффект, следует отметить музыкальное сопровождение рекламы, представленное популярными в массовой культуре аудиотреками (Blur «*Song 2*» (BMW), Eminem «*Lose yourself*» (Chrysler), Sting «*Desert Rose*» (Jaguar), New Order «*Slow Jam*» (Ford) и др.).

Таким образом, ПФ образуют обширное суггестивно-манипулятивное поле рекламы, обеспечивающее позитивный контекст восприятия рекламных смыслов. Вкрапление ПФ в рекламу способствует смягчению критического осмысления содержащейся в РПК оценочной и идеологической информации. Своей способностью играть на эмоциях адресата ПФ формируют положительный фон для создания образа добропорядочной фирмы, которая трудится на благо общества. В РПК были идентифицированы вербальные и невербальные ПФ следующих сфер-источников: устное народное творчество, мифология, религия, история, живопись, скульптура, музыка, знаменитости, животные и кино.

Список литературы

1. Зирка В.В. Языковая парадигма манипулятивной игры в рекламе: дис. докт. филол. наук. – Днепропетровск, 2005. – 461 с.
2. Кагарлицкий Ю.В., Литвина А.Ф. Слабый дискурс: о стратегиях рекламного текста//Русистика сегодня. – 1998. – № 3/4. – С. 33-44.
3. Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: Автореф. дис. канд. филол. наук.– Екатеринбург, 2003. – 26 с.
4. Поварницына М.В. Манипуляция, суггестия, аттракция и фасцинация в креолизованном тексте// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2. – С. 117-124.
5. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 07.06.2018).
6. Merriam-Webster English vocabulary Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/dictator> (дата обращения: 09.06.2018).

10.02.04

Н.М. Мокрецова канд. филол. наук

Восточно-Сибирский институт МВД России,
кафедра иностранных языков и культуры речи
Иркутск, kigr16@mail.ru

ИДИОМАТИКА В РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ МЕМУАРИСТА (НА ПРИМЕРЕ МЕМУАРОВ АНГЛИЙСКОГО РЕЖИССЕРА П. УСТИНОВА)

В статье рассматриваются вопросы закономерности употребления фразеологических единиц в речи автора мемуарного дискурса, без понимания которых невозможно решение многоплановых задач, в том числе установление функций фразеологизмов в когнитивном конструировании, прослеживание выбора фразеологизма от типа языковой личности мемуариста.

Ключевые слова: *дискурс мемуарно-автобиографической прозы, речевая стратегия переживания, процесс категоризации, прототипический эффект, идиомы, интенсивность.*

Семантическая направленность многих современных лингвистических исследований, где важное место отводится проблемам смысла языковых единиц, предопределяет интерес к изучению влияния человеческого фактора на язык, что, в частности, повлияло на выбор темы настоящей работы. Опыт письменного «я» привлек внимание немецкого литературоведа В. Дильтея, определившего такой опыт в качестве исходного начала развития гуманитарных наук, и позже в России изучался М.М. Бахтиным, Г.О. Винокуром. С конца XX века координата «я» поставлена научной парадигмой в центр внимания и рассматривается в качестве основы для остального [4]. Современные исследования эго-текстов указывают на неугасающий интерес языковедов к этому феномену языка и культуры [1; 3; 5].

Любое взаимодействие личности, т.е. «я», имеет результатом переживание, предрасположенное к выражению средствами языка. Автор мемуарно-автобиографической прозы использует стратегию переживания как основную речевую стратегию [2]. Правомерность употребления термина «стратегия переживания» объясняется рядом факторов. Переживание следует воспринимать как форму структуры биографии и вместе с тем носителя определенного биографического значения и содержания. Обращенность пишущего к «своему», склонному к эмпатии типу читателя; профессиональная предрасположенность к речевому воздействию авторов автобиографической прозы из-за преобладания в их среде публичных личностей; обращение при подготовке мемуаров к услугам журналистов также объясняют выбор данного термина.

Осмысление событий жизни в условиях диалогичности мемуарного дискурса (с собой-прежним, участниками событий, читателем). реализуется в процессе категоризации, действии интерпретативных схем. Заслуга феноменологической парадигмы в популяризации понятия «конструирование», под которым понимается интенциональная по форме творческая деятельность индивидуального сознания. Припоминая события, мемуарист заново конструирует их в социально и интеллектуально приемлемом направлении. По словам английского психолога Ф. Бартлетта, «воспоминание есть построение, которое, главным образом, протекает на основе установки, и его общее действие является оправданием установки личности» [6].

Когнитивная лингвистика рассматривает процесс категоризации в качестве начала в конструировании смысла. Концепт как базовая когнитивная сущность выполняет функцию категоризации, тем самым употребляемое слово соединяется со смыслом. Задача говорящего при категоризации представлений – возможно большее приближение содержания объекта к фокусу категории, т.е. прототипу. Использование параметрических представлений, значение

которых меняется из-за зависимости от восприятия субъекта (его оценки), характерно для сообщения об экстраординарном биографическом опыте в рассматриваемом типе дискурса. Вместе с тем, в дискурсе воспоминаний наблюдается несоответствие идеализированной когнитивной модели представления о мире, которая, задействована при восприятии картины мира, знанию о реальном мире, полученному в опыте. Учитывая сказанное, можно утверждать, что категоризация событий в мемуарном дискурсе влечет признаки размытости. Как следствие этого явления можно рассматривать проявление прототипичности. Прототипический эффект образуется в результате действия процедур узнавания, когда языковое значение и экстралингвистические факторы вступают во взаимодействие. Идиомы или употребляемые при изменении категориальных границ метафоры как правило реализуют позицию прототипического эффекта. Понятие базового уровня категоризации дает понимание о предпочтительном использовании названных языковых единиц. Базовый уровень категоризации абстрактен, допускает образную репрезентацию категории и при этом позволяет использовать максимум характеристик для дифференциации объектов.

Рассмотрим фрагмент дискурса воспоминаний английского режиссера Питера Устинова «Dear Me!» [7]. “My role was not an easy one, since I spoke roughly in every twenty speeches, and experience tells you that it is easier to play someone who speaks frequently than to maintain an intense concentration ‘counting bars’. I came through my baptism of fire not too badly, however, and by the second night, I felt I had done it most of my life”. Несовместимость представления о предложенной актеру роли и о ее идеализированном варианте порождает прототипический эффект, действие которого реализовано посредством использования идиомы *baptism of fire*. Выражающие нечеткую языковую категоризацию фразы *not an easy one, easier to play ... than to maintain, not too badly, however* отражают идею несоответствия представлений. В примере усматривается приписывание черт прототипичности (... I felt I had done it most of my life) характерное для условия смены представлений пишущего. В прототипе ситуации использован символ *fire*, т.е. образ трудностей, неизбежных при боевом крещении при освоения нового опыта. Присвоение ситуации имени (признак обладания истиной) объясняет использование идиомы *baptism of fire*. Прототип, заимствуя смысл из символа и идеализированных представлений мемуариста, указывает на идеал для поведения (I came through my baptism of fire not too badly), ориентированный на принятые в социуме нормы.

Уместно отметить, что влияние субъекта речи на значение слова, связанное с идеей размытости границ в теории прототипов, нашло отражение в лингвистическом понятии «значение говорящего». В филологии наличие индивидуального значения в слове признавалось отечественными учеными А.А. Потебней, М.М. Бахтиным, Г.О. Винокуром, которые соответственно использовали для указания на влияние понятия «дальнейшее значение», «мое слово», «означивание автором».

При анализе мемуаров П. Устинова усматривается закономерность в употреблении подобных по форме и содержанию фразеологизмов, при условии, что интенсивность – черта речевой стратегии языковой личности пишущего. Такая речевая стратегия характеризуется использованием определенных языковых средств, а именно: интенсификаторов, интенсифицирующих дескрипций и предикатов, образных сравнений, связками фразеологических единиц. Исследуемый дискурс отмечен использованием фразеологизмов с соединительной связью компонентов *high and low, through thick and thin, every now and then, ups and downs, hither and thither*, имеющих сему интенсивности в значениях. Интенсивность этому виду фразеологизмов придает соединительно-противительная связь компонентов, которая повторяет идею интенсивности на морфологическом (пример множественного числа ‘*ups and downs*’) и фонетическом уровне (ассонанс в *ups and downs*, аллитерация и рифмованное созвучие в *hither and thither, through thick and thin*).

Постоянство в употреблении фразеологизмов с парно-антонимической связью компонентов отражает подъем противоречивых чувств относительно экстремальных ситуаций жизненного опыта мемуариста. Интенциональные состояния тревоги, презрения, неприязни мемуариста могут спровоцировать интенсивность его речевой стратегии.

Рассмотрим пример дискурса, где П. Устинов переживает встречу, решающую проблему занятости работой: «I cracked a few jokes, to which the young man failed to respond. I became earnest and he smiled wanly. Every now and then I would glance at Tammy, and fancied I could read anxiety behind her usual limpid composure. I ended the encounter utterly demoralized, quite convinced that I had failed examination, and had lost the job, not only for myself, but for those who depended on me». Предикаты cracked, failed, lost, дескрипции utterly demoralized, quite convinced, как интенсификаторы или слова с семой интенсивности, создают напряженность дискурса. Предикат would glance с выраженной семантикой интенсивности интенсифицируется фразеологизмом every now and then. Усиление интенсивности в значении предикатов по мере их употребления (cracked a few jokes, ended the encounter utterly demoralized) свидетельствует о возрастании интенционального состояния тревоги, которое определяет выбор и порядок использования языковых единиц в заданных дискурсивно-контекстных условиях.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать ряд выводов. Переживание, составляющее суть речевой стратегии автора мемуаров, является основой акта интерпретации потока бытия (миромоделирования) в его биографическом опыте, задает перспективу категоризации действий и событий. В целом, интенсивность является характерной чертой мемуарно-автобиографического дискурса, что можно рассматривать как результат передачи состояния напряжения, иногда конфликта, переживания и переосмысления событий биографического опыта в свете нового знания. Наличие свойства интенсивности у дискурса воспоминаний можно рассматривать как основание для идентификации определенного типа языковой личности, который, в частности, устанавливается с учетом регулярности использования фразеологизмов с семой интенсивности в значении.

Список литературы

1. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX) / М.Ю. Михеев. – М.: Водолей, 2007. – 264 с.
2. Мокрецова Н.М. Фразеологизмы в речевых стратегиях английских и американских мемуаристов Текст. : дис. . канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. М. Мокрецова. Иркутск : ИГЛУ, 1999. – 133 с.
3. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы / Н.А. Николина. –М.: Флинта, Наука, 2002. – 423 с.
4. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
5. Терпугова А.В. Биографический текст как объект лингвистического исследования Текст. : дис. . канд. филол. наук : 10.02.19 / А.В. Терпугова. М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 251 с.
6. Bartlett F.C. Remembering: A Study In Experimental And Social Psychology [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.barbieridoro.com.br/?option=com_k2&view=itemlist&task=user&id=39270.html (дата обращения 28.06.2018)
7. Ustinov P. Dear Me! [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.amazon.co.uk/Dear-Me/dp/B002SQ1DMI> (дата обращения 29.06.2018)

10.02.00

Р.А. Полончук

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
факультет иностранных языков, кафедра дальневосточных языков,
Москва, Rus_MGS@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В работе представлен сравнительный анализ способов перевода фразеологических единиц военной тематики (ФЕВТ) с китайского языка на русский. В качестве материала исследования выбраны ФЕВТ из китайских фразеологических словарей. На основе работ китайских и отечественных лингвистов-синологов анализируются способы перевода на лексико-фразеологическом уровне ФЕВТ с китайского языка на русский.

Ключевые слова: *китайский язык, фразеологические единицы военной сферы, фразеологизм, теория перевода, способ перевода.*

Перевод с китайского языка на русский является самостоятельным аспектом теории перевода и характеризуется наличием специфических трудностей. Полноценная деятельность переводчика китайского языка невозможна без наличия систематизированных знаний страноведческого характера в области истории, традиций, литературы, искусства, особенностей менталитета китайского этноса. Р.К. Миньяр-Белоручев отмечал, что «перевод будет полноценным, если переводчику удалось познать глубины культуры того народа, на знание языка которого он претендует» [4]. Данное утверждение также актуально в ситуациях, когда требуется перевести фразеологические единицы (ФЕ) с китайского языка на русский, где их адекватная передача возможна только в случае наличия у переводчика основательной страноведческой подготовки.

Китайские [1,2] и отечественные [3,6] лингвисты в своих трудах отмечают одним из неразрешенных вопросов теории перевода необходимость выработки подхода к переводу фразеологических единиц военной тематики (ФЕВТ) с китайского на русский язык. К ФЕВТ лингвисты относят ФЕ, связанные с военно-историческими событиями, военно-политическими отношениями, развитием в государстве теории применения вооруженных сил, наращиванием возможностей вооружения и военной техники. В эту группу также включаются фразеологизмы, возникшие из речи военнослужащих, высказываний военных, политических и государственных деятелей.

Исследование показало, что изучением ФЕВТ занимались китайские лингвисты Ван Дэ (王德) [1] и Ван Фэй (王菲) [2], которые в своих работах изучили и систематизировали источники происхождения ФЕВТ китайского языка, однако, ими не рассматривались особенности перевода ФЕВТ с китайского языка на русский. В то же время отечественные лингвисты-синологи И. Д. Кленин [3], В. В. Ткачук [5] рассмотрели особенности перевода фразеологизмов китайского языка на русский. Однако ФЕВТ китайского языка в их работах не являлись объектом лингвистического исследования.

В.Ф. Щичко в своей работе [6] предложил способы перевода китайских ФЕ на русский язык где, учитывается тип самой ФЕ: чэньюй, яньюй, гунъюй, сехоуяй, цзинцзюй. В целях исследования нами был выбран подход В.Ф. Щичко, поскольку предложенные им способы перевода адаптированы под китайский язык, их описание сопровождается комплексными комментариями. Далее последовательно рассмотрим применение данного подхода для перевода ФЕВТ китайского языка.

Перевод чэньюев. Большая часть чэньюев (成语) («готовое выражение») представляют четырехсложные образования, выстроенные по правилам древнекитайского языка. Для их перевода необходимо учитывать виды чэньюев с точки зрения соотношения их прямого и переносного значения. Приведем эти виды на материале ФЕВТ китайского языка.

1. *Совпадение образной основы и переносного значения:* 拔出剑来 («обнажить меч»), 前后受敌 «попасть между двух огней» (досл. «подвергнуться нападению спереди и сзади»), 手无寸铁 «быть невооруженным» (досл. «ни вершка железа в руках»), 赤手空拳 «голыми руками» (досл. «голые руки и пустые кулаки»). В данных примерах образное и переносное значение в китайском и русском языках совпадают, поэтому их перевод сложности не представляет.

2. *Сохранение переносного значения при изменении образной основы (функциональный аналог):* 兵不厌诈 «на войне все средства хороши» (досл. «используя армия нельзя пренебрегать хитростью»), 秣马厉兵 «готовиться к войне» (досл. «кормить лошадей и точить оружие»).

3. *Перевод чэньюя без образной основы фразеологизмом с образной основой в русском языке:* 按甲寝兵 «закопать топор войны» (досл. «отложить латы и дать отдых оружию»), 兵挫地削 «полное поражение» (досл. «армия разбита, территория отнята»).

4. *Описательный перевод при отсутствии аналога чэньюя в русском языке:* 攻心为上 – «подорвать волю противника – это лучшая мера».

5. *Перевод парных образований по типу чэньюя простыми словами и словосочетаниями русского языка – не фразеологизмами:* 千军万马 «могучая армия» (досл. «тысячи солдат и десятки тысяч лошадей»), 百战百胜 «всепобеждающий» (досл. «из ста сражений сто побед»).

Перевод яньюй. При переводе яньюй (颜语) (поговорки) могут использоваться те же способы, что и при переводе чэньюй. Например, некоторые поговорки могут переводиться дословно, например: 好铁不打钉, 好人不成兵 «хорошее железо не идет на гвозди, хорошие парни не идут в солдаты», 战则两伤, 合则两利 «война приносит обоим (сторонам) вред, мир приносит обоим (сторонам) пользу».

Описательный перевод применяется, когда образная основа поговорки непонятна русскому читателю, а в русском языке нет аналогичной ФЕ. Например: 爱兵如子, 用兵如山 – «любите солдат как сыновей своих, используйте их как горы», (ср.: народ, который не кормит свою армию, обязательно будет кормить чужую).

Функциональная замена (функциональный аналог), например: 兵不可一日无将 «кто часто проверяет, ничего не теряет» (досл. «солдату ни дня не обойтись без генерала»), 一日干戈动, 十年不太平 «худой мир лучше доброй ссоры» (досл. «один день войны – десять лет неспокойной жизни»).

Перевод гуаньюньюев. Гуаньюньюи (惯用语) представляют устойчивые трехсложные словосочетания, обладающие целостностью и единством в смысловом и структурном отношении и построенные по схеме «глагол – объект». Например: 烟幕弹 «дымовая завеса» (досл. «дымовой снаряд»), 马后炮 «после драки махать кулаками» (досл. «пушка позади коня»). В приведенных примерах использован *описательный перевод*, поскольку специфические китайские метафоры непонятны русскому читателю.

Перевод сехоуюев. Сехоуюй (歇后语) (недоговорки-иносказания) – двучленные изречения, в которых первая часть представляет собой иносказание, вторая – его раскрытие. Данный тип китайских ФЕ не имеет аналогов в других языках, поскольку обозначает специфические для китайского языка и культуры единицы. При их передаче на русский язык целесообразно применять *функциональную замену*. Например, 余太君挂帅-马到成功 «сходу добиться полной победы» (досл. «Ше Тайцзюнь назначен главнокомандующим – Желаю вам скорейшего успеха!»).

Перевод афоризмов. Афоризмы («警句» «цзинцзюй») довольно редко переводятся в современных словарях, поэтому, как правило, они переводятся дословно. Например, 不可勝在己, 可勝在敵 «непобедимость заключена в себе самом, возможность победы заключена в противнике»; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь»; 一时胜负在于力, 千古负在于理 «один раз можно победить и силой, но чтобы побеждать, нужен ум».

Таким образом, результаты проведенного анализа показали, что перевод ФЕ с китайского языка на русский может осуществляться с помощью различных способов, выбор которых зависит от целого ряда факторов. При переводе ФЕВТ с китайского языка на русский должен учитываться контекст и подтекст высказывания, что позволит точно и в полной мере передать семантику ФЕ с применением подходящего для данного контекста соответствия. Анализ приведенных способов перевода на материале ФЕВТ китайского языка позволяет сделать вывод о целесообразности применения подхода предложенного В.Ф. Щичко по переводу ФЕ китайского языка, поскольку он позволяет произвести перевод китайских ФЕВТ с учетом типа самой ФЕ. Практическая работа по переводу ФЕВТ обнаружила необходимость наличия значительной страноведческой подготовки, которая упрощает процесс перевода.

Список литературы

1. Ван Дэ. Источники происхождения военной фразеологии // Доклады Народного университета Внутренней Монголии: общественно-научное издание. 2010. № 6. 157 с.)
2. Ван Фей. Исследование китайских фразеологизмов военной сферы. Цюфу: Издательство Педагогического университета, 2009. 145 с.)
3. Кленин И.Д. Лексикология китайского языка / Кленин И.Д. Щичко В.Ф. - М.: Восточная книга, 2013. - 272 с.
4. Р.К. Миньяр-Белоручев Теория и методы перевода М.: Московский Лицей, 1996. - 298 с.
5. Ткачук В.В. Военная тематика в китайских пословицах и поговорках. Китайско-китайский тематический словарь / Л.Г. Абдрахимов, Л.А. Радус, В.В. Ткачук. - М.: Восточная книга, 2014. - 120 с.
6. Щичко В.Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода / В.Ф. Щичко. - 3-е изд., искр. и дом. - М.: Восточная книга, 2013. - 224 с.

10.02.04

А.Е. Фалилеев канд. культурологии

Мордовский государственный педагогический институт,
факультет иностранных языков,
кафедра английского и немецкого языков и методик обучения,
Саранск, fae3@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ В РАМКАХ ФАКУЛЬТАТИВНОГО КУРСА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ¹

В данной статье проводится анализ использования аутентичных материалов на факультативных курсах, организованных для студентов-бакалавров в целях повышения их языковой культуры. В рамках данной статьи разработан комплекс упражнений к самостоятельно адаптированному аутентичному материалу. Сделан вывод о том, что в методике преподавания иностранного языка одним из важных направлений является использование аутентичных материалов, поскольку это не только расширяет границы познания, но и открывает большие языковые горизонты.

Ключевые слова: *студент-бакалавр; аутентичный материал; иностранный язык; система упражнений; языковая культура; факультативный курс.*

Авторы статьи «Pedagogical Conditions of Multilevel Foreign Languages Teaching in Pedagogical Higher Education» утверждают, что вовлечение России в мировой экономический и культурно-образовательный процесс связан с повышением уровня владения иностранным языком [4, с. 6603]. Следует отметить, что одним из приоритетных направлений в подготовке студента-бакалавра является формирование его языковой культуры, формирование личности, способной в совершенстве овладеть иностранным языком, чтобы в дальнейшем реализовать себя в будущей профессии.

Особое внимание нужно уделить курсу факультативных занятий по иностранному языку, который продолжает и развивает основной курс, используя дополнительные средства для работы над текстами повышенной сложности, коррекции ошибок и совершенствования лексики и грамматики, а также создает условия, максимально приближенные к реальной языковой среде страны изучаемого языка. Обращение к проблеме применения аутентичных материалов в рамках факультативного курса по формированию языковой культуры студентов-бакалавров является актуальным в рамках преподавания иностранного языка в высшем учебном заведении.

Л. А. Лазутова утверждает, что для того, чтобы студент на высоком уровне овладел иностранным языком необходимо использовать методику, связанную с восприятием учебного материала посредством эмоций [5, с. 90]. Поэтому использование аутентичных материалов при обучении иностранному языку имеет практическую значимость.

Целью данной статьи является анализ использования аутентичных материалов на факультативных курсах, организованных для студентов-бакалавров. В процессе применения аутентичных материалов формируется языковая культура студентов, расширяется их лингвистический кругозор и, соответственно, пополняется словарный запас.

¹ Работа выполнена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (ЧГПУ и МГПИ) по теме «Феномен философского текста в современном образовательном пространстве».

Использование аутентичных материалов в методических целях позволит осуществлять обучение всем видам речевой деятельности, поскольку все это воспроизводит естественную речевую среду на уроках иностранного языка. Аутентичные материалы должны быть максимально адаптированы к жизни. В этом и состоит их функциональная значимость. Студенты в процессе работы с аутентичными текстами «приближены» к реальным условиям употребления языка, анализируют лингвистические средства и готовятся к самостоятельному аутентичному употреблению этих средств в речи.

Аутентичность обусловлена тесной взаимосвязью с культурой, особенностями быта, поведением и менталитетом той страны, в которой говорят на этом языке. Студентам знакомятся с текстами о традициях и обычаях страны изучаемого языка, ее историей, образом жизни студентов, например. Еще М. М. Бахтин отмечал, что собственная культура полнее раскрывает себя в рамках чужой культуры. В этом и состоит идея диалога культур [1, с. 354].

Ориентируясь на классификацию С. А. Блохиной, мы предлагаем следующие виды упражнений для работы с аутентичными материалами:

1. *Completing* – упражнение, в основе которого лежит работа с отрывком текста или рядом незаконченных предложений, которые необходимо закончить, используя информацию, полученную из прочитанного текста. 2. *Correction* – исправление языковых или содержательных ошибок в тексте. 3. *Gap – filling*– приём работы, в основе которого лежит методика дополнения или восстановления недостающих языковых элементов. 4. *Matching* – соотнесение / сопоставление – приём работы, заключающийся в распознавании соотносящихся друг с другом вербальных и невербальных элементов [2].

Примером аутентичного текста является статья, взятая с сайта <https://www.allinlondon.co.uk>, которая называется “London’s best views” [6].

Первым упражнением к заметке стало предтекстовое задание. Обучающимся предлагается посмотреть на картинки и ответить на вопросы. Например:

“Are you familiar with these places? What do you see at the first time?”.

Данное задание направлено на моделирование фоновых знаний, которые необходимы и достаточны для рецепции статьи, а также на устранение смысловых и языковых трудностей её понимания. Всё это помогает понять, какой тип работы предстоит им выполнить и на что им нужно мобилизовать свои силы.

Первым и самым легким является задание категории “*Matching*” – “*Match the place and description*”. Студентам предлагается соотнести место и его описание. Места обозначены цифрами (1 – 5), описание – буквами (A – E). Например:

1) The London Eye	A) It is a place where place you can see Tower Bridge, the Olympic Stadium and Buckingham Palace.
2) St. Paul’s Cathedral	B) It is a very good picnic spot.
3) Primrose Hill	C) It is the big wheel wheel that gives you a wonderful view.
4) The Shard	D) It’s a journey above the river and well-known places.
5) Emirates Air Line	E) It is the tallest building in London.

Следующее задание, относится к категории “*Gap – filling*” и “*Completing*” – “*Fill in the gaps*”. В основе данного упражнения лежит методика восстановления недостающих языковых элементов. Нужно дополнить предложения необходимой информацией, которую можно найти в предложенном задании.

Например:

1) From the London Eye you can see _____.

2) St. Paul’s Cathedral is _____ meters high.

3) Primrose Hill is especially popular during the _____, when people meet the sunrise and watch sunsets.

4) The viewing gallery of The Shard is located on _____.

5) Emirates Air Line runs from _____ to _____.

Последним упражнением является задание категории “Correction” – “Correct the mistakes”. Предлагается определить и исправить содержательные нарушения в предложениях, согласно статье “London’s best views”. Данное задание проверяет внимательность студентов и развивает способность ориентироваться в полученной ранее информации. Например:

- 1) Emirates Air Line is a plane that flies above the city.
- 2) St. Paul’s Cathedral is the tallest building in London now.
- 3) The ticket for one ride on the London Eye is £30 if you book it well in advance.
- 4) You can spend some time on Primrose Hills just for little money.
- 5) The Shard suggests you limited view.

Данный комплекс упражнений в сочетании с аутентичным текстом, несомненно, способствует развитию интереса студентов к иностранному языку, пополнению социокультурных знаний, а также увеличению словарного запаса благодаря изучению новых лексических единиц. Знания в области лингвокультурологии включают как лингвистические навыки и умения, так и знакомство с иноязычной культурой [3, с. 106].

Таким образом, использование аутентичных материалов в рамках факультативного курса способствует знакомству студентов-бакалавров с лингвострановедческими реалиями страны изучаемого языка, формирует лингвосоциокультурную компетенцию. Работа над аутентичными текстами направлена на расширение словарного запаса студентов-бакалавров, развитие иноязычной речевой компетентности. В методике преподавания иностранного языка это является одним из важных направлений, поскольку в этом случае расширяются границы познания, языковые горизонты.

Комплекс упражнений к самостоятельно адаптированному аутентичному материалу, представленный в рамках данной работы, разработан с учетом всех особенностей студентов-бакалавров, является максимально адаптированным и, конечно же, соответствует одному из требований, предъявляемых к методическим материалам, а именно – имеет широкий практический интерес.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 422 с.
2. Блохина С. А., Вайсбурд М. Л. Обучение пониманию иноязычного текста при чтении, как поисковой деятельности // Иностранные языки в школе. 2007. № 1. С. 2–5.
3. Фалилеев А. Е. Лингвокультурологический аспект изучения иностранного языка // Kurikulum (elmi metodik jurnal). 2014. № 4 (28). С. 106-109.
4. Kadakin V. V., Shukshina T. I., Piskunova S. I., Babushkina L. E. & Falileev A. E. (2016). Pedagogical Conditions of Multilevel Foreign Languages Teaching in Pedagogical Higher Education. International Journal of Environmental and Science Education, 11(14), pp. 6603-6615.
5. Lazutova L. A., Falileev A. E. Using of google resources for formation students’ lexical skills teaching foreign languages at language faculties, The Humanities and Education, 2016, No. 2 (26), pp. 89–91. (in Russian)
6. *London’s best views* [Электронный ресурс] // All in London.co.uk. – URL: <https://www.allinlondon.co.uk/life/article-256-london-s-best-views.php>.

10.02.22

А.Р. Фаттахова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений, истории и востоковедения,
кафедра востоковедения, африканистики и исламоведения
Казань, gaidaf@mail.ru

АРАБСКИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ЯЗЫКЕ СУАХИЛИ

В данной статье предпринята попытка анализа числительных арабского происхождения в языке суахили в контексте морфологической адаптации. Акцентируется внимание на сохранении морфологических показателей языка-передатчика и проникновении заимствованных числительных устным путем.

Ключевые слова: *числительное, заимствование, суахили, арабский язык, морфологические показатели.*

В результате длительного исторического взаимодействия с арабами и арабомусульманской культурой лексика суахили, крупнейшего из языков банту Африканского континента, испытала значительное влияние арабского языка в религиозном, экономическом, культурном и других аспектах. Наряду с заимствованной конфессиональной и предметной лексикой; словами, обозначающими абстрактные и временные понятия, собственные имена, природные явления и т.д., лексику суахили не обошли стороной и арабские числительные, которые в настоящее время именуют сотню, тысячу, а также отдельные единицы и десятки.

Говоря о степени изученности заявленной темы, необходимо отметить, что арабские заимствования в языке суахили в той или иной степени освещены в работах зарубежных и отечественных ученых С. Бальди (1988), М.Е. Болл (1971), Н.В. Громовой (1995), Ш. Завави (1979), Е.Н. Мячиной (1960), Н.В. Охотиной (1978), Л.А. Семенковой (2013), А.Р. Фаттаховой (2015) и др. Проблематике количественных числительных посвящено исследование И.С. Рябовой «О выражении количественных значений в языках банту» (2014). В настоящей статье мы рассмотрим количественные числительные арабского происхождения в языке суахили через призму их морфологической и фонетической адаптации, в чем и будет заключаться новизна настоящего исследования.

Материал для исследования был получен методом сплошного отбора числительных из словарей Ф. Джонсона (первое издание 1939 года) [4], Н.В. Громовой (2012) [1] и А.М. Хамиси (2012) [5].

В языке суахили различают числительные бантуские по происхождению и заимствованные из арабского языка.

Числительные первого десятка. Суахили были заимствованы все единицы первого десятка: 1 – wahedi (от араб. *wāhidun*), 2 – theneen (от *ithnāni*), 3 – thelatha (от *thalāthatun*), 4 – aruba (от *'arba'atun*), 5 – hamsa (от *khamsatun*), 6 – sita (от *sittatun*), 7 – saba (от *sab'atun*), 8 – themani / themanya (от *thamāniyatun*), 9 – tisa (от *tis'atun*), 10 – ashara (от *'asharatun*).

Как видно из перечисленных числительных, они все, за исключением слов «один», «два» и «восемь», оканчиваются на гласный *-a*, что является следствием проникновения числительных в форме женского рода. В арабском языке морфологический показатель женского рода выражен окончанием *ġ* [*atun*], которое в разговорной речи арабов в конце слова произносится как [a], например: *khamsatun* → *khamsa* «пять».

Фонетический облик числительного *theneen* «два» ярко демонстрирует его проникновение по устному каналу. В суахилийском варианте *theneen* второй гласный *-e* [э] звучит как вариант арабской фонемы [a]. В соседстве с межзубным согласным *th* [a] звучит, как гласный переднего ряда и среднего подъема, т.е. как открытого типа звук [э]. В словаре Ф. Джонсона

theneen зафиксировано с комментарием, что вместо арабского числительного обычно используется суахильское *mbili* [4; с. 465]. В других словарях арабское числительное «два» отсутствует.

В настоящее время в суахили из заимствованных арабских числительных первого десятка активно используются только три: *sita* «6», *saba* «7» и *tisa* «9». Остальные с течением времени были вытеснены числительными бантуского происхождения: 1 – *moja*, 2 – *mbili*, 3 – *tatu*, 4 – *nne*, 5 – *tano*, 8 – *nane*, 10 – *kumi*. Мы считаем, что сохранность числительных 6, 7 и 9 была обусловлена их фонетическим обликом, внешне не отличающимся от присущих для языка суахили двусложных и трехсложных слов с характерной открытостью слога. Данные заимствования с течением времени перестали восприниматься как иноязычные. Что касается слова *wāhid* «один», то в современном суахили оно не получило распространение в счете, а используется для передачи значения «единственный». Числительное *thelatha* «три» зафиксировано в словаре Н.В. Громовой с пояснением «устаревшее слово» [1; с. 591].

Числительные 12-19. В арабском языке числительные второго десятка по своему составу являются сложными, образованы из двух компонентов, не склоняются и всегда выступают в форме винительного падежа без танвина, т.е. имеют неизменяемую форму на *-a* (за исключением числительного 12, в котором по падежам изменяется первое слово «два»). Проникая в язык суахили арабские числительные утратили отдельное написание, в то же время сохранили морфологические показатели оригинала – винительный падеж четко выражен в заимствованиях, например: 15 – *hamstashara* (от *khamsata* ‘*ashara*).

Суахили были заимствованы следующие единицы второго десятка: 12 – *thenashara* (от араб. *ithnā* ‘*ashara*), 13 – *thelathashara* (от *thalāthata* ‘*ashara*), 14 – *arubatahara* / *arobatahara* (от ‘*arba* ‘*ata* ‘*ashara*), 15 – *hamstashara* (от *khamsata* ‘*ashara*), 16 – *sitashara* (от *sittata* ‘*ashara*), 17 – *sabatashara* (от *sab* ‘*ata* ‘*ashara*), 18 – *themantashara* (от *thamāniyata* ‘*ashara*), 19 – *tisa*[*ta*]*shara* (от *tis* ‘*ata* ‘*ashara*).

Числительное 11 не зафиксировано в словарях. Вероятно, оно раньше остальных арабских числительных вышло из сферы употребления, если и было заимствовано как таковое.

Заимствованные языком суахили арабские числительные второго десятка не однородны и здесь обнаруживаются формы как мужского, так и женского рода. Так, числительные *thelathashara* «13», *sitashara* «16» выступают в форме женского рода, а остальные – в мужском роде. Числительное 19 применимо для обоих родов: *tisashara* (м.р.), *tisatashara* (ж.р.). Неустойчивая позиция *-ata* (показатель женского рода и винительного падежа) в слове *tisa*[*ta*]*shara* позволяет выдвинуть предположение о проникновении числительных второго десятка в форме обоих родов, а в ходе фонетической адаптации имела место элизия.

С. Балди отмечает, что числительные 11-19 сосуществуют с терминами банту [3], в словаре Н.В. Громовой числительные 12-19 отмечены как редко употребительные, а в словаре А.М. Хамиси из числительных второго десятка зафиксировано только «12».

Вызывает определенный интерес число 12. Важность этого числа в повседневной жизни простых людей, торговых сделках, в юридических вопросах, вероятно, возникла оттого, что оно легко делится на части [2; с. 203]. В то же время 12 передает количество месяцев в году.

В современном суахили арабские числительные второго десятка вытеснены числительными бантуского происхождения и представляют собой лексические архаизмы.

Десятки, сотни, тысячи. Все числительные, обозначающие круглые десятки (кроме 10), сотню и тысячу, напротив, занимают устойчивую позицию в современном суахили: 20 – *ishirini* (от араб. в родительном-винительном падеже ‘*ishrīna*), 30 – *thelathini* (от *thalāthīna*), 40 – *arubaini* (от ‘*arba* ‘*īna*), 50 – *hamsini* (от *khamsīna*), 60 – *sitini* (от *sittīna*), 70 – *sabini* (от *sab* ‘*īna*), 80 – *themanini* (от *thamānīna*), 90 – *tisini* (от *tis* ‘*īna*), 100 – *mia* (от *mi* ‘*atun*), 1000 – *alfu* / *elfu* (от ‘*alfun*).

В суахили все числительные, обозначающие круглые десятки, проникли в форме косвенного падежа, что вызвано несклоняемостью (в результате стирания падежных различий) круглых десятков в разговорной речи арабов. Сравните: им.п. ‘*ishrūna*, род.-вин. п. ‘*ishrīna*).

В арабском языке связь компонентов числительных от 20 и выше основана на сложении единиц и десятков, присоединенных союзом *wa* «и»: *khamisa wa 'ishruna* (5 и 20) «25». В суахили образование сложных числительных отличается: сначала следуют десятки, а затем единицы: *ishirini na tano* (20 и 5) «25». При образовании сложных числительных, арабские круглые десятки, подчиняются нормам грамматической системы африканского языка. В то же время в словарях обнаруживается зафиксированное числительное *arobaishirini /arubaishirini* «24» [4; с. 19] и *hamsauishirini* «25» [4; с. 126] сохранившее оригинальную связь компонентов счета. В арабском языке это числительное иногда служит для передачи значения «сутки».

Морфологический показатель двойственного числа сохранился в заимствованных арабских числительных *miteni* (от *mi'atāni*) «200», *alfeni / elfen[i]* (от *'alfāni*) «2000». В настоящее время данные числительные вышли из сферы употребления.

В ходе исследования арабских числительных мы пришли к следующим выводам: язык суахили заимствовал наименования всех арабских числительных (единицы, десятки, сотни, тысячи). Арабские числительные проникали с сохранением морфологических показателей рода и падежа. Числительные 12-19, а также отдельные сложные числительные, несмотря на раздельное написание в языке-передатчике, зафиксированы в суахили как единые слова, что в определенной степени свидетельствует об их вхождении в словарный состав африканского языка по устному каналу. Большинство арабских числительных сохранилось и активно используется в языке суахили в настоящее время.

Список литературы

1. Громова Н.В. Суахили-русский словарь / Н.В. Громова, Е.Н. Мячина, Н.Т. Петренко. – М.: Ключ-С, 2012. – 716 с.
2. Меннингер К. История цифр. Числа, символы, слова / Пер. с англ. Е.В. Ломановой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. – 543 с.
3. Baldi S. Hausa and Swahili: A Common Arabic Heritage [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unora.unior.it/retrieve/handle/11574/32768/1303/BALDI.pdf> (дата обращения 18.07.2012).
4. Jonson F. A standard Swahili-English dictionary. – Nairobi, Kenya: Oxford University Press, 1981. – 548 p.
5. Khamisi A.M. Kamusi Asisi ya Kiingereza-Kiswahili-Kiarabu. – Dar es Salam: Taasisi ya Taaluma za Kiswahili, 2012. – 1042 p.

10.02.00

А.В. Федорюк канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
кафедра иностранных языков и лингводидактики
Иркутск, fedoryuk@ Rambler.ru

ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В статье представлены результаты исследования дискурсивных особенностей фразеологических интенсификаторов (далее ФИ) в современном английском языке. Анализируется коммуникативно-прагматический потенциал ФИ в дискурсе языковой личности Холдена Колфилда, главного героя романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (“The Catcher in the Rye”).

Ключевые слова: *фразеологический интенсификатор, дискурс, языковая личность, интенциональность, речевой акт.*

Современное языкознание характеризуется повышенным интересом к дискурсивным исследованиям, которые дают возможность по-новому подойти к изучению коммуникативного использования ФИ. ФИ принято называть фразеологические единицы со значением усиления, например: like hell, like the devil (чертовски, дьявольски), like a shot, as all get out, like a dose of salts (моментально, быстро) и др. В дискурсе ФИ представляют собой средство оптимизации речевой стратегии, способное наращивать совокупную иллюкутивную силу высказываний [3].

Под дискурсом языковой личности в статье понимается весь процесс говорения и зафиксированный за относительно длительный отрезок времени результат этого процесса, т.е. текст. Дискурс именно этой языковой личности был выбран для исследования не случайно, в нем удалось выявить целый каскад ФИ (около 88 употреблений). С какой же целью данная языковая личность использует в своей речи такое количество ФИ? Попытаемся ответить на этот вопрос, систематизировав всю совокупность произведенных во внешней и внутренней речи высказываний данного персонажа, высказываний, содержащих ФИ, поскольку духовная жизнь проявляется в речевых поступках человека, его языковом поведении, т.е. в широком смысле в текстах, им порождаемых. По мнению Ю.Н. Караулова, за каждым текстом стоит творчески развитая языковая личность, в структуре которой ученый выделяет три уровня: 1) вербально-семантический или лексикон; 2) лингво – когнитивный или тезаурус; 3) мотивационный или прагматикон [2].

Рассмотрение речевой деятельности, в первую очередь, как творческой деятельности языковой личности Холдена Колфилда, следует начать с мотивационного уровня, отражающего прагматикон личности, т.е. систему ее целей, мотивов, установок и интенциональностей, движущих развитием языковой личности, ее поведением, а также способствующих порождению дискурса определенного типа. Для выражения своих установок, интенций по отношению к другому человеку, к миру, к бытию вообще Холден Колфилд обращается к нарративному дискурсу, однако Холдену часто приходится отстаивать перед собеседником свою точку зрения, свою жизненную позицию, свой взгляд на общество, поэтому в его дискурсе встречаются элементы аргументации. Таким образом, дискурс Холдена Колфилда можно охарактеризовать как нарративно - аргументативный, который в свою очередь представлен во внешней и внутренней (интериоризованной) речи. Обилие интериоризованной речи в дискурсе героя характеризует его как личность, ведущую богатую внутреннюю жизнь, насыщенную эмоциональными и интеллектуальными переживаниями. Основной формой, в которой представлена интериоризованная речь Холдена, является внутренний монолог. Именно в нем раскрывается духовный и моральный

облик подростка. Следует отметить, что личность чаще всего и легче всего раскрывается именно во внутренней речи. Наедине с собой человек наиболее откровенен, ибо внутренний мир практически недоступен для наблюдения во внешней речи. Таким образом, внутренняя речь Холдена Колфилда осуществляет доступ к его внутреннему миру, к его интенциональному горизонту, который определяется интенциональным состоянием, связанным с обостренной реакцией подростка на «фальш» или «липу», на несоответствие действительного и кажущегося. Об этом свидетельствует и то, что лексема *phony* (фальш, липа) является ключевой в лексиконе Холдена, а ключевое слово главным образом выражает интенциональный горизонт подростка. Такой переход ключевого слова из лексикона в прагматикон – наглядный пример взаимного проникновения уровней в структуре языковой личности, о чем писал Ю.Н.Караулов [2].

Наличие оценок и самооценок в дискурсе Холдена Колфилда является способом его самоутверждения, способом обоснования его жизненных позиций, идеалов, ценностей. В дискурсе подростка преобладают эмоционально-оценочные высказывания адресанта о самом себе, т.е. эгоцентрированные высказывания, которые согласно классификации Л.П.Чахоян, могут быть дескриптивными и реляционными [4]. В дискурсе Холдена представлены в основном дескриптивные эгоцентрированные высказывания с ФИ, которые представляют собой описания физического поведения, например: “Then I took out my door key and opened our door, quiet **as hell**” [5: 142], “I just put the pad and pencil in my pocket and started walking fast **as hell** up to her school” [5:179], описания речевой и мыслительной деятельности, например: “Thank you for the compliment”, I said – suave **as hell** [5:57]. “So what?” I said. Cold **as hell**” [5:36], “I’m not saying it ruined our conversation – it didn’t – but it sure **as hell** didn’t do it any good” [5:101], а также описания психического поведения, среди которых представлены высказывания, вербализующие эмоциональные состояния, например: “I was anxious **as hell** to see it, too” [5:106], “I wasn't tired or anything I just felt blue **as hell**” [5:138], “I was embarrassed **as hell**” [5:172], “I got excited **as hell** thinking about it” [5:179] и интенциональные состояния, например: “I felt sorry **as hell** for him [5:12], “It made me feel sad **as hell** [5:12, 86], “I was depressed **as hell** ...” [5:135]. Как показал анализ прагматикона дискурса Холдена, персонаж очень бурно проявляет свои эмоциональные переживания, воздействует на окружающих, что в свою очередь, свидетельствует о том, что в речевой деятельности Холден Колфилд – эмоциональная языковая личность, основным средством самовыражения которой является ФИ. Вместе с тем, доминирующими интенциональными состояниями в его дискурсе являются сожаление, уныние, печаль и одиночество. Одиночество и отчуждение Холдена вынуждены. Само бытие загнало его в вынужденное одиночество, поскольку «бытие человека (и внешнее, и внутренне) есть глубочайшее общение. Быть – значит быть для другого и через него – для себя [1:312]. Холден боится одиночества, этот страх рождает постоянную потребность общения с людьми. Однако он тщетно ищет понимание и сочувствие у своего школьного друга, у которого даже нет времени выслушать его: He was looking at his wrist watch. “I have to tear”, he said and stood up. Nice seeing you”. “Hey”, I said. “Have just one more drink. Please. I’m lonesome **as hell**. No kidding [5:134].

Красной нитью через весь дискурс Холдена Колфилда проходит интенциональное состояние ненависти к обществу, которое живет в тумане порожденных им самим ложных концепций о своем значении и роли в современном мире. Преследуя самые низменные, бездуховные цели, общество утверждает свой вымышленный, идиллический образ в театре и кино. Холден ненавидит “лживость” кино и театра, на которую так падка публика. Об интенциональном состоянии ненависти, направленном на театр, свидетельствует следующий фрагмент нарративного дискурса, представляющий собой последовательность ассертивных речевых актов, иллюкутивную силу и стратегическую установку которым придает языковая личность как субъект дискурса.

I never saw so many phonies in all my life. ...The audience applauded **like mad**. All these angles start coming out of the boxes and everywhere, guys carrying crucifixes and stuff all over the place, and the whole bunch of them- thousands of them – singing “Come All Ye Faithfull!” **like mad**. Big deal. It’s supposed to be religious **as hell**, I know, and very pretty and all, but I can’t see anything religious or pretty, for God’s sake, about a bunch of actors carrying crucifixes all over the stage. When they finished ... they could hardly wait to leave **as hell** or get a cigarette [5:124].

При вербализации интенционального состояния ненависти Холден использует речевую стратегию усиления степени выражения интенционального состояния с помощью эмоционально-оценочных высказываний, которые имплицитно актуализируют такие эмоции, как недовольство, раздражение. Чтобы усилить весомость и когнитивную полезность оценки ситуаций, Холден использует синтаксические (повтор ФИ like mad), лексические (many, thousands of them, bunch of them, bunch of actors), а также фразеологические средства усиления (ФИ like mad, as hell и like hell).

Итак, перед нами интенциональный горизонт подростка, который хочет утвердить свою независимость, свое неприятие лжи и лицемерия, царящих в мире взрослых, подростка, который хочет стать «ловцом во ржи», т.е. ловить детей, чтобы удержать их над пропастью и тем самым уберечь их от лжи и фальши окружающей действительности. Явное преобладание интенциональных состояний уныния, печали, сожаления и одиночества, степень выражения которых усиливают ФИ, позволяет судить о трагическом мировосприятии персонажа. Дискурс Холдена Колфилда представляет собой вербальный образ американского подростка и служит цели самораскрытия личности, “самопрезентации” говорящего. Высшей формой свободного самораскрытия человека изнутри, по мнению М.М.Бахтина, является исповедь, которая представляет собой «...первую существенную форму словесной объективации жизни и личности (личной жизни, то есть без отвлечения от ее носителя)» и которая возникает там, «где является попытка зафиксировать себя самого в покаянных тонах в свете нравственного долженствования» [1: 124].

Таким образом, нарративно – аргументативный дискурс языковой личности Холдена Колфилда носит исповедальный характер, в котором слово выступает как выражение некоторой оценивающей позиции, как аббревиатура высказывания, произнесенная с определенным речевым намерением. Употребление данным персонажем в своей речи ФИ выводится из потребности выразить себя, следовательно, в дискурсе языковой личности ФИ выступает как знак самовыражения.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
3. Федорюк А.В. Категоризация интенсивности во фразеологии //Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Вып.26. –Тверь: Изд-во Тверского гос.ун.-та, 2014. – С.170-178.
4. Чахоян Л.П. Личность адресанта в высказываниях о самом себе / Л.П. Чахоян, О.Е. Дедикова // Язык, дискурс, личность. – Тверь: изд-во Тверского гос.ун.-та, 1990. – С. 73-79.
5. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. – London: Penguin Books Ltd., 1994 – 192 p.

10.02.04

А.А. Фомин, М.Ш. Базарова, А.Е. Соколова, Н.А. Баева канд. филол. наук

Кемеровский государственный университет,
институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций,
кафедра английской филологии,
Кемерово, anatoly.formean@gmail.com, jesuisici@inbox.ru, alinasoko98@mail.ru,
baeva-angl@rambler.ru

МОДЕЛИ СИНЕСТЕТИЧЕСКИХ МЕТАФОР В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОБЪЕМА ФРЕЙМОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Н. ГЕЙМАНА)

В статье рассматриваются синестетические метафоры с точки зрения взаимодействия фреймов, репрезентированных лексемами восприятия. Для такого взаимодействия характерно привлечение различного объема информации, получаемой при помощи органов чувств и содержащейся во фреймах. На этом основании выделяются разные модели синестетических метафор.

Ключевые слова: *синестетические метафоры, модели метафор, перцептивные фреймы.*

Исследования в области вербализованной синестезии связаны с изучением различных аспектов метафорических выражений. Цель данной статьи – выявление моделей синестетических метафор на основании объема информации, имеющейся во фреймах восприятия. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: 1) определить связь синестезии и фреймов, 2) установить критерии выделения синестетических метафор, которые связаны с неодинаковым объемом информации фреймов восприятия, 3) описать модели синестетических метафор и их свойства.

В данной работе впервые изучаются синестетические метафоры с точки зрения различного объема информации фреймов на материале современного английского языка, что подтверждает актуальность и новизну выбранной темы исследования.

Восприятие человека многогранно, он получает сведения об окружающем мире при помощи разных органов чувств (зрение, слух, вкус, обоняние, осязание). Существуют нетипичные случаи восприятия, когда для получения информации об объектах действительности задействуются разные органы чувств: например, восприятие цвета осуществляется не только зрением, но и слухом; вкуса – осязанием. Подобные случаи совмещенного восприятия называются синестезией.

Как полагает С. Ульман, синестезию и синестетический перенос следует рассматривать в качестве отдельного типа метафоризации, поскольку «частные переходы значений происходят в общем русле развития метафор» [2]. Синестетические сочетания являются выражениями метафорического характера: в них осуществляется перенос значения с одного перцептивного компонента на другой перцептивный компонент.

Рассмотрение процессов восприятия сквозь призму когнитивного подхода позволяет говорить о том, что для явления синестезии свойственна фреймовая организация. Согласно точке зрения М. Минского, фреймы, являясь совокупностью представлений об объекте, содержат «контейнеры» – «слоты», в которых хранится определенный тип информации [1, с. 7]. Так, каждому способу мировосприятия соответствует определенный фрейм, например, зрительному восприятию – зрительный фрейм, слуховому – слуховой. Слоты таких фреймов заполнены лексемами восприятия, соответственно, компоненты синестетических сочетаний слов – это лексемы, заполняющие слоты фреймов восприятия.

При помощи приема сплошной выборки из текстов произведений Н. Геймана было отобрано 125 синестетических метафор, в которых осуществляется взаимодействие нескольких фреймов восприятия (двух и более). Разное в количественном соотношении

наложение фреймов в синестетической метафоре, а также наличие или отсутствие пояснений перцептивных сведений этих фреймов отражает различный объем информации фреймового взаимодействия.

На основании отличающегося объема информации нами выделяются разные модели синестетической метафоры. Синестетические метафоры, состоящие из трех и более фреймов восприятия, рассматриваются нами как сложные синестетические метафоры, а метафоры, представленные сочетанием двух фреймов – это простые синестетические метафоры. Метафоры, сопровождаемые различными контекстуальными пояснениями перцептивных характеристик, мы называем распространенными синестетическими метафорами; метафоры, которые не имеет уточняющих сведений – нераспространенными синестетическими метафорами.

Так, в сложных распространенных синестетических метафорах (7 синестетических сочетаний, 5,6%) взаимодействие трех и более фреймов восприятия сопровождается уточнениями перцептивных свойств. В метафоре “*The house smelled musty and damp, and a little sweet, as if it were haunted by the ghosts of long-dead cookies*” («Дом **пах плесенью и сыростью, и немного сладко, будто в него заходили призраки давно умершего печенья**») [3] перцептивные фреймы – ольфакторный (лексемы “*smelled*” “*musty*”), тактильный (лексема “*damp*”) и вкусовой (лексема “*sweet*”) уточняются при помощи сравнения (оборот “*as if*”). Привлечение дополнительной информации способствует увеличению объема фрейма.

В простых распространенных синестетических метафорах, состоящих из двух фреймов (27 синестетических сочетаний, 21,6%), перцептивные характеристики также получают толкование. Уточнение перцептивных фреймов (лексемы “*smell*” и “*sweet*”) в метафоре “*The smell was familiar: faintly sweet, as if chocolate chip cookies had been baked there the last time the kitchen was used...*” («**Запах был знаком: слегка сладкий, словно шоколадное печенье испекли там в последний раз, когда еще использовалась кухня**») [4] осуществляется при помощи сравнительного оборота “*as if*”). Данное уточнение позволяет лучше передать тип запаха благодаря увеличению объема информации ольфакторного и вкусового фреймов. Следует подчеркнуть, что объем информации простой распространенной синестетической метафоры будет меньше, чем сложной распространенной метафоры, поскольку сложная синестетическая метафора состоит не из двух, а из трех фреймов восприятия.

В сложных нераспространенных синестетических метафорах, представленных тремя перцептивными фреймами (9 синестетических сочетаний, 7,2%), дополнительные уточнения фреймовых свойств отсутствуют. Так, в метафорах “*The pub door was opened, and light and noise spilled out into the street*” («**Дверь паба была открыта, и свет и шум разлились на улицу**») [7] и “*I heard a sound, a soft, raggedy, flapping sound*” («**Я услышал звук, мягкий, потрепанный, хлопающий звук**») [8] необычные синестетические характеристики отражены только тактильным (лексемы “*spilled out*” и “*soft*”), зрительным (лексемы “*light*” и “*raggedy*”) и слуховым (лексемы “*noise*” и “*sound*”) фреймами.

В простых нераспространенных синестетических метафорах (82 синестетических сочетания, 65,6%) взаимодействие двух фреймов не имеет дополнительных пояснений. Объем информации фреймов в метафорах “... *if I looked fast enough and sharp enough, I'd see one*” («... **если бы я смотрел достаточно быстро и достаточно остро, я бы увидел одну**») [4] и “*And then he licked his lips. ‘Smells tasty,’ he said*” («**И затем он облизал губы. ‘Вкусно пахнет’, – сказал он**») [6] минимален, так как перцептивные характеристики передаются исключительно тактильным (лексема “*sharp*”) и зрительным (лексема “*looked*”), ольфакторным (лексема “*smells*”) и вкусовым (лексема “*tasty*”) фреймами.

Таким образом, в синестетической метафоре представлено взаимодействие разных перцептивных фреймов. С точки зрения восприятия эти фреймы несовместимы: несвойственно видеть вкус (“*looking sour*”) или слышать цвет (“*muted color*”). Эта несовместимость отражается в объеме информации, которая привлекается при фреймовом взаимодействии. Большой объем информации (а именно различные перцептивные характеристики) способствует упрощению понимания синестетических метафор.

Анализ объема информации фреймов позволяет выделять разные модели синестетических метафор: 1) сложные распространенные синестетические метафоры (максимальный объем информации); 2) сложные нераспространенные синестетические метафоры (большой объем информации); 3) простые распространенные метафоры (незначительный/ средний объем информации); 4) простые нераспространенные синестетические метафоры (минимальный объем информации).

Большее количество перцептивных фреймов и большее число пояснений их свойств соотносится с большим объемом используемой информации. Максимальный объем информации содержится в синестетических сочетаниях, представленных тремя и более фреймами с уточнениями – это сложные распространенные синестетические метафоры; большой объем информации имеется в синестетических сочетаниях трех и более фреймов без уточнений – это сложные нераспространенные синестетические метафоры. Незначительный/ средний объем информации содержится в синестетических сочетаниях двух фреймов с уточнениями – это простые распространенные метафоры; минимальный объем характерен для синестетических сочетаний двух фреймов без уточнений – это простые нераспространенные синестетические метафоры.

Список литературы

1. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / М. Минский / пер. с англ. / под ред. Ф.М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
2. *Ульман С.* Семантические универсалии [Электронный ресурс] // Новое в лингвистике. Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1970. – Вып.V. – С.250-299. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/ullman-70.htm> (дата обращения: 20.06.2018).
3. *Gaiman N.* American Goods [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/DaasX> (дата обращения 23.06.2018).
4. *Gaiman N.* Anansi Boys [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/DaatL> (дата обращения 23.06.2018).
5. *Gaiman N.* Coraline [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/DaavA> (дата обращения 23.06.2018).
6. *Gaiman N.* M is for Magic [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/DaavN> (дата обращения 23.06.2018).
7. *Gaiman N.* Neverwhere [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/Daaw3> (дата обращения 23.06.2018).
8. *Gaiman N.* The Ocean at the End of the Lane [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/DaawM> (дата обращения 23.06.2018).

АННОТАЦИИ
ABSTRACTSР.Р. Хуснулина, Лю Шижао
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ РУССКО-
КИТАЙСКОГО ВЫСШЕГО ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: подходы, перспективы, гуманитарный вуз, образование.

В статье исследуются современные подходы и перспективы к сравнительному изучению проблем русско-китайского гуманитарного образования. Отмечается, что в Китае до «культурной революции» образование, начиная со среднего школьного и кончая высшим гуманитарным, было организовано по советскому варианту. Однако неверно думать, что китайское образование застряло в прошлом, лишь немного изменив стандарты обучения под современность. На самом деле здесь наблюдается качественный синтез традиционного подхода в методике преподавания с инновационными технологиями и решениями. В отличие от большинства европейских, университетов, а также российских, где в одном учебном заведении могут преподавать сотни различных специальностей, китайские вузы имеют специализацию. Есть технические, педагогические, лингвистические и другие институты. Таким образом, гуманитарии – относительно малая часть студенчества в Китае. Поэтому многие гуманитарии приезжают в Россию, чтобы получить здесь степень магистра.

R.R. Khusnulina, Shirao Liu
THE COMPARATIVE STUDY OF RUSSIAN - CHINESE
PROBLEMS IN HIGH HUMANITARIAN EDUCATION

Keywords: approach, perspectives, humanitarian establishment, education.

The article examines the real situation and perspectives for Russian-Chinese approaches to high humanitarian education. It is stated that before «cultural revolution» in China the education, starting from secondary school and finishing by high humanitarian colleges, was organized according to the soviet system. Still it is wrong to consider that Chinese education has got struck in the past, having a bit changing the standards of education to new reality. In reality one can view qualitative synthesis of traditional approach to the methods of teaching with innovative technologies and decisions. Despite from many European universities, as well as some Russian ones, in one educational establishment there might be hundreds of specialities, Chinese universities prepare specialists only in one sphere. There are technical, teacher training, linguistic and many other separate educational establishments. So the humanitarian students are the fewest part of all the students in China. Quite the contrary in Russia. That is why many Chinese students come to Russia to get magic degree here.

Л.Г. Егорова
СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ИРОНИЧЕСКОГО И
САТИРИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В РЕГИОНАЛЬНЫХ
МАССМЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: масс-медиа, региональный массмедийный текст, Республика Крым, ирония, сатира, политические тексты.

В работе рассматриваются средства создания иронического и сатирического эффекта в массмедийных текстах Крыма. Объектом исследования являются политические публикации в популярной газете региона «Крымская правда». Автор отмечает, что широкое разнообразие используемых средств иронии и сатиры свидетельствует, в том числе, о требовательности читательской аудитории, на запросы которой должны отвечать журналисты и редакция крымского печатного издания.

L.G. Yegorova
THE MEANS OF IRONIC AND SATIRICAL EFFECT
CREATING IN THE REGIONAL MEDIA TEXTS

Keywords: mass media, regional mass media text, The Republic of Crimea, irony, satire, political texts.

Given research is devoted to the means of ironic and satirical effect creating in the Crimea media texts analysis. Political media texts published in the popular regional newspaper “Krymskaya Pravda” are research object. The author points out that used means of irony and satire diversity indicate in particular audience demanding to which journalists and editorial staff of the Crimean printed media must correspond.

А.У. Киньябулатов, Р.В. Исхаков, Р.Н. Зигитбаев,
Р.З. Нуриманов, А.Д. Лифанова, Р.Р. Ибрагимова,
К.Р. Саляхова, Б. Батсайхан, Д.А. Рахматуллина
ВОЕННЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ: ОТРАЖЕНИЕ ПОДВИГА
СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ МЕДИКОВ

Ключевые слова: военные энциклопедии, военные справочники, энциклопедия, военная медицина, медицинские работники.

Военная энциклопедия является сводом (военных, политических, исторических) знаний, в котором все статьи связаны, в большой или меньшей мере дополняя, развивая одна другую, но тема освещения подвига советских и российских медиков в войнах и вооруженных конфликтов раскрыта крайне недостаточно.

A.U. Kinyabulatov, R.V. Iskhakov, R.N. Zigitbaev,
R.Z. Nurimanov, A.D. Lifanova, R.R. Ibragimova,
K.R. Salyahova, B. Batsaikhan, D.A. Rakhmatullina
MILITARY ENCYCLOPEDIA: REFLECTION OF THE
MOBILITY OF SOVIET AND RUSSIAN MEDICINES

Keywords: military encyclopedias, military reference books, encyclopedia, military medicine, medical workers.

The military encyclopaedia is a collection of (military, political, historical) knowledge in which all articles are linked, to a greater or lesser extent, complementing and developing one another, but the topic of illuminating the heroic deeds of Soviet and Russian medics in wars and armed conflicts is extremely unclear.

И.С. Леонов, Д.Н. Фатеев
РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ В СУБКУЛЬТУРЕ ФУТБОЛЬНЫХ
ФАНАТОВ РОССИИ: ТЕКСТЫ УСТНОГО БЫТОВАНИЯ

Ключевые слова: современный городской фольклор, христианские мотивы, субкультура футбольных фанатов, кричалки, Чемпионат мира по футболу – 2018.

В работе рассмотрены тенденции, связанные с возникновением и функционированием в субкультуре футбольных болельщиков религиозно-христианских мотивов. Отмечаются два противоположных течения: с одной стороны, религиозные аспекты проявляются в гимнах, песнях и кричалках футбольных фанатов, с другой, – происходит формирование специфического

I.S. Leonov, D.N. Fateev
RELIGIOUS ASPECTS IN THE SUBCULTURE OF
FOOTBALL FANS IN RUSSIA: ORAL EXISTENCE
Keywords: modern urban folklore, Christian motifs, subculture of football fans, chants, world Cup 2018.

The paper considers the trends associated with the emergence and functioning religious and Christian motives in the subculture of football fans. There are two opposite tendencies: on the one hand, religious aspects are manifested in the hymns, songs and chants of football fans, on the other hand there is a formation of a specific football cult, involving the sacralization of either the game process or the images of the most successful athletes.

футбольного культа, предполагающего сакрализацию либо самого процесса игры, либо образов наиболее успешных спортсменов.

О.В. Лескова

ТОПОС ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ
П. В. ЗАСОДИМСКОГО

Ключевые слова: мемуары, топос, автор-рассказчик.

В работе представлены результаты исследования мемуаров вологодского писателя и публициста П.В. Засодимского. Топос Вологодской губернии является доминирующим в воспоминаниях писателя. В частности, и в ранних, и в поздних мемуарах писателя нашли отражение главные достопримечательности центра губернии. Автор-рассказчик является созерцателем вологодской жизни 1843 – 1892 гг. Описание культуры и быта Вологодской губернии наполнены историческими анекдотами, местными легендами и преданиями.

С.В. Минасян

ДВЕ ЛИНИИ ОТРАЖЕНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В
ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: Первая мировая война, литература, военнопленные.

В работе представлены две линии отражения Первой мировой войны в литературных произведениях зарубежных авторов – революционная литература и литература «потерянного поколения». Образ «потерянного поколения» дополняется свидетельствами, полученными на основе недавно рассекреченных архивных материалов о судьбах военнопленных того времени.

Е.Т. Чамзырын

РОЛЬ ЭТНОПОЭТИКИ В ДЕТСКОЙ ПРОЗЕ Ш. СУВАН

Ключевые слова: тувинская детская литература, взаимодействие с этнопоэтикой, этико-эстетические ценности.

Работа посвящена изучению роли этнопоэтики в произведениях детской прозы писателя Республики Тува Ш. Суван. Автор, творчески используя этнопоэтику, знакомит юного читателя с таинственными явлениями, присущими жанру фантастики, историческими событиями: периодами уйгурского каганата и монгольского нашествия.

Чун Чжиин

ГИПЕРБОЛА ТЕЛА КАК ФИЛОСОФЕМА (РАННИЕ ПОЭМЫ
В. МАЯКОВСКОГО)

Ключевые слова: Маяковский, Гегель, Чижевский, Лосев, гипербола, тело, телесность, античность, человек-космос, экспрессия, телоцентризм, антропоцентризм.

В статье рассматривается тело и телесность в поэзии Маяковского как античный феномен, прошедший многие века через космизм, гегельянство, символизм, закрепившееся в разделенном единстве земного и в то же время космического субъекта. Творческая основа, на которую опирается Маяковский – гипербола, образная экспрессия которой выражается в фрагментации телесности в тексте – и вызывает отклик в телесности читательского восприятия. Поэтому можно говорить о телоцентризме Маяковского как о лиро-эпической организации художественного космоса.

Ши Шаньшань

«ЧАЙКА» А. ЧЕХОВА И «ЦАПЛЯ» В. АКСЕНОВА

Ключевые слова: Чехов, Аксенов, символический образ, «Чайка», «Цапля», метафора.

В статье проводится сопоставление пьес «Чайка» А. Чехова и «Цапля» В. Аксенова. Автор исследует влияние традиции Чехова на творчество Аксенова, сопоставляются социально-исторические контексты обоих произведений, сравниваются символические образы Чайки и Цапли, художественные функции метафоры воды.

O.V. Leskova

TOPOS OF THE VOLOGDA REGION IN REMINISCENCES
OF P.V. ZASODIMSKY

Keywords: memoirs, topos, narrator.

This paper presents the results of the study of creation by P.V. Zasodimsky. Topos of the Vologda region is dominant in the memoirs of the Vologda writer. The main attractions of the province center were described in the early and late memoirs of the write. The author-narrator is a contemplative of the Vologda life of 1843 – 1892. The description of culture and life of the Vologda province is filled with historical anecdotes, local legends and legends.

S.V. Minasyan

TWO LINES OF FIRST WORLD WAR PROJECTION IN THE
FOREIGN LITERATURE

Keywords: First World War, literature, prisoners of war.

In this article two lines of First World War projection in the foreign writers works are represented – revolution literature and the lost generation literature. The lost generation image is completed by the evidences got from the recently declassified archive materials about the destiny of prisoners of war.

E.T. Chamzyryn

THE ROLE OF ETHNOPOETICS IN CHILDREN'S PROSE
SH.SUVAN

Keywords: Tuva children's literature, interaction with ethno-poetics, ethical and aesthetic values.

The work is devoted to the study of the role of ethno-poetics in the works of children's prose of the writer of the Republic of Tuva Sh. Suvan. The author, creatively using ethno-poetics, introduces the young reader to the mysterious phenomena inherent in the fantasy genre, historical events: the periods of the Uighur Khaganate and the Mongol invasion.

Chun Jiin

THE HYPERBOLE OF BODY AS A PHILOSOPHEME IN
MAYAKOVSKY'S EARLY POEMS

Keywords: Mayakovsky, Hegel, Chizhevsky, Losev, hyperbole, body, corporeality, antiquity, man-space, expression, telocentrism, anthropocentrism.

This article looks at the phenomenon of body and corporality in Mayakovsky's poem as an ancient that through cosmology, Hegelian philosophy, and symbolism fixed in a single body of the earth and universal subject. The basis in the text of the work of Mayakovsky is the formation of expressions relying on the hyperbolic fragmentation and the incorporation of the body that the reader accepts. Thus, the telocentrism of Mayakovsky is a composition of artistic universe in lyric epic.

Shi Shanshan

CHEKHOV'S "THE SEAGULL" AND AKSYONOV'S "THE
HERON"

Keywords: Aksyonov, Chekhov, symbolic image, "The Seagull", "The Heron", metaphor.

In the article two plays: "The Seagull" by A. Chekhov and "The Heron" by V. Aksyonov – are compared. Author analyzes the impact of Chekhov's writing tradition on Aksyonov's works, collates social and historical contexts of these two plays, compares symbolic images of the Seagull and the Heron and functions of water metaphors.

Л.К. Байрамова

РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ О РОДИНЕ

Ключевые слова: Родина, страна, дом, берёза, вереск, герб, патриотизм.

В статье исследуются русские и английские фразеологизмы о родине (России / Советском Союзе и Америке, Англии). Отмечаются общие и различные черты в русских и английских фразеологизмах о родине. Источником некоторых русских фразеологизмов о родине (в отличие от английских) стали проникновенные строки стихотворений, песен. В отличие от русских фразеологизмов многие английские и американские города родины имеют яркие образы, закодированные во фразеологизмах. Особый акцент русских и английских фразеологизмов делается на патриотизме: стоять насмерть, защищая родину.

Я.Л. Березовская, О.И. Шарафутдинова
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭЛЕКТРОННОГО
ОБУЧАЮЩЕГО КУРСА ПО РУССКОЙ ФОНЕТИКЕ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, фонетика, фонетическая интерференция, китайские обучающиеся.

В работе описывается место электронных курсов в обучении русскому языку как иностранному, выявляются проблемы обучения фонетике при использовании дистанционных форм обучения, анализируется влияние родного языка на русскую речь китайцев, предлагается фрагмент электронной системы, созданной с учетом фонетической интерференции и направленной на диалогизацию процесса обучения фонетике.

И.М. Габдулхакова, Н.Х. Шарыпова, Л.И. Фидаева
ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ
ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ТАТАРСКОГО
ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: сравнения; разноструктурные языки; перевод; русский и татарский языки; универсальные и специфические черты.

В работе представлены результаты сопоставительного исследования сравнительных конструкций рассказа А. Еники "Төңге тамчылар" с его переводом "Ночная капля". В статье рассмотрены основные способы перевода сравнительных конструкций, средства их связи, выявлены основные семантические группы. В результате проведенного анализа были выявлены как универсальные, так и специфические признаки в семантике и функционировании сравнительных конструкций русского и татарского языков.

Т.И. Гасанова
МЕСТО И РОЛЬ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК ВО
ФРАЗЕОЛОГИИ

Ключевые слова: пословицы, поговорки, фразеология.

Цель статьи подтвердить факт вхождение пословиц и поговорок во фразеологический состав языка, с упором на азербайджанский и английский языки. Особо внимание уделяется спору между различными учеными-лингвистами о том, нужно ли включать такое уникальное языковое явление как пословицы и поговорки в систему фразеологии или нет. Приводятся доводы за и против.

Ф.Ф. Гилемшин
АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ТАТАРСКОГО
ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»

Ключевые слова: антропонимы; имена собственные; этимология; религиозная культура; сказка; сюжет.

Данная статья посвящена анализу антропонимической лексики татарского перевода всемирно известного сборника сказок «Тысяча и одна ночь». Рассматриваются имена собственные, обозначающие Всевышнего, имена пророков (Мухаммад, Иса, Худ, Ибрагим, Хидр, Сулейман) и других героев Арабских ночей. В статье прослеживается этимология и семантика данных антропонимов, опираясь на труды известных татарских

L.K. Bayramova

RUSSIAN AND ENGLISH IDIOMS ABOUT HOMELAND

Keywords: homeland, country, home, birch, Heather, emblem, patriotism.

The article examines the Russian and English phraseologic units about the Motherland (Russia / Soviet Union and America, England). Marked common and different features in Russian and English idioms about the home. Source of Russian phraseology (unlike the English) were the soulful lines of poems, songs. In contrast to the Russian idioms in many American cities are called figurative phraseologic units. The particular aspect in phraseology: patriotism.

Y.L. Berezovskaya, O.I. Sharafutdinova
LINGUISTIC FOUNDATIONS OF ELECTRONIC TRAINING
COURSE IN RUSSIAN PHONETICS

Keywords: Russian as a foreign language, phonetics, phonetic interference, e-course, Chinese speakers

The article describes the role of e-courses in teaching Russian as a foreign language. We reveal problems of teaching phonetics using distance means of education and analyze the influence of native language on the Russian speech of Chinese. The study presents the part of e-course created with an aspect of phonetic interference, the e-course is aimed to dialogization of Russian phonetics teaching.

I.M. Gabdulhakova, N.H. Sharypova, L.I. Fidaeva
PROBLEMS OF THE CONTRASTIVE RESEARCH OF THE
COMPARATIVE CONSTRUCTIONS IN DIFFERENT-
STRUCTURED LANGUAGES (ON THE MATERIAL OF
RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES)

Keywords: comparison; different-structured languages; translation; Russian and Tatar languages; universal and specific features.

The paper devoted to the contrastive research of the comparative constructions in the short novel of the Tatar writer A Yeniki "Төңге тамчылар" and its translation into Russian "Ночная капля". The paper deals with the main translation methods of the comparative constructions and the means of their connection and the main semantic groups were identified. As a result were revealed both the universal and specific features in the semantic and functioning of the comparative constructions of Russian and Tatar languages.

T.I. Hasanova
THE PLACE AND ROLE OF PROVERBS AND SAYINGS IN
PHRASEOLOGY

Keywords: proverbs, sayings, phraseology.

The purpose of the article is to confirm the fact of the inclusion of proverbs and sayings in the phraseological composition of the language, with an emphasis on the Azerbaijani and English languages. Particular attention is paid to the dispute between various linguistic scholars about whether to include such a unique linguistic phenomenon as proverbs and sayings in the phraseology system or not, the arguments for and against are discussed.

F.F. Gilemshin
ANTROPONYMIC LEXICON OF THE TATAR
TRANSLATION OF THE WORKS " THOUSAND AND ONE
NIGHTS "

Keywords: anthroponyms, proper nouns; etymology; religious culture; fairy tale; plot.

The article analyzes the anthroponymic lexis of the Tatar translation of the world-famous collection of the fairy tales "Thousand and One Nights". We consider the proper names, which designate the Almighty, as well as his epithets, the names of the prophets (Muhammad, Isa, Hood, Ibrahim, Khidr, Suleiman) and other heroes of Arabian Nights are considered,

поэтов и писателей, освещаются особенности их употребления в татарском языке.

among which there are also names of real personalities - famous rulers, viziers, musicians and others. The etymology and semantics of anthroponyms are traced, relying on the works of famous Tatar poets and writers. It highlights the peculiarities of their use in the Tatar language.

Ф.Ф. Гилемшин

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОМАТИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКИ В ТАТАРСКОМ ПЕРЕВОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
«ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»

Ключевые слова: соматизмы, «Тысяча и одна ночь», красота, луна в четырнадцатую ночь месяца, румяное лицо, голова, душа. Данная статья посвящена анализу терминов, связанных со строением тела человека. В татарском переводе сборника сказок «Тысяча и одна ночь» соматизмы используются как в прямом, так и в переносном (метафорическом) значениях. Рассматриваются термины baş «голова», jöz, bit, çährä «лицо», küz «глаз», ayyz «рот», tel «язык», äl, qul «рука», jöräk, qaleb «сердце» и др. В тексте сказок соматизмы несут в себе оценочные возможности, указывая на состояние героя или на общую психологическую обстановку, выступают как неотъемлемая часть портретов людей.

F.F. Gilemshin

FEATURES OF CONSUMPTION OF SOMATIC TERMS IN
THE TATAR TRANSLATION "THOUSAND AND ONE
NIGHTS"

Keywords: somatisms, "Thousand and One Nights", beauty, moon on the fourteenth night of the month, ruddy face, head, soul.

This article is devoted to the analysis of terms related to the structure of the human body. In the Tatar translation of the collection of fairy-tales "Thousand and One Nights" somatisms are used both in direct and in figurative (metaphorical) meanings. The terms baş "head", jöz, bit, çährä "face", küz "eye", ayyz "mouth", tel "tongue", äl, qul "hand", jöräk, qaleb "heart" etc. In the text of fairy tales, somaticisms carry in themselves appraising opportunities, pointing to the hero's condition or to a general psychological situation, appear as an integral part of the portraits of people.

Н.В. Гревцева, О.А. Донскова

ПРАГМАТИКА СТИЛИСТИКИ РУССКОГО И
АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ
ЕЖЕГОДНОГО ПОСЛАНИЯ В.В. ПУТИНА ФЕДЕРАЛЬНОМУ
СОБРАНИЮ И Д. ТРАМПА "STATE OF THE UNION
SPEECH")

Ключевые слова: прагматика дискурса, стилистика дискурса, прагматика стилистики, политический дискурс, жанр, воздействие, форма.

В статье представлены результаты сопоставительного анализа прагматически значимой стилистики обращений Президентом России и США к высшим законодательным органам, раскрываются общие и отличительные особенности воздействия стилистически отмеченных структур в этом жанре российского и американского политического дискурса. Некоторые традиционные стилистические приемы, специфическая лексика, организация структуры текста, апелляции к аудитории - общие черты этого жанра в политическом дискурсе.

N.V. Grevtseva, O.A. Donskova

PRAGMATICS OF RUSSIAN AND AMERICAN POLITICAL
DISCOURSE STYLISTICS (CONTRASTIVE ANALYSIS
BASED ON ANNUAL V.V. PUTIN'S PRESIDENTIAL
ADDRESS TO THE FEDERAL ASSEMBLY AND
D. TRUMP'S "STATE OF THE UNION SPEECH")

Keywords: pragmatics of discourse, stylistics of discourse, pragmatics of stylistics, political discourse, impact, form.

The article presents the results of a comparative analysis of the pragmatically marked stylistics of Russian and American President addresses to the highest legislative bodies, reveals common and distinctive features of the stylistically significant structures impact in this genre of Russian and American political discourse. Some traditional stylistic devices, specific use of words, structure and address to the audience are common features of this genre in the political discourse.

Т.А. Замиралова, Н.В. Соломина

ЖАРГОНИЗАЦИЯ РЕЧИ КАК ЕСТЕСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Ключевые слова: жаргонизм, литературный язык, молодежный жаргон.

В статье рассматривается процесс жаргонизации речи как неотъемлемая часть развития языка в целом. Авторы придерживаются той точки зрения, в основе которой лежит критерий уместности и целесообразности использования социолекта в разных условиях коммуникации. Приводятся примеры популярных молодежных жаргонизмов, а также анализируются способы их образования.

T.A. Zamiralova, N.V. Solomina

JARGONIZATION OF SPEECH AS A NATURAL
LINGUISTIC PROCESS

Keywords: jargon, literary language, youth jargon.

The article deals with the process of jargonization of speech as an integral part of the development of the language as a whole. The authors adhere to the point of view, which is based on the criterion of appropriateness and appropriateness of using the sociolect in different conditions of communication. Examples of popular youth slang are given, and ways of their formation are analyzed.

Е.В. Комиссарова

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО СОБЕСЕДНИКА КАК ПРЕДМЕТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Ключевые слова: языковое сознание, образ языкового сознания, образ идеального собеседника, методы исследования, экспликативная текстовая объективация.

В работе обосновано и апробировано использование набора эффективных экспериментальных методов для описания психологически реальных образов языкового сознания, предложен метод использования экспликативных текстовых объективаций ментальных образов, разработаны алгоритмы интеграции результатов психолингвистических экспериментов.

E.V. Komissarova

THE IMAGE OF THE IDEAL INTERLOCUTOR AS A
SUBJECT OF LINGUISTIC STUDY

Keywords: language consciousness, the image of language consciousness, the image of an ideal interlocutor, research methods, explicative text objectification.

The paper substantiates and tested the use of a set of effective experimental methods to describe the psychologically real images of language consciousness, proposes a method of using explicative text objectification of mental images, developed algorithms for integrating the results of psycholinguistic experiments.

Р.М. Миндияхметова
 СУГГЕСТИВНО-МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
 ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
 РЕКЛАМНОМ ПРОФИЛЕ КОМПАНИИ

Ключевые слова: прецедентные феномены, рекламный профиль компании, суггестивно-манипулятивный.

В статье предпринимается попытка определить прагматический эффект, создаваемый прецедентными феноменами в коммерческой рекламе для американской аудитории. Устанавливаются сферы-источники прецедентных текстов в авторекламе.

R.M. Mindaikmetova
 SUGGESTIVE-MANIPULATIVE POTENTIAL OF
 PRECEDENT PHENOMENA IN THE ADVERTISING
 PROFILE OF A COMPANY

Keywords: precedent phenomena, the advertising profile of a company, suggestive-manipulative.

The article considers suggestive-manipulative effect of precedent phenomena in car commercials addressed to American audience. Popular source domains of precedent phenomena in car advertisement are identified.

Н.М. Мокрецова
 ИДИОМАТИКА В РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ МЕМУАРИСТА
 (НА ПРИМЕРЕ МЕМУАРОВ АНГЛИЙСКОГО РЕЖИССЕРА П.
 УСТИНОВА)

Ключевые слова: дискурс мемуарно-автобиографической прозы, речевая стратегия переживания, процесс категоризации, прототипический эффект, идиомы, интенсивность

В статье рассматриваются вопросы закономерности употребления фразеологических единиц в речи автора мемуарного дискурса, без понимания которых невозможно решение многоплановых задач, в том числе установление функций фразеологизмов в когнитивном конструировании, прослеживание выбора фразеологизма от типа языковой личности мемуариста.

N.M. Mokretsova
 THE IDIOM IN THE MEMOIRIST'S SPEECH STRATEGY
 (ON THE EXAMPLE OF ENGLISH PRODUCER P.
 USTINOV'S MEMOIRS)

Keywords: discourse of memoir-autobiographical prose, experience speech strategy, categorization process, prototype effect, idioms, intensity

In the article, regularities of the use of phraseological units in the speech of the author of memoir discourse are considered, without understanding of which it is impossible to solve multidimensional problems, including the establishment of functions of phraseological units in cognitive construction, tracing the choice of phraseology from the type of linguistic personality of the memoirist.

Р.А. Полончук
 СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ПЕРЕВОДА
 ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ С
 КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: китайский язык, фразеологические единицы военной сферы, фразеологизм, теория перевода, способ перевода.

В работе представлен сравнительный анализ способов перевода фразеологических единиц военной тематики (ФЕВТ) с китайского языка на русский. В качестве материала исследования выбраны ФЕВТ из китайских фразеологических словарей. На основе работ китайских и отечественных лингвистов-синологов анализируются способы перевода на лексико-фразеологическом уровне ФЕВТ с китайского языка на русский.

R.A. Polonchuk
 COMPARATIVE ANALYSIS OF WAYS TO TRANSLATE
 MILITARY PHRASEOLOGICAL UNITS FROM CHINESE
 INTO RUSSIAN

Keywords: Chinese language, military phraseological units, phraseological unit, translation theory.

The article is devoted to the research of the methods of translation of military phraseological units (MPU) based on the material of the Chinese language. MPU are used as a research material from Chinese phraseological dictionaries. The methods of translating MPU from the Chinese language into Russian at the lexical-phraseological level are proposed on the basis of the works of domestic linguists-sineologists.

А.Е. Фалилеев
 ПРИМЕНЕНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ В РАМКАХ
 ФАКУЛЬТАТИВНОГО КУРСА ПО ФОРМИРОВАНИЮ
 ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ

Ключевые слова: студент-бакалавр; аутентичный материал; иностранный язык; система упражнений; языковая культура; факультативный курс.

В данной статье проводится анализ использования аутентичных материалов на факультативных курсах, организованных для студентов-бакалавров в целях повышения их языковой культуры. В рамках данной статьи разработан комплекс упражнений к самостоятельно адаптированному аутентичному материалу. Сделан вывод о том, что в методике преподавания иностранного языка одним из важных направлений является использование аутентичных материалов, поскольку это не только расширяет границы познания, но и открывает большие языковые горизонты.

A.E. Falileev
 USE OF AUTHENTIC MATERIALS WITHIN THE
 FACULTATIVE COURSE ON LANGUAGE FORMATION
 CULTURE OF STUDENTS-BACHELORS

Keywords and phrases: bachelor student; authentic material; foreign language; system of exercises; language culture; facultative course.

This article analyzes the use of authentic materials on the facultative courses organized for bachelor students in order to improve their language culture. Within this article, the set of exercises for self-adapted authentic material has been developed. It is concluded that in the teaching of a foreign language one of the important directions is the use of authentic materials, as not only expands the knowledge borders, but also opens up large linguistic horizons.

А.Р. Фаттахова
 АРАБСКИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ЯЗЫКЕ СУАХИЛИ

Ключевые слова: числительное, заимствование, суахили, арабский язык, морфологические показатели.

В данной статье предпринята попытка анализа числительных арабского происхождения в языке суахили в контексте морфологической адаптации. Акцентируется внимание на сохранении морфологических показателей языка-передатчика и проникновении заимствованных числительных устным путем.

A.R. Fattakhova
 THE ARABIC NUMERALS IN SWAHILI

Keywords: numerals, borrowing, Arabic, Swahili, morphological indicators.

This article analyzes the Arabic numerals in Swahili in the context of their morphological adaptation. The preservation of the morphological indicators of the transmitting language and the oral penetration of the borrowed numerals are under consideration.

А.В. Федорюк
ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ

Ключевые слова: фразеологический интенсификатор, дискурс, языковая личность, интенциональность, речевой акт.

В статье представлены результаты исследования дискурсивных особенностей фразеологических интенсификаторов (далее ФИ) в современном английском языке. Анализируется коммуникативно-прагматический потенциал ФИ в дискурсе языковой личности Холдена Колфилда, главного героя романа Дж. Д.Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (“The Catcher in the Rye”).

А.А. Фомин, М.Ш. Базарова, А.Е. Соколова, Н.А. Баева
МОДЕЛИ СИНЕСТЕТИЧЕСКИХ МЕТАФОР В
ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОБЪЕМА ФРЕЙМОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Н. ГЕЙМАНА)

Ключевые слова: синестетические метафоры, модели метафор, перцептивные фреймы.

В статье рассматриваются синестетические метафоры с точки зрения взаимодействия фреймов, репрезентированных лексемами восприятия. Для такого взаимодействия характерно привлечение различного объема информации, получаемой при помощи органов чувств и содержащейся во фреймах. На этом основании выделяются разные модели синестетических метафор.

A.V. Fedoryuk
THE DISCOURSE ASPECT OF PHRASEOLOGICAL UNITS
Keywords: phraseological intensifier, discourse, intentionality, language personality, speech act.

The article deals with the discourse peculiarities of the phraseological intensifiers in Modern English. The communicative and pragmatic potential of phraseological intensifiers in the discourse of Holden Caulfield, the main character of J. D. Salinger's novel “The Catcher in the Rye” is analyzed.

A.A. Fomin, M.Sh. Bazarova, A.E. Sokolova, N.A. Baeva
MODELS OF SYNAESTHYTIC METAPHORS ON THE
PRINCIPLE OF THE AMOUNT OF FRAME INFORMATION
(BASED ON NOVELS BY N. GAIMAN)

Keywords: synaesthetic metaphors, models of metaphors, perceptual frames.

The paper deals with synaesthetic metaphors from the viewpoint of the interaction of frames which are represented by the perceptual lexemes. The interaction is characterized by the attraction of various amounts of information provided by sensory perception and contained in frames. It is on this basis that different models of synaesthetic metaphors are distinguished.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Казанская наука» и ООО «Казанский Издательский Дом» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№7 2018

www.kazanscience.ru

Лицензия ПИ № ФС77-59615

Подписано в печать 31.07.2018 Формат 60 x 84 1/8. Печать цифровая.

7,3 усл.печ.л. 8,4 уч.изд.л. Тираж 900 экз. Заказ 2210.

Учредитель: ООО «Казанская наука»:

420021, г. Казань, ул. З.Султана, д.17а.

Адрес издательства, типографии – ООО «Казанский Издательский Дом»:

420102, г. Казань, ул.2-ая Юго-Западная, 3

Цена - договорная

© Казанский Издательский Дом

тел.(843) 290-60-15

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Казанский Издательский Дом»